

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»
109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
от 11 декабря 2012 г. ПИ № ФС77-52135

В запись о регистрации внесены изменения,
регистрационный номер ПИ № ФС 77-76216 от 12.07.2019 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Глазьев С.Ю. (Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, г. Москва)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Азоев Г.Л. (Государственный университет управления, г. Москва)

Акаев А.А. (Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, г. Москва)

Афанасьев В.Я. (Государственный университет управления, г. Москва)

Ашмарина С.И. (Самарский государственный экономический университет, г. Самара)

Буренко В.И. (Московский гуманитарный университет, г. Москва)

Ваганова О.В. (Белгородский государственный национальный исследовательский
университет, г. Белгород)

Волох В.А. (Государственный университет управления, г. Москва)

Грошев И.В. (Научно-исследовательский институт образования и науки г. Москва)

Филлипп Джордж (Ксавьерский институт менеджмента и предпринимательства, Индия)

Егоршин А.П. (Нижегородский институт экономики и менеджмента,
г. Нижний Новгород)

Зайцев А.Г. (Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, г. Орел)

Иванова О.П. (Новгородский государственный университет имени Ярослава
Мудрого, г. Великий Новгород)

Коротков Э.М. (Государственный университет управления, г. Москва)

Латуллин Г.Р. (Государственный университет управления, г. Москва)

Линник В.Ю. (Государственный университет управления, г. Москва)

Морозова Е.Г. (Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва)

Мюллер-Штевенс Г. (Международный институт менеджмента Университета
Санкт-Галлена, Швейцария)

Перетти Жан-Мари (Высшая школа экономики и коммерции Парижа (ESSEC)
и Университета Корсики, Франция)

Першуков В.А. (Российская академия естественных наук, г. Москва)

Плахин А.Е. (Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург)

Полова Е.В. (Кубанский государственный аграрный университет имени
И.Т. Трубилина, г. Краснодар)

Райченко А.В. (Государственный университет управления, г. Москва)

Романов Р.М. (Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва)

Руденко М.Н. (Пермский государственный исследовательский университет, г. Пермь)

Сакульева Т.Н. (Государственный университет управления, г. Москва)

Святлов С.А. (АО «ForteBank», АО «Университет Нархоз», Казахстан)

Синг Анеш (Университет Квазулу-Наталь, ЮАР)

Сороко А.В. (Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва)

Уколов В.Ф. (Московская международная высшая школа бизнеса «МИРБИС»
(Институт), г. Москва)

Федченко А.А. (Воронежский государственный университет, г. Воронеж)

Хорин А.Н. (Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, г. Москва)

Чудновский А.Д. (Государственный университет управления, г. Москва)

Шабров О.Ф. (Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва)

Шамшиев Ч.Б. (Центр экономических исследований университета Париж VIII, Франция)

Шольц Маркус (Школа Бизнеса Университета ГФюрцхайм, Германия)

Шомова С.А. (Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», г. Москва)

Щербинин А.И. (Томский государственный университет, Институт политических
исследований, г. Томск)

Эришвили Н.Д. (Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации,
Государственный университет управления, г. Москва)

Язев В.А. (Азиатская парламентская ассамблея, г. Москва)

Яковлев А.Ю. (Государственный университет управления, г. Москва)

Яковлева Н.О. (Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск)

Главный редактор

Грошев И.В. – д-р экон. наук, д-р психол. наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

Заместители главного редактора:

Линник В.Ю. – д-р экон. наук

Сакульева Т.Н. – канд. экон. наук

Чудновский А.Д. – д-р экон. наук

Ответственный за выпуск

Алексеева Л.Н.

Редактор

Капарчук А.Д.

Выпускающий редактор и компьютерная верстка

Гусева Е.А.

Технический редактор

Волкова А.Р.

Миссия журнала – формирование международного уровня представления научных
исследований и информации об управлении.

Тематические направления публикаций: государственное и муниципальное
управление; межотраслевой менеджмент; управление в сфере экономики: проблемы
и перспективы; управление процессами; информационные технологии в управлении;
вызовы и угрозы, политический дискурс.

Целевая аудитория журнала – экономисты-исследователи, ведущие практики,
руководители федеральных и региональных органов власти, топ-менеджеры
и аналитики, преподаватели и студенты вузов.

**Журнал входит в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соиска-
ние ученой степени доктора наук по направлениям:**

– 5.2.1 «Экономическая теория (экономические науки);»

– 5.2.2 «Математические, статистические и инструментальные методы
в экономике (экономические науки);»

– 5.2.3 «Региональная и отраслевая экономика (экономические науки);»

– 5.2.4 «Финансы (экономические науки);»

– 5.2.5 «Мировая экономика (экономические науки);»

– 5.2.6 «Менеджмент (экономические науки);»

– 5.5.1 «История и теория политики (политические науки);»

– 5.5.2 «Политические институты, процессы, технологии (политические
науки);»

– 5.5.3 «Государственное управление и отраслевые политики (полити-
ческие науки);»

– 5.5.4 «Международные отношения (политические науки).»

Статьи доступны по лицензии Creative Commons «Attribution»
(«Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), согласно которой возможно неограниченное распространение
и воспроизведение этих статей на любых носителях при условии указания автора
и ссылки на исходную публикацию статьи в данном журнале в соответствии
с правилами научного цитирования.

Подписано в печать 17.06.2024

Формат 60x90/8

Объем 13,5 печ. л.

Бумага офсетная

Тираж 1000 экз.

(первый завод 28 экз.)

Заказ № 103_Т

На сайте «Объединенного каталога «Пресса России» www.pressa-ru.ru можно
оформить подписку на 2024 год на печатную версию журнала «Управление»
по подписочному индексу 79129 , а также подписаться через интернет-магазин
«Пресса по подписке» <https://www.akc.ru>

Издательство: Издательский дом ГУУ (Государственный университет
управления), 109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99

Все публикуемые статьи прошли обязательную процедуру рецензирования

Адрес редакции:

109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99

Тел.: (495) 377-90-05

E-mail: ic@guu.ru

<http://www.upravlenie.guu.ru>

UPRAVLENIE / MANAGEMENT (Russia)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

Available in print from 2013

Published quarterly

Volume 12 No. 2 2024

Founder:

Federal Government Budget Education Institution of Higher Education "State University of Management"
99 Ryazansky Prospekt, Moscow, 109542, Russia

Registration mass-media license PI No. FS77-52135

December 11, 2012.

Changes have been made to the registration record

Registration number PI No. FS 77-76216 from July 12, 2019

CHAIRMAN OF THE EDITORIAL BOARD

S.Yu. Glaz'ev (Glaziev S.) (Lomonosov Moscow State University, Moscow)

EDITORIAL BOARD

V.Ya. Afanasyev (State University of Management, Moscow)

A.A. Akaev (National Research University Higher School of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow)

S.I. Ashmarina (Samara State University of Economics, Samara)

G.L. Azoev (State University of Management, Moscow)

V.I. Burenko (Moscow University for the Humanities, Moscow)

A.D. Chudnovskii (State University of Management, Moscow)

A.P. Egorshin (Nizhny Novgorod Institute of Economics and Management, Nizhny Novgorod)

N.D. Eriashvili (Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation, State University of Management, Moscow)

A.A. Fedchenko (Voronezh State University, Voronezh)

I.V. Groshev (Research Institute of Education and Science, Moscow)

O.P. Ivanova (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod)

A.N. Khorin (Lomonosov Moscow State University, Moscow)

E.M. Korotkov (State University of Management, Moscow)

G.R. Latfullin (State University of Management, Moscow)

V.Yu. Linnik (State University of Management, Moscow)

E.G. Morozova (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow)

G. Müller-Stewens (International Institute of Management at San-Gallen University, Switzerland)

J.M. Peretti (Higher School of Economics and Commerce Paris (ESSEC) and the Corsica University, France)

V.A. Pershukov (Russian Academy of Natural Sciences, Moscow)

A.E. Plakhin (Ural State University of Economics, Yekaterinburg)

E.V. Popova (Kuban State Agrarian University, Krasnodar)

J. Philip (Xavier Institute of Management and Entrepreneurship, India)

A.V. Raichenko (State University of Management, Moscow)

R.M. Romanov (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow)

M.N. Rudenko (Perm State University, Perm)

T.N. Sakul'eva (State University of Management, Moscow)

Marcus Scholz (Business School at Pforzheim University, Germany)

O.F. Shabrov (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow)

Ch.B. Shamshiev (Center for Economic Research, University Paris, France)

A.I. Shcherbinin (Tomsk State University, Institute for Political Studies, Tomsk)

S.A. Shomova (National Research University Higher School of Economics, Moscow)

A.M. Singh (University KwaZulu-Natal, SAR)

A.V. Soroko (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow)

S.A. Svyatov (JSC ForteBank, JSC University of Narchos, Kazakhstan)

V.F. Ukolov (Moscow International Higher School of Business MIRBIS (Institute), Moscow)

O.V. Vaganova (Belgorod State University, Belgorod)

V.A. Volokh (State University of Management, Moscow)

V.A. Yazev (Asian Parliamentary Assembly, Moscow)

A.Yu. Yakovlev (State University of Management, Moscow)

N.O. Yakovleva (South Ural State University, Chelyabinsk)

A.G. Zaitsev (Orel State University named after I.S. Turgenev, Orel)

Editor-in-Chief

I.V. Groshev – Dr. Sci. (Econ.), Dr. Sci. (Psy.), Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation

Deputy Editors-in-Chief

V.Yu. Linnik – Dr. Sci. (Econ.)

T.N. Sakul'eva – Cand. Sci. (Econ.)

A.D. Chudnovskii – Dr. Sci. (Econ.)

Responsible for issue

L.N. Alekseeva

Editor

A.D. Kaparchuk

Executive editor and desktop publishing

E.A. Guseva

Technical editor

A.R. Volkova

The journal's mission is to create an international level of scientific research and management information.

Thematic areas of publications: state and municipal administration; m-sector management, management in the economy; problems and prospects; process management; information technology in management; challenges and threats; political discourse.

The magazine's target audience are research economists, leading practitioners, heads of Federal and regional authorities, top managers and analysts, teachers and university students.

The journal is included in the list of Higher Attestation Commission (Russia Federation) of peer-reviewed scientific publications, where basic scientific results of dissertations on competition of a scientific degree of candidate of sciences and on competition of a scientific degree of doctor of sciences must be published in the fields:

- 5.2.1 "Economic theory (economic sciences)";
- 5.2.2 "Mathematical, statistical and instrumental methods in economics (economic sciences)";
- 5.2.3 "Regional and sectoral economics (economic sciences)";
- 5.2.4 "Finance (economic sciences)";
- 5.2.5 "World economy (economic sciences)";
- 5.2.6 "Management (Economic Sciences)";
- 5.5.1 "History and Theory of Politics (political sciences)";
- 5.5.2 "Political institutions, processes, technologies (political sciences)";
- 5.5.3 "Public administration and sectoral policies (political sciences)";
- 5.5.4 "International relations (political sciences)".

 The articles are available under the Creative Commons Attribution 4.0 International CC BY 4.0, according to which unlimited distribution and reproduction are possible in any medium. The author's name, references and original sources have to be shown in accordance with scientific citation rules
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Signed to print 17.06.2024

Format 60x90/8

Size is 13,5 printed sheets

Offset paper

Circulation 1000 copies

(the first factory 28 copies)

Print order № 103_T

Publishing: State University of Management, Publishing house
99 Ryazansky prospekt, Moscow, 109542, Russia

All published articles have undergone a mandatory review process

Editor office:

99 Ryazansky prospekt, Moscow, 109542, Russia, State University of Management

Tel.: (495) 377-90-05

E-mail: ic@guu.ru

<http://www.upravlenie.guu.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖОТРАСЛЕВОЙ МЕНЕДЖМЕНТ

- Обоснование комплекса мер по формированию институциональной среды и системы управления диверсификацией оборонно-промышленного комплекса
Байдаров Д.Ю., Файков Д.Ю. 5
- Управление развитием добычи железной руды в Российской Федерации
Беляев А.М., Шарипов Ф.Ф., Дьяконова М.А. 17

УПРАВЛЕНИЕ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

- Алгоритм формирования набора показателей эффективности таможенного регулирования международной торговли в государствах-членах ЕАЭС
Воротынцева Т.М. 23
- Производительность труда в рамках реализации национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости»
Зотиков Н.З. 31
- Глобальная инфляция: современный детерминизм и вызовы для политики
Смирнов Е.Н. 40
- Кластерный подход к развитию масложирового подкомплекса региона
Сучкова Н.Р. 51

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В УПРАВЛЕНИИ

- Развитие наукоемкой промышленности: выбор элементов модели работы технопарков в сфере высоких технологий
Дегтярева В.В., Серегин М.С. 62

ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ

- Стратегии Китая и Индии в Индо-Тихоокеанском регионе
Карсанова Е.С. 74
- Роль трудовых мигрантов из Центральной Азии в социально-экономическом развитии России в условиях новых глобальных вызовов
Рахмонов А.Х. 82

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

- О некоторых актуальных аспектах и новых подходах к научному осмыслению национальных особенностей становления и эволюции российской государственности
Омельченко Н.А., Растиמיшина Т.В., Синчук Ю.В. 91
- Влияние цифровизации на формирование современного молодежного политического лидерства
Судоргин О.А., Агафонов А.В. 99

CONTENTS

MANAGEMENT IN VARIOUS INDUSTRIES

Justification of a set of measures for forming an institutional environment and a management system for defense industry complex diversification <i>D.Yu. Baydarov, D.Yu. Faikov</i>	5
Iron ore development management in the Russian Federation <i>A.M. Belyaev, F.F. Sharipov, M.A. Dyakonova</i>	17

MANAGEMENT IN ECONOMY: PROBLEMS AND PROSPECTS

Algorithm for forming a set of indicators of international trade customs regulation effectiveness in the EAEU member states <i>T.M. Vorotyntseva</i>	23
Labor productivity within the framework of the Labor Productivity and Employment Support national project <i>N.Z. Zotikov</i>	31
Global inflation: modern determinism and challenges for policy <i>Ye.N. Smirnov</i>	40
Cluster approach to regional oil and fat subcomplex development <i>N.R. Suchkova</i>	51

MANAGEMENT INFORMATION TECHNOLOGIES

High-tech industry development: selection of technology parks operation model elements in the field of high technology <i>V.V. Degtyareva, M.S. Seregin</i>	62
--	----

THREATS AND CHALLENGES

Strategies of China and India in the Indo-Pacific region <i>E.S. Karsanova</i>	74
Role of labor migrants from Central Asia in the socio-economic development of Russia in the context of new global challenges <i>A.Kh. Rakhmonov</i>	82

POLITICAL DISCOURSE

On some current aspects and new approaches to scientific understanding of the national characteristics of Russian statehood formation and evolution <i>N.A. Omelchenko, T.V. Rastimeshina, Sinchuk Yu.V.</i>	91
The impact of digitalization on forming modern youth political leadership <i>O.A. Sudorgin, A.V. Agafonov</i>	99

Обоснование комплекса мер по формированию институциональной среды и системы управления диверсификацией оборонно-промышленного комплекса

Байдаров Дмитрий Юрьевич¹

Канд. юрид. наук, директор Департамента поддержки новых бизнесов

ORCID: 0000-0002-7089-7015, e-mail: d_baydarov@mail.ru

Файков Дмитрий Юрьевич²

Д-р экон. наук, вед. специалист

ORCID: 0000-0002-3532-1352, e-mail: cat1611@mail.ru

¹Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом», 119017, Большая Ордынка ул., 24, г. Москва, Россия

²Российский федеральный ядерный центр – Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики, 607188, Мира пр-т, 37, г. Саров, Россия

Аннотация

Волнообразный характер государственного оборонного заказа подтверждает необходимость диверсификации деятельности оборонных предприятий как способа повышения их устойчивости и развития, позволяющего поддерживать требуемый уровень обороноспособности страны и мобилизационной готовности экономики. Диверсификация в сфере продукции гражданского назначения дает возможность использовать компетенции и ресурсы оборонно-промышленного комплекса для укрепления технологического суверенитета страны и движения к технологическому лидерству. Цель статьи – обоснование комплекса мер по формированию институциональной среды и системы управления диверсификацией оборонно-промышленного комплекса. Рассмотрен зарубежный опыт диверсификации оборонной промышленности, выделены принципы, представляющие интерес для российских предприятий. Выявлены системные сложности диверсификации оборонно-промышленного комплекса методологического, институционального, организационного, социально-экономического характера. Обоснованы принципиальные основы для ее эффективного проведения, в том числе формирование институциональных условий, включая специальный административно-правовой режим, организацию системы стратегического трансфера технологий, системы научно-технологического прогнозирования, планирования, создание трехуровневой системы управления диверсификацией оборонно-промышленного комплекса, создание нормативно-правовой базы. Основой последней должен стать федеральный закон «О диверсификации деятельности организаций оборонно-промышленного комплекса», а первым шагом – подготовка Концепции диверсификации деятельности организаций оборонно-промышленного комплекса.

Ключевые слова: обороноспособность, технологический суверенитет, импортбезопасность, выпуск продукции гражданского назначения, система управления диверсификацией оборонно-промышленного комплекса, государственная корпорация, проблемы диверсификации ОПК, концепция диверсификации ОПК

Для цитирования: Байдаров Д.Ю., Файков Д.Ю. Обоснование комплекса мер по формированию институциональной среды и системы управления диверсификацией оборонно-промышленного комплекса//Управление. 2024. Т. 12. № 2. С. 5–16. DOI: 10.26425/2309-3633-2024-12-2-5-16

Justification of a set of measures for forming an institutional environment and a management system for defense industry complex diversification

Dmitry Yu. Baydarov¹

Cand. Sci. (Jur.), Director of the New Business Support Department
ORCID: 0000-0002-7089-7015, e-mail: d_baydarov@mail.ru

Dmitry Yu. Faikov²

Dr. Sci. (Econ.), Lead Specialist
ORCID: 0000-0002-3532-1352, e-mail: cat1611@mail.ru

¹Rosatom State Atomic Energy Corporation, 24, Bolshaya Ordynka ul., Moscow 119017, Russia

²Russian Federal Nuclear Center – All-Russian Research Institute of Experimental Physics, 37, Mira prospekt, Sarov 607188, Russia

Abstract

The wave-like nature of the state defense order confirms the need to diversify the defense enterprises' activities as a way to improve their sustainability and development, which allows them to maintain the required level of the country's defense capability and economy mobilization readiness. Diversification into the civilian goods sphere makes it possible to use the defense industry complex competencies and resources to strengthen the country's technological sovereignty and move towards technological leadership. The purpose of the study is to substantiate a set of measures for forming institutional environment and management system of defense-industrial complex diversification. The article considers the foreign experience of defense industry diversification and identifies the principles of interest for Russian enterprises. The systemic difficulties of defense industry complex diversification of methodological, institutional, organizational, socio-economic nature have been revealed. The fundamental bases for its effective implementation have been substantiated, including institutional conditions formation with a special administrative and legal regime, strategic technology transfer system organization, scientific and technological forecasting and planning system, the creation of a defense-industrial complex diversification three-level management system and a legal framework. The basis for the latter should be the federal law "On Diversification of the Defense Industrial Complex Organizations' Activities", and the first step should be the preparation of the Defense Industrial Complex Organizations' Activities Diversification Concept.

Keywords: defense capability, technological sovereignty, national security, civilian goods production, defense industry diversification management system, state corporation, defense industry diversification issues, defense industry diversification concept

For citation: Baydarov D.Yu., Faikov D.Yu. (2024) "Justification of a set of measures for forming an institutional environment and a management system for defense industry complex diversification". *Upravlenie / Management (Russia)*, 12 (2), pp. 5–16. DOI: 10.26425/2309-3633-2024-12-2-5-16

Введение / Introduction

В современных непростых внешнеполитических условиях безусловным приоритетом оборонно-промышленного комплекса (далее – ОПК) является выпуск военной продукции. Однако вопрос диверсификации деятельности организаций ОПК, в том числе расширение выпуска продукции гражданского назначения, не просто остается на повестке дня, а становится все более актуальным. Это связано с тем, что объем государственного оборонного заказа (далее – ГОЗ) имеет волнообразный характер. Сейчас производство продукции военного назначения увеличилось (по некоторым образцам в 10 раз), многие предприятия ОПК перешли на работу в две–три смены¹. Однако этот период закончится, оборонные заказы снизятся. Встанут как краткосрочные проблемы (загрузки высвобождающегося персонала и мощностей), так и задачи долгосрочного характера (продолжение исследовательских и задельных работ оборонного характера, сохранение мобилизационной готовности, то есть оборудования, технологий, специалистов, способных при необходимости перейти на выпуск оборонной продукции). Это возможно, если предприятия ОПК (и не только в периоды снижения ГОЗ) будут выпускать гражданскую продукцию, по уровню технологичности сопоставимую с оборонной. Еще одним вариантом диверсификации может быть производство военной продукции на экспорт (это направление, также имеющее свою специфику, в статье не рассматривается).

Оборонно-промышленный комплекс представляет сегодня наиболее высокотехнологичный сегмент отечественной промышленности, поэтому участие предприятий ОПК в укреплении технологического суверенитета и движении к технологическому лидерству, что достигается в большей мере именно в области производства продукции гражданского назначения, видится безальтернативным².

Процессы диверсификации ОПК, получившие серьезный импульс в 2016 г., сегодня показывают

положительные результаты^{3,4,5}. Однако сохраняется значительное количество нерешенных вопросов, которые в условиях роста ГОЗ не всегда заметны. Затруднения в их решении связаны в значительной степени с отсутствием научно-методологического подхода в сфере диверсификации ОПК. Исходя из этого, авторы обосновывают комплекс мер по формированию институциональной среды и системы управления диверсификацией оборонно-промышленного комплекса, что и является целью настоящего исследования.

Методологические аспекты / Methodological aspects

В первой части статьи анализируется мировой опыт диверсификации оборонной промышленности. Во второй части рассматриваются понятие ОПК, особенности государственных корпораций, объединяющих большую часть организаций ОПК, современное состояние процесса диверсификации. В третьей части обосновываются действия, необходимые для формирования эффективной системы управления диверсификацией в ОПК. Методологически исследование базируется на системном подходе, используются методы институционального, нормативного, графического анализа, обобщения, логического моделирования.

В рассуждениях исходим из того, что диверсификация – это управление товарным портфелем, который на оборонных предприятиях может расширяться как в сторону выпуска продукции военного или двойного назначения, так и в сторону продукции гражданского назначения. В статье рассматриваем второй вариант, поэтому термины «диверсификация ОПК» (с целью упростить восприятие применяем именно такой термин, подразумевая под ним «диверсификацию деятельности организаций ОПК») и «выпуск продукции гражданского назначения предприятиями ОПК» для целей данной работы считаем синонимами.

Настоящая статья продолжает исследования авторов в сфере диверсификации ОПК, результаты

¹ Встреча с военными корреспондентами. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71391> (дата обращения: 16.03.2024).

² Министерство промышленности и торговли. Развитие оборонно-промышленного комплекса. Режим доступа: <https://minpromtorg.gov.ru/activities/industries/sizadachi/oboronprom> (дата обращения: 16.03.2024).

³ Послание Президента РФ Федеральному собранию, декабрь 2016 г. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207978 (дата обращения: 16.03.2024).

⁴ Встреча с главой госкорпорации «Ростех» Сергеем Чемезовым. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71993> (дата обращения: 16.03.2024).

⁵ Встреча с главой госкорпорации «Росатом» Алексеем Лихачевым. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/68446> (дата обращения: 16.03.2024).

которых изложены в ряде предыдущих работ [Байдоров, Файков, 2023; Байдоров, Полосин, Файков, 2023].

Мировой опыт диверсификации оборонной промышленности / Global experience in the defense industry diversification

Знание мирового опыта, прежде всего опыт Соединенных Штатов Америки (далее – США), Китая и стран Европы, в области диверсификации оборонной промышленности может быть весьма полезным.

Основной этап диверсификации «оборонки» в США и Европе прошел в 1990–2000-х гг., поэтому сейчас есть возможность исследовать и опыт ее проведения, и последствия. К указанному периоду ведущие оборонные компании западных стран представляли собой крупные диверсифицированные конгломераты, которые получали от государства значительные средства, за счет которых создали многие передовые технологии, постепенно передавая их из оборонной сферы в гражданскую. В связи с заметным снижением расходов на оборону в 1990-х гг. многие крупные компании продали свои оборонные подразделения⁶. Оставшиеся, наоборот, заменяли свои гражданские активы, присоединяя более мелких оборонных поставщиков. Таким образом, в оборонной отрасли США сформировалось 5–7 крупнейших мировых игроков – это прежде всего Lockheed Martin, RTX (бывшая Raytheon Technologies), Northrop Grumman, Boeing, General Dynamics, в Европе четыре – BAE Systems (Великобритания), Leonardo (Италия), Airbus и Thales (Франция). Отметим, что эти крупнейшие оборонные компании выпускают от 5 до 50 % гражданской продукции⁷.

Можно выделить тенденции, которые характерны для диверсификации военно-промышленного комплекса западных стран:

- разделение бывших оборонных предприятий на оборонные и гражданские [Lemke, 2019];
- привлечение инноваций в оборонную промышленность из гражданского сектора⁸;
- создание законодательной базы диверсификации, включая упрощение работы с интеллектуальной собственностью [Файков, Байдоров, 2020];

⁶ SIPRI Fact Sheet. Trends in world military expenditure, 2022. Режим доступа: https://www.sipri.org/sites/default/files/2023-04/2304_fs_milex_2022.pdf (дата обращения: 16.03.2024).

⁷ Defense News. Top 100 for 2023. Режим доступа: <https://people.defensenews.com/top-100/> (дата обращения: 16.03.2024).

⁸ Higgons R., Cubitt. A. Diversification by Defence Companies into Civil Markets. Challenges, Opportunities, and Strategic Drivers. Режим доступа: <https://www.qi3.co.uk/markets/defence-security/> (дата обращения: 16.03.2024).

- государственная поддержка процессов диверсификации⁹;
- создание государственных агентств в оборонных ведомствах, занимающихся поиском и развитием передовых гражданских технологий (американское DARPA, французское Battle Lab Terre¹⁰, британское jHub¹¹ и др.) [Merindol, Versailles 2020];
- расширение международного сотрудничества оборонных компаний в области гражданских производств (как способ выхода на новые рынки и усиление своего присутствия на существующих) [Ганус, Красникова, 2020].

Китайские предприятия составляют конкуренцию американским, занимая в мировом топ-10 оборонных компаний 4-е, 8-е и 10-е места. В отличие от российских и западных компаний у китайских оборонных предприятий доля гражданской продукции в выпуске доходит до 60–80 %¹². Реформирование военно-промышленного комплекса Китая, как и в Российской Федерации, находится в активной фазе. Сегодня этот процесс называется «военно-гражданская интеграция» (далее – ВГИ), его цель – создание интегрированной системы, позволяющей эффективно использовать политику, экономику, вооруженные силы, науку и технику, культуру («мягкую силу») для повышения государственной мощи¹³. Основными участниками ВГИ являются 10 крупных оборонных государственных корпораций, в которые входит более 800 предприятий [Барков, 2020].

Принципы и механизмы военно-гражданской интеграции:

- ВГИ определена в качестве государственной стратегии и включена в нормативную базу¹⁴;

⁹ Unite the union. Defence Diversification Revisited. A history of defence diversification in the UK and elsewhere – lessons learned and ways forward. Режим доступа: <https://unitetheunion.org/media/1108/unite-diversification-revisited.pdf> (дата обращения: 16.03.2024).

¹⁰ Ministère des Armées. Battle-Lab Terre: l'armée de Terre à la pointe de l'innovation. Режим доступа: <https://www.defense.gouv.fr/terre/actuelle/battle-lab-terre-l-armee-de-terre-a-la-pointe-de-l-innovation> (дата обращения: 16.03.2024).

¹¹ GOV.UK. jHub. Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/organisations/jhub-defence-innovation/about> (дата обращения: 16.03.2024).

¹² Defense News. Top 100 for 2023. Режим доступа: <https://people.defensenews.com/top-100/> (дата обращения: 16.03.2024).

¹³ The State Council of the People's Republic of China. China's Military-Civil Fusion Strategy. Режим доступа: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-12/04/content_5244373.htm (дата обращения: 16.03.2024).

¹⁴ СЮ. Закон Китая о национальной обороне (2020 г.). Режим доступа: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/law-of-china-on->

- создана система управления ВГИ на федеральном и отраслевом уровнях [Каменнов, 2022];
- к участию в военном производстве привлекаются предприятия гражданского сектора¹⁵;
- создается инновационная инфраструктура, помогающая диверсификации (пилотные зоны и лаборатории ВГИ, центры инноваций с привлечением оборонных корпораций, университетов, научных центров, государственные агентства и др.) [Барков, 2020];
- совершенствуется и упрощается работа с интеллектуальной собственностью оборонной промышленности, расширяется ее внедрение в гражданский оборот;
- под цели ВГИ реформируется система образования, которая должна готовить специалистов широкого профиля, способных работать как в военных, так и в гражданских научно-технических проектах;
- ВГИ подразумевает активизацию международной деятельности, прежде всего в части экспорта в атомной, аэрокосмической, транспортной и других областях¹⁶.

Для формирования отечественных процессов диверсификации ОПК могут представлять интерес следующие принципы, используемые в других странах:

- 1) создание институциональной, в том числе правовой, базы диверсификации;
- 2) реформирование работы с интеллектуальной собственностью;
- 3) создание государством инновационной и прогнозной инфраструктуры;
- 4) приоритет крупных, в том числе государственных, корпораций в процессах диверсификации ОПК;
- 5) ориентация системы образования на подготовку кадров для реальной экономики, в том числе для развития высокотехнологичных отраслей;
- 6) расширение международного сотрудничества и экспорт высокотехнологичной продукции в процессе диверсификации ОПК.

national-defense-20201226?ysclid=ljdnw8t0uj196048207 (дата обращения 16.03.2024).

¹⁵ The National Institute for Defense Studies. NIDS China Security Report 2021 China's Military Strategy in the New Era. Режим доступа: <https://nosi.org/2021/07/27/nids-china-security-report-2021-chinas-military-strategy-in-the-new-era/> (дата обращения: 16.03.2024).

¹⁶ The State Council of the People's Republic of China. China's Military-Civil Fusion Strategy. Режим доступа: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-12/04/content_5244373.htm (дата обращения: 16.03.2024).

Российский оборонно-промышленный комплекс и диверсификация его деятельности: текущее состояние / The Russian military-industrial complex and the diversification of its activities: current state

Оборонно-промышленный комплекс является особым институтом российской экономики [Байдаров, Файков, 2023]. В действующем законодательстве он определен как набор организаций, включенных в Сводный реестр организаций оборонно-промышленного комплекса, который ведет Министерство промышленности и торговли Российской Федерации (далее – РФ, Россия)¹⁷. Эти организации относятся к разным отраслям промышленности и разным министерствам, и большая их часть входит в состав трех государственных корпораций – «Ростех», «Росатом», «Роскосмос»¹⁸. Организации ОПК выпускают продукцию практически во всех высокотехнологичных отраслях¹⁹. В ОПК создается значительное количество критических и сквозных технологий, а также обеспечивается производство готовой продукции на их основе [Байдаров, Полосин, Файков, 2023]. По состоянию на июль 2020 г. в ОПК входило 1,281 тыс. организаций, в которых было занято около 2 млн чел.²⁰.

Государственные корпорации, объединяющие организации ОПК, выполняют ряд важных для развития страны функций [Гончарова, Шеломенцев, Масюк, 2023]:

- осуществляют разработку высоких, в том числе перспективных, технологий;

¹⁷ Постановление Правительства Российской Федерации от 20 февраля 2004 № 96 «О сводном реестре организаций оборонно-промышленного комплекса». Режим доступа: <https://base.garant.ru/186770/?ysclid=ltzgx1mugh953141863> (дата обращения: 09.03.2024).

¹⁸ Министерство промышленности и торговли. Приказ от 20 ноября 2014 г. № 2338 «Об утверждении перечня организаций, включенных в сводный реестр организаций оборонно-промышленного комплекса». Режим доступа: https://www.glavbukh.ru/npd/edoc/99_420235907?anchor=XA00LU62M3#XA00LU62M3 (дата обращения: 16.03.2024).

¹⁹ Федеральная служба государственной статистики. Приказ от 15 декабря 2017 г. № 832 «Об утверждении Методики расчета показателей «Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте» и «Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом региональном продукте субъекта Российской Федерации». Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-rosstata-ot-15122017-n-832-ob-utverzhdenii-metodiki/?ysclid=llxic7g06b637411504> (дата обращения: 16.03.2024).

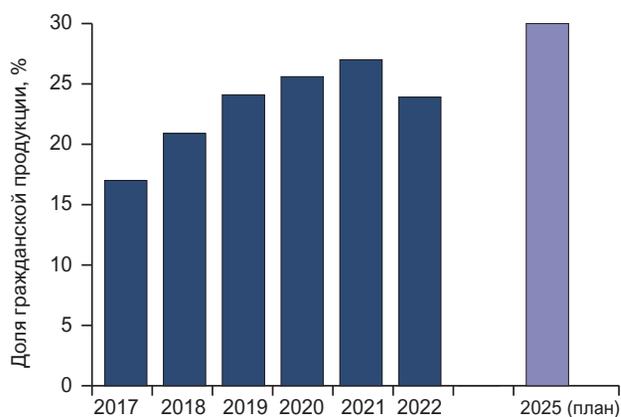
²⁰ Министерство промышленности и торговли. Развитие оборонно-промышленного комплекса. Режим доступа: <https://minpromtorg.gov.ru/activities/industries/sizadachi/oboronprom> (дата обращения: 16.03.2024).

- создают полные технологические цепочки и продукцию высоких переделов;
- дают заказы средним и малым предприятиям, выполняя роль лидера для национального бизнеса;
- обеспечивают импортозамещение;
- развивают необходимые государству сферы деятельности, включая такие, как наука и образование;
- реализуют крупные проекты общегосударственного значения, в том числе комплексные, обеспечивающие территориальное развитие;
- создают и поддерживают институты, необходимые для развития высокотехнологичных сфер: инновационная инфраструктура, системы трансфера технологий и др.;
- участвуют в формировании и реализации государственной политики в области передовых технологий, а также развитии общеэкономических институтов планирования, кооперации и др.

Размер государственных корпораций, объединение в них большинства технологических переделов, их деятельность в области передовых технологий, что обусловлено во многом разработкой и производством военной продукции, позволяют им конкурировать с мировыми технологическими лидерами [Гончарова, Шеломенцев, Масюк, 2023]. Это важно для укрепления обороноспособности государства, достижения технологического суверенитета и обеспечения технологического лидерства.

Результативность диверсификации в ОПК сегодня измеряют долей гражданской продукции в общем объеме выпуска, которая по поручению Президента РФ должна достичь 30 % к 2025 г. и 50 % к 2030 г.²¹ По итогам 2022 г. эта доля оценивалась в целом по ОПК в 23,9 %, что несколько ниже показателей предыдущих лет в связи со значительным увеличением объемов гособоронзаказа (рис. 1).

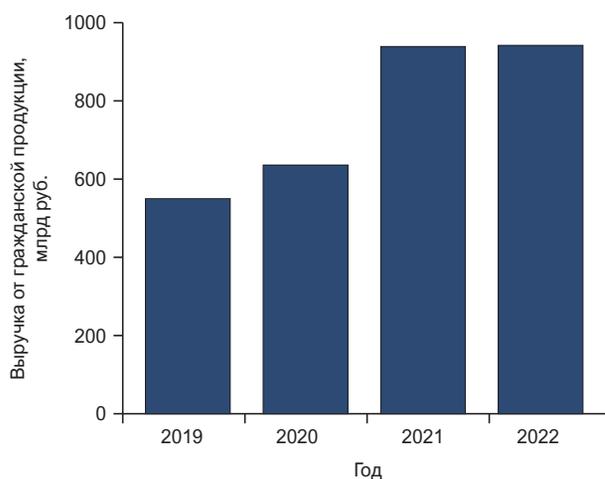
В абсолютных значениях объем выпуска гражданской продукции в 2022 г. увеличился по сравнению с предыдущими периодами (на примере «Ростеха») (рис. 2).

Источник^{22,23,24} / Source^{22,23,24}

Рис. 1. Доля гражданской продукции в общем объеме производства предприятий ОПК

Fig. 1. The share of civilian products in the defense industry enterprises total production

Источник^{25,26} / Source^{25,26}

Рис. 2. Выручка от гражданской продукции госкорпорации «Ростех»

Fig. 2. Revenue from civilian products of Rostech State Corporation

В научной литературе выделяют следующие проблемы и сложности диверсификации ОПК: неумение работать в рыночных условиях, отсутствие финансов,

²¹ Поручение Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № Пр-2346, п.1 ж. Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/53425> (дата обращения: 16.03.2024).

²² Заседание Военно-промышленной комиссии. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67093> (дата обращения: 16.03.2024).

²³ Посещение Обуховского завода. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70368> (дата обращения: 16.03.2024).

²⁴ Российский ОПК к 2030 году выпустит гражданскую продукцию на 10 трлн рублей. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/916876> (дата обращения: 16.03.2024).

²⁵ Консолидированная чистая прибыль Ростеха по итогам 2021 года выросла на 47%. Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/14657831?ysclid=lpjgg51857300259900> (дата обращения: 16.03.2024).

²⁶ Встреча с главой госкорпорации «Ростех» Сергеем Чемезовым. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71993> (дата обращения: 16.03.2024).

высокие издержки, отсутствие единого управления и др. [Розмирович, Манченко, Механик, Лисс, 2017]. В то же время уже наработанный отечественный опыт, мировой опыт и понимание стратегической значимости процессов диверсификации указывают на необходимость рассматривать не отдельные проблемы предприятий ОПК, а сложности системного характера, которые можно классифицировать на несколько групп [Бойко, 2020; Мусатова 2022].

1. Сложности методологического характера. К ним стоит отнести не полностью оформленный понятийный и смысловой аппарат, в частности «технологический суверенитет» (его формальное определение в законодательстве есть, но в нем не хватает как минимум акцента на лидерство, выделенной функции прогнозирования, указания на то, что это состояние государства, а не «наличие в стране» некоторых сущностей), отсутствие таких базовых категорий, как «диверсификация ОПК», «импорто-безопасность» (состояние экономики, которое задает требования к процессу импортозамещения и должно рассматриваться как часть технологического суверенитета, которая включает только отношение к импорту)^{27,28}.

2. Сложности организационного характера. Это прежде всего отсутствие стратегического видения развития экономики и общества, основанного на прогнозировании и планировании, без чего опасно, с одной стороны, переориентировать часть ресурсов ОПК на выпуск гражданской продукции, а с другой — гарантировать выполнение организациями ОПК обязательств по гражданской продукции в случае ускоренного перехода на выпуск продукции военного назначения. Касательно самих процессов диверсификации — отсутствие институтов, организующих и управляющих этим процессом на федеральном уровне. На уровне предприятий — необходимость сосуществования в организациях ОПК двух сложно сочетающихся систем управления — плановой для выполнения ГОЗ и рыночной для работ на рынке гражданской продукции.

3. Сложности институционального характера. Существующая контрактная система, несмотря на ее положительные новации, становится сдерживающим

фактором за счет увеличения сроков сделок, ограничений по выбору контрагентов и др.²⁹. Императив конкуренции затрудняет развитие по приоритетным направлениям (там, где нужно объединение усилий для прорыва), не дает права на риск, то есть возможности равноправно развиваться нескольким коллективам (организациям), поскольку финансируется только один. В рамках планируемого развития необходимо заменить принцип конкуренции на принцип соревновательности, понимаемый как борьба не за финансовые ресурсы, а за технологические, социально-экономические результаты.

К институциональным сложностям стоит отнести и отсутствие эффективно работающей системы технологического трансфера, прежде всего связанного с распоряжением интеллектуальной собственностью, созданной за счет федерального финансирования, а также в рамках ОПК [Шевырева, 2018; Гапоненко, 2019].

4. Сложности социально-экономического характера. Не все сотрудники организаций ОПК, если речь идет о градообразующем предприятии в небольшом городе, готовы переходить из оборонного производства в гражданское, что связано как с материальной заинтересованностью, так и с гарантией занятости, традициями и др. Для привлечения и удержания высококвалифицированных сотрудников для работы и в оборонном, и в гражданском направлениях необходимы не только наличие объемов работ и гарантии достойной оплаты труда, но и качественные условия жизни, так как в высокотехнологичных сферах предприятия ОПК конкурируют за специалистов с необоронными организациями, находящимися в крупных городах [Байдаров, Файков, 2023].

Необходимые механизмы в сфере диверсификации ОПК / Necessary mechanisms in the field of defense industry diversification

Исходя из объективной необходимости диверсификации деятельности организаций ОПК, рассматриваемой прежде всего как расширение выпуска оборонными предприятиями продукции гражданского назначения, считаем, что основная задача государственного управления сегодня — создать среду функционирования ОПК, которая способна обеспечить необходимую обороноспособность и мобилизационную готовность экономики. При этом

²⁷ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 г.». Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406831204/?ysclid=ltzh12cqb261190918> (дата обращения: 16.03.2024).

²⁸ Патрушев указал на дефицит компетентных маркетологов и зависимость от импорта в ОПК. Режим доступа: <https://TASS.ru/armiya-i-opk/8683581> (дата обращения: 16.03.2024).

²⁹ Закон о контрактной системе в сфере госзакупок: проблемы правоприменения и пути совершенствования. Режим доступа: <http://council.gov.ru/media/files/f9yp3LTc9SrFLGwATsIFFJduKOMVTKdn.pdf> (дата обращения: 16.03.2024).

расходы на поддержание обороноспособности в периоды снижения ГОЗ не должны тормозить социально-экономическое развитие страны, а ресурсы ОПК должны максимально помогать в этом развитии. Эта среда должна включать необходимые институты, нормативную базу и соответствующую систему управления.

Обозначим некоторые институты, обеспечивающие функционирование системы управления диверсификацией ОПК, которые видятся сегодня наиболее важными.

1. Специальный административно-правовой режим диверсификации ОПК. Он может включать ограничение конкурентных процедур при разработке и производстве гражданской продукции предприятиями ОПК в наиболее важных и приоритетных для государства сферах^{30,31}. Также необходимо говорить о праве на риск, законодательное введение которого сейчас рассматривается в рамках подготовки закона «О технологической политике». Такой режим может включать и другие особенности, обусловленные спецификой процессов диверсификации ОПК.

2. Законодательное оформление и дооформление ключевых дефиниций — «диверсификация деятельности организаций ОПК» (такие попытки были, но пока что не привели к результату), дополнение понятия «технологический суверенитет» (например, с использованием наработанного авторами опыта и предложений), «импортбезопасность» и др. [Байдаров, Файков, 2023]³².

3. Формирование национальной системы трансфера технологий, в том числе из оборонного сектора в гражданский (подробные предложения содержатся в авторской работе), а также перевода объектов интеллектуальной собственности, созданных за бюджетные средства, из федеральной собственности в собственность организаций [Байдаров, Файков, 2023].

³⁰ Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Режим доступа: <https://base.garant.ru/70353464/?ysclid=ltzh41bjgn460143820> (дата обращения: 16.03.2024).

³¹ Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц». Режим доступа: <https://base.garant.ru/12188083/?ysclid=ltzh7nb2538367137767> (дата обращения: 16.03.2024).

³² Законопроект № 954775-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации» (в части стимулирования выпуска организациями оборонно-промышленного комплекса высокотехнологичной промышленной продукции гражданского назначения)». Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/954775-7> (дата обращения: 16.03.2024).

4. Организация системы научно-технологического прогнозирования. В оборонной сфере эта система работает и показывает хорошие результаты, но в гражданской дела обстоят хуже³³. В соответствии с законодательством «прогноз научно-технологического развития РФ разрабатывается каждые 6 лет на 12 и более лет»³⁴. Сегодня действующим является федеральный научно-технологический прогноз, принятый в 2014 г.³⁵. Скорость изменения технологий и политической ситуации предполагает необходимость более частого прогнозирования. В формировании системы научно-технологического прогнозирования ведущую роль может сыграть Национальный центр физики и математики — научное объединение, в которое входят организации разной подведомственности, — учреждения Российской академии наук, отраслевой науки, университеты, на основе чего можно сформировать широкую сеть прогнозных и аналитических центров.

5. Дооформление государственной системы планирования. В ОПК планирование — это уже во многом известный и применяемый институт.

Во-первых, он включает государственный оборонный заказ, который определен федеральным законом «О государственном оборонном заказе», связан со стратегическими документами государства, в федеральном бюджете предусматриваются средства на его выполнение, есть механизмы распределения средств, установления цен, контроля, конкретные задания на поставку товаров и услуг и т.д.^{36,37}

Во-вторых, развивается государственный гражданский заказ, обеспеченный финансированием заказа государства на высокотехнологичную продукцию³⁸.

³³ Особый задел. Режим доступа: <https://topwar.ru/110554-osobyi-zadel.html?ysclid=lauovb9wnw113296643> (дата обращения: 16.03.2024).

³⁴ Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Режим доступа: <https://base.garant.ru/70684666/?ysclid=ltzhb2bt5t209079883> (дата обращения: 16.03.2024).

³⁵ Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 г. (утвержден Правительством Российской Федерации 3 января 2014 г. № ДМ-П8-5). Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70484380/?ysclid=ltzhxcy5435900144> (дата обращения: 16.03.2024).

³⁶ Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе». Режим доступа: <https://base.garant.ru/70291366/?ysclid=ltzhhl369t330878494> (дата обращения: 16.03.2024).

³⁷ ГОЗ формируется на основе Военной доктрины Российской Федерации, планов строительства и развития Вооруженных сил, Государственной программы вооружения.

³⁸ Перечень поручений по вопросам развития беспилотных авиационных систем. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/70312> (дата обращения: 16.03.2024).

В-третьих, в госкорпорациях активно развивается внутрикорпоративный заказ (например, в «Росатоме» он получил неформальное название «атомный заказ») ³⁹. В формируемой системе планирования видится необходимым задавать не исключительно финансовые показатели выполнения проектов и планов (что сейчас достаточно часто используется), но и функциональные: количественные, качественные, социально-экономические, то есть показывающие достижение (или недостижение) целей развития [Крюков, Порфирьев, Широков, 2022].

Система управления диверсификацией в ОПК должна включать три уровня – федеральный, отраслевой, предприятие – и должна быть синхронизирована с системой управления ГОЗ [Байдаров, Файков, 2023].

На федеральном уровне необходима выработка стратегии диверсификации ОПК, учитывающей возможные изменения в ГОЗ, задачи импортобезопасности и технологического суверенитета. Эта стратегия должна быть согласована со стратегиями социально-экономического, научно-технологического, пространственного развития страны и регионов. Цели и задачи должны быть декомпозированы в стратегии развития государственных корпораций (отраслей) и далее предприятий.

Управление диверсификацией ОПК должны осуществлять те же структуры, которые регулируют деятельность в сфере ГОЗ (поскольку гособоронзаказ – единственный формально объединяющий эти организации институт), то есть Министерство промышленности и торговли РФ, Военно-промышленная комиссия и др. Планирование в области диверсификации ОПК должно строиться во взаимодействии с системой научно-технического прогнозирования, Министерством промышленности и торговли РФ (как «держателем» заданий по ГОЗ), Министерством экономического развития РФ (которое может собрать потребности разных отраслей экономики). Эти органы могут формировать государственный гражданский заказ для ОПК. В то же время такой заказ не должен быть единственным источником спроса для гражданской продукции ОПК.

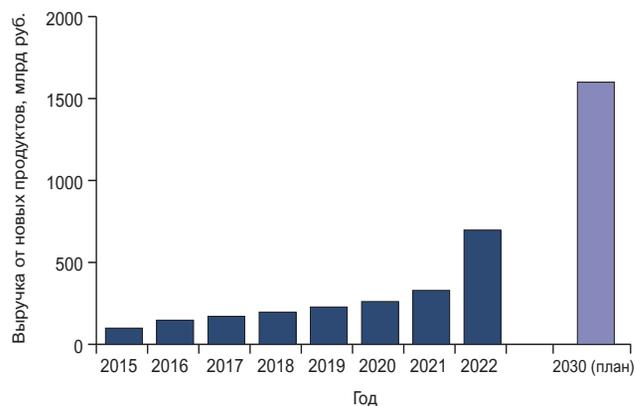
На отраслевом уровне (то есть на уровне государственных корпораций и холдингов) система управления диверсификацией должна включать организацию технологических цепочек, формирование производственных связей между предприятиями и постановку задач отдельным предприятиям ОПК.

³⁹ Росатом оценил перспективы атомного заказа на ближайшие 10 лет в размере 15 трлн рублей. Режим доступа: <https://www.atomic-energy.ru/news/2023/03/20/133714> (дата обращения: 16.03.2024).

В этом плане видится перспективным опыт государственной корпорации «Росатом», использующей:

- внутреннюю систему стратегического целеполагания и планирования (включающую три уровня – корпорация, дивизион, предприятие);
- три горизонта планирования (долгосрочное – 10–15 лет, среднесрочное – 5 лет, краткосрочное – год);
- институт компаний-интеграторов, формирующих технологические цепочки для производства определенного вида продукции в интересах рыночных (то есть вне государственного заказа) потребителей [Байдаров, Файков, 2023];
- систему внутрикорпоративного заказа, дающего возможность планирования;
- централизацию некоторых видов деятельности (содержание уникальных экспериментальных установок, патентная деятельность, коммерциализация и акселерация новых идей, экспертиза и др.).

Такая система показала свою эффективность в плане ежегодного увеличения номенклатуры и объемов выпуска современной наукоемкой гражданской продукции, которая в «Росатоме» получила название «новые продукты» (рис. 3).

Источник ⁴⁰ / Source ⁴⁰

Рис. 3. Выручка от новых продуктов государственной корпорации «Росатом» и стратегическая цель на 2030 г.
Fig. 3. Revenue from new products of the Rosatom State Corporation and the strategic goal for 2030

Оборонные организации в этой системе избавляются от двойственности управления. Их задача – обеспечение выпуска продукции. Поиск внешних заказов и работой на рынке занимается интегратор.

На уровне предприятия осуществляется управление процессами разработки, освоения и производства продукции, то есть научно-исследовательскими, опытно-конструкторскими, опытно-технологическими работами, производством, включая процессы передачи новых разработок в производство.

⁴⁰ Росатом. Публичная отчетность. Режим доступа: <https://rosatom.ru/about/publicnaya-otchetnost/> (дата обращения: 16.03.2024).

Диверсификация ОПК – комплексная сфера деятельности, затрагивающая такие институты, как выполнение ГОЗ, государственный гражданский заказ, конкуренция, импортозамещение, развитие передовых технологий и производство на их основе продукции, развитие ключевых и связанных технологий, научно-технологическое прогнозирование, планирование, в том числе на федеральном уровне и др. Широта охвата и различия отношений приводит к пониманию необходимости выделения диверсификации ОПК в отдельную сферу нормативно-правового регулирования.

Разработка и выпуск продукции в рамках процессов диверсификации ОПК требуют взаимодействия оборонных организаций не только между собой, что часто регулируется правилами для гособоронзаказа, но и с предприятиями гражданских отраслей, что отличается от взаимодействий в рамках выполнения ГОЗ. Такие взаимодействия включают и иные отношения с различными министерствами и структурами власти, научными и образовательными учреждениями, аналитическими центрами и т.д.

Кроме того, диверсификация как часть деятельности предприятий ОПК влияет на количество и привлекательность рабочих мест, качество жизни на территориях расположения этих предприятий – а это практически все регионы РФ (предприятия государственной корпорации «Ростех» расположены в 60 регионах страны, «Росатома» – в 41), – задает требования к системе образования и др.

Таким образом, диверсификация деятельности организаций ОПК оказывает влияние на многие сферы жизнедеятельности. Еще раз подчеркнем, что этот процесс важен и необходим. В то же время анализ показывает отсутствие системности и недостаток институционального обеспечения всего комплекса отношений, связанных с диверсификацией ОПК.

Представляется необходимым законодательное урегулирование вопросов, связанных с диверсификацией ОПК. Часть из них будет включена в разрабатываемый закон о технологической политике, предшественником которого является «Концепция технологического развития до 2030 г.»⁴¹.

Авторская позиция основывается на том, что регулирование отношений, связанных с диверсификацией ОПК, должно осуществляться отдельным федеральным законом, который создаст для этого необходимую правовую базу: понятийный аппарат, цели и задачи, принципы, субъекты и объекты,

их полномочия и ответственность, взаимодействия, инструменты, специальные режимы и др.

В качестве первого шага необходима разработка Концепции диверсификации деятельности организаций ОПК, которая задаст основные принципы и новеллы закона, а ее подготовка объединит и организует методологическую и нормотворческую работу. В Концепции должны быть отражены следующие аспекты: основные понятия; вызовы, проблемы и этапы диверсификации деятельности организаций; принципы, цели и индикаторы диверсификации; механизмы достижения целей; роль субъектов РФ в процессах диверсификации; модель управления диверсификацией.

Заключение / Conclusion

Анализ мирового и отечественного опыта диверсификации оборонной промышленности показал необходимость системного подхода к этому процессу, который в российских условиях пока применяется не в полном объеме. Авторами предложен комплекс мер, которые могут внести вклад в развитие производства гражданской продукции предприятиями ОПК, что должно поддерживать обеспечиваемый ими уровень обороноспособности и мобилизационной готовности вне зависимости от объемов гособоронзаказа. К таким мерам относятся необходимые институты, нормативная база и система управления диверсификацией ОПК.

Видится необходимым создать систему нормативно-правовых актов, основой которой должен стать федеральный закон «О диверсификации деятельности организаций оборонно-промышленного комплекса». Первым шагом к этому предлагается подготовить и принять Концепцию диверсификации деятельности организаций оборонно-промышленного комплекса.

Предложенный в статье подход несет не только практическое, но и научно-методологическое значение, расширяя знания в области стратегического управления экономикой государства и отраслей, развития высокотехнологичной промышленности, диверсификации деятельности предприятий и экономики в целом.

⁴¹ Высотехнологичная упрощенка. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6236906> (дата обращения: 16.03.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Байдаров Д.Ю., Полосин А.В., Файков Д.Ю.* Гражданские технологии ОПК в контексте формирования технологического суверенитета государства. Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России. 2023;1:27–36. https://doi.org/10.52135/2410-4124_2023_1_27
- Байдаров Д.Ю., Файков Д.Ю.* Диверсификация в атомной отрасли России. Методологические и практические аспекты. М.: Перо; 2023. 238 с.
- Байдаров Д.Ю., Файков Д.Ю.* Модель трансфера технологии из оборонно-промышленного комплекса в гражданский сектор экономики. Управление. 2023;2(11):56–67. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-2-56-67>
- Барков А.В.* Особенности государственно-частного партнерства в оборонно-промышленном комплексе Китая как элемента стратегии инновационного развития военно-гражданской интеграции. Журнал прикладных исследований. 2020;4-2:38–46.
- Бойко А.Н.* Государственная корпорация «Росатом»: уникальная форма системного управления и хозяйствования. Менеджмент и бизнес-администрирование. 2020;4:25–36. <https://doi.org/10.33983/2075-1826-2020-4-25-36>
- Ганус Ю.А., Красникова А.С.* Опыт диверсификации зарубежных оборонных предприятий. Вопросы инновационной экономики. 2020;3(10):1135–1146. <https://doi.org/10.18334/vinec.10.3.110506>
- Гапоненко М.А.* Вопросы правового регулирования трансфера технологий из военной в гражданскую сферу. Управление наукой и наукометрия. 2019;3(14):459–476.
- Гончарова К.С., Шеломенцев А.Г., Масюк Н.Н.* Сравнительный анализ влияния глобальных цепочек создания стоимости на национальные экономики. Вестник МГИМО-Университета. 2023;4(16):107–126. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-4-91-107-126>
- Каменнов П.Б.* Военно-гражданская интеграция в КНР на современном этапе: достижения и проблемы. Проблемы Дальнего Востока. 2022;5:119–131. <https://doi.org/10.31857/S013128120022590-0>
- Крюков В.А., Порфирьев Б.Н., Широков А.А.* Меморандум суверенного роста. Цели и задачи экономической политики в новых условиях. Эксперт. 2022;20:44–46.
- Мусатова М.М.* Синергия поддержки государства и новых подходов в реализации стратегии диверсификации компаниями ОПК. Мир новой экономики. 2022;4(16):67–78. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2022-16-4-67-78>
- Розмирович С.Д., Манченко Е.В., Механик А.Г., Лусс А.В.* Диверсификация ОПК: как побеждать на гражданских рынках. Доклад Экспертного совета Председателя коллегии Военно-промышленной комиссии РФ, подготовлен для V Международного форума «Технопром». Новосибирск; 2017. 35 с.
- Файков Д.Ю., Байдаров Д.Ю.* Организация технологического трансфера в национальных лабораториях США: опыт для российских предприятий. Вопросы инновационной экономики. 2020;3(10): 1687–1710. <https://doi.org/10.18334/vinec.10.3.110658>

REFERENCES

- Barkov A.V.* Features of public-private partnership in the military-industrial complex of China as an element of the strategy of innovative development of military-civil integration. Journal of Applied Research. 2020;4-2:38–46. (In Russian).
- Baydarov D.Yu., Faikov D.Yu.* Diversification in the Russian nuclear industry. Methodological and practical aspects. Moscow: Pero; 2023. 238 p. (In Russian).
- Baydarov D.Yu., Faikov D.Yu.* The model of technology transfer from the defense industry to the civilian sector of the economy. Upravlenie/Management (Russia). 2023;2(11):56–67. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-2-56-67>
- Baydarov D.Yu., Polosin A.V., Faikov D.Yu.* Civil technologies of the defense – industrial complex in the context formation of the state technological sovereignty. Scientific bulletin of the military-industrial complex of Russia. 2023;1:27–36. (In Russian). https://doi.org/10.52135/2410-4124_2023_1_27
- Boyko A.N.* Rosatom state corporation: a unique form of system management and management. Management and business administration. 2020;4:25–36. (In Russian). <https://doi.org/10.33983/2075-1826-2020-4-25-36>
- Faikov D.Yu., Baydarov D.Yu.* Organization of technology transfer at the national laboratories of the USA: Russian enterprises experience. Russian Journal of Innovation Economics. 2020;3(10):1687–1710. (In Russian). <https://doi.org/10.18334/vinec.10.3.110658>
- Faikov D.Yu., Baydarov D.Yu.* Features of Civil Engineering in US National Laboratories. Russian Foreign Economic Journal. 2020;8:40–62. (In Russian).
- Ganus Yu.A., Krasnikova A.S.* The experience of diversification of foreign defence companies. Russian Journal of Innovation Economics. 2020;3(10):1135–1146. (In Russian). <https://doi.org/10.18334/vinec.10.3.110506>
- Gaponenko M.A.* Legal Regulation of Technology Transfer from the Military to the Civil Sphere. Science Governance and Scientometrics. 2019;3(14):459–476. (In Russian).
- Goncharova K.S., Shelomentsev A.G., Masyuk N.N.* Comparative Assessment of Global Value Chains' Influence on National Economies. MGIMO Review of International Relations. 2023;4(16):107–126. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-4-91-107-126>
- Kameninov P.B.* Civil-military Integration (VGI) in the PRC at the Present Stage: Achievements and Problems. Far Eastern Studies. 2022;5:119–131. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S013128120022590-0>
- Kryukov V.A., Porfiriev B.N., Shirov A.A.* Memorandum of sovereign growth. Goals and tasks of economic policy in new conditions. Expert. 2022;20:44–46. (In Russian).
- Merindol V., Versailles D.W.* The (R)Evolution of Defence Innovation Models: Rationales and Consequences. The Armament Industry European Research Group. 2020;60.
- Musatova M.M.* Synergy of state support and novel approaches to implementing the diversification strategy by defense industry companies. The World of the New Economy. 2022;4(16):67–78. (In Russian). <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2022-16-4-67-78>

Файков Д.Ю., Байдаров Д.Ю. Особенности организации производства гражданской продукции в национальных лабораториях США. Российский внешнеэкономический вестник. 2020;8:40–62.

Шевырева Ж.И. Особенности распоряжения правами на результаты интеллектуальной деятельности, созданные по государственному контракту. Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018;5:232–233.

Merindol V., Versailles D.W. The (R)Evolution of Defence Innovation Models: Rationales and Consequences. The Armament Industry European Research Group. 2020;60.

Rozmirovich S.D., Manchenko E.V., Mekhanik A.G., Liss A.V. Diversification of the military-industrial complex: how to win in civilian markets. Report of the Expert Council of the Chairman of the Board of the Military-Industrial Commission of the Russian Federation, prepared for the 5th Technoprom International Forum. Novosibirsk; 2017. 35 p. (In Russian).

Shevyreva Z.I. The distinguishing features of disposition of exclusive rights to intellectual activity results created by state contracts. Humanities, socio-economic and social sciences. 2018;5:232–233. (In Russian).

Управление развитием добычи железной руды в Российской Федерации

Беляев Андрей Михайлович

Канд. техн. наук, доц. каф. управления промышленными организациями
ORCID: 0000-0003-1710-2970, e-mail: belyaev-am@mail.ru

Шарипов Фанис Фалихович

Канд. экон. наук, доц. каф. управления промышленными организациями
ORCID: 0000-0003-0129-017X, e-mail: fanishsh@rambler.ru

Дьяконова Мария Александровна

Канд. полит. наук, доц. каф. управления промышленными организациями
ORCID: 0000-0003-4514-5927, e-mail: marie.d@mail.ru

Государственный университет управления, 109542, Рязанский пр-кт, 99, г. Москва, Россия

Аннотация

Минерально-сырьевой комплекс Российской Федерации является основой развития реального сектора экономики. Запасы нефти, газа, черных и цветных металлов, леса и других видов сырья являются стратегической основой стабильности экономического развития государства. Предметом исследования является железная руда, по запасам которой Российская Федерация уверенно входит в тройку государств мира вместе с Австралией и Бразилией. Немного иначе выглядит статистика по странам мира по производству железной руды, где по объемам добычи впереди Российской Федерации после упомянутых выше государств расположены еще Китай и Индия. В условиях, когда страна стоит перед задачей достижения технологического суверенитета, а металлургическая промышленность является драйвером развития таких отраслей, как машиностроение, строительство, энергетика, вопросы развития минерально-сырьевого комплекса представляют бесспорный интерес и актуальность. Стратегия технологического развития Российской Федерации будет опираться в реализации на стабильно работающую металлургическую отрасль, где есть проблемы и определены основные направления развития черной металлургии, которые являются основной целью настоящего исследования.

Ключевые слова: минералы, сырье, железная руда, экономика, отрасли, развитие, суверенитет

Для цитирования: Беляев А.М., Шарипов Ф.Ф., Дьяконова М.А. Управление развитием добычи железной руды в Российской Федерации//Управление. 2024. Т. 12. № 2. С. 17–22. DOI: 10.26425/2309-3633-2024-12-2-17-22

Received: 26.03.2024

Revised: 28.05.2024

Accepted: 04.06.2024

Iron ore development management in the Russian Federation

Andrey M. Belyaev

Cand. Sci. (Engr.), Assoc. Prof. at the Industrial Organizations Management Department
ORCID: 0000-0003-1710-2970, e-mail: belyaev-am@mail.ru

Fanis F. Sharipov

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Industrial Organizations Management Department
ORCID: 0000-0003-0129-017X, e-mail: fanissh@rambler.ru

Maria A. Dyakonova

Cand. Sci. (Polit.), Assoc. Prof. at the Industrial Organizations Management Department
ORCID: 0000-0003-4514-5927, e-mail: marie.d@mail.ru

State University of Management, 99, Ryazansky prospekt, Moscow 109542, Russia

Abstract

The Russian mineral resource complex is the basis for economy real sector development. The reserves of oil, gas, ferrous and non-ferrous metals, timber, and other raw materials are the strategic basis for the state economic development stability. The subject of the study is iron ore, by reserves of which Russia is confidently among the top three countries in the world together with Australia and Brazil. The global statistics on iron ore production looks a little different since China and India are ahead of Russia in terms of production volumes after the above-mentioned countries. At a time when the country is facing the task of achieving technological sovereignty, and the metallurgical industry is the driver of developing such industries as machine building, construction, and energy, the mineral and raw materials complex development issues are of undeniable interest and relevance. The technological development strategy of Russia will rely in its implementation on a stable metallurgical industry, where issues and main directions of ferrous metallurgy development have been identified, which are the main purpose of this study.

Keywords: minerals, raw materials, iron ore, economy, industries, development, sovereignty

For citation: Belyaev A.M., Sharipov F.F., Dyakonova M.A. (2024). Iron ore development management in the Russian Federation. *Upravlenie / Management (Russia)*, 12 (2), pp. 17–22. DOI: 10.26425/2309-3633-2024-12-2-17-22

Введение / Introduction

Технологическое развитие Российской Федерации (далее – РФ, Россия) и создание технологического суверенитета отечественной экономики опираются на полноценную сырьевую базу, реализуемую отраслями добывающей промышленности [Александрова, Чантурия, Кузнецов, 2022]. В числе добывающих отраслей промышленности России добыча железной руды имеет многовековую традицию и достойную перспективу. История производства металлов известна в России с древних времен. Плавильные горшки, сыродутные горны археологи находят на месте древних городов: Новгорода, Владимира, Ярославля, Рязани, Смоленска, Пскова. Почти 320 лет назад, летом 1705 г., царь Петр I разрешил строительство металлургических заводов на Урале. Постепенно Урал надолго стал центром металлургической промышленности России, производя, по некоторым данным, более 80 % железа.

Необходимо отметить вклад российской науки в горное дело. Гений М.В. Ломоносова не оставил без внимания и эту отрасль науки. В 1742 г. вышла в свет книга великого русского ученого «Первые основания металлургии, или рудных дел». В этой монографии Ломоносов определил основы горных терминов, описал свойства известных на то время металлов и способы их получения, опираясь на физические и химические свойства минералов при организации производства металлов. Производство металлов ученый считал важнейшей государственной задачей. Несколько поколений российских исследователей горного дела учились по трудам Ломоносова.

Следующая легенда российской металлургии – это П.П. Аносов. Свой талант он проявил на Южном Урале на металлургических производствах Златоуста. Аносов прославился исследованиями влияния на сталь различных химических элементов и стал родоначальником производства легированной стали. Его профессиональная деятельность совпала с требованиями по улучшению качества металлов в военных целях, поэтому неопределимы его открытия о роли углерода как ключевого элемента, влияющего на качество производства стали. Наиболее известна его работа «О приготовлении литой стали» 1837 г.

Следующая выдающаяся фигура в производстве российской стали – талантливейший инженер-металлург П.М. Обухов, основатель производства литых орудийных стволов, получивших признание во всем мире.

Среди фамилий выдающихся российских ученых с мировым именем в области черной металлургии можно назвать также следующие: Д.К. Чернов, В.Е. Грум-Гржимайло, М.А. Павлов, Е.О. Оскарлович

и Б.Е. Патоны, Н.Т. Гудцов, И.П. Бардин, С.И. Губкин. Эти ученые во многом создали основы лидерства России в мире в производстве черных металлов и, соответственно, в ее обороноспособности.

Говоря в настоящей работе об управлении развитием минерально-сырьевого комплекса России, авторы считают необходимым отметить о системном подходе как ключевом методе проводимого исследования в области управления. В основу подхода в данном случае входит учет исторических, географических, экономических, административных факторов при учете основных положений теорий пространственного развития и институциональной экономики.

Современное состояние запасов и добычи железной руды в России / Current state of iron ore reserves and production in Russia

Современные запасы железной руды России составляют 3 259 862,8 тыс. т [Альбертян, 2022]. Разрабатываются 26 месторождений, 90 % запасов добывается открытым способом. Курская магнитная аномалия, Урал, Северо-Западная Сибирь, Республика Карелия, Мурманская область, Республика Крым – такова сегодня географическая структура производства железной руды в РФ. Наиболее перспективными на сегодняшний день по химическому составу и разведанным запасам являются месторождения Курской магнитной аномалии – Лебединское, Михайловское, Стойленское месторождения на территории 160 тыс. км².

Геологическая характеристика каждого месторождения включает понятия нормальной мощности, угла падения, азимутов падения и простирания, высотной отметки. Имеются у каждого месторождения свои физико-технические характеристики. Нас в первую очередь интересует годовая производительность по исследуемому полезному ископаемому из расчета количества добычи в т в год. Далее происходит оконтуривание определенного к добыче карьера, определяются система разработки месторождения и ее элементы. Все эти показатели мы приводим в настоящем исследовании для иллюстрации подхода к технологии добычи и транспортировки железной руды. Среди машин и механизмов, применяемых при добыче железной руды, можно назвать буровой станок, экскаватор, карьерный транспорт, железнодорожный транспорт [Пирогов, 2019].

Добыча железной руды в России в 2023 г., по данным Федеральной службы государственной статистики, составила 286 млн т. Открытое акционерное общество «Холдинговая компания «Металлоинвест»,

публичное акционерное общество «Северсталь», компания «ЕВРАЗ», публичное акционерное общество «Мечел», акционерное общество «Минерально-химическая компания «ЕвроХим», научно-производственное региональное объединение «Урал», IRC Ltd., ПМХ (Промышленно-металлургический холдинг), публичное акционерное общество «ГМК Норникель», общество с ограниченной ответственностью «Петропавловск – Черная металлургия» – эти предприятия обеспечивают основные объемы добычи железной руды в России¹.

Производство железной руды в мире / Global iron ore production

Объем добычи железной руды в мире превысил 2,5 млрд т в 2019 г. Крупнейшим производителем железной руды является Австралия с объемом добычи более 930 млн т. Австралия, Бразилия, Китай, Индия, Россия – такова крупнейшая пятерка производителей железной руды в мире.

С 2015 г. по 2020 г., в годы 13-й пятилетки, производство стали в Китае росло из года в год с 2017 г. и достигло максимума в 2020 г. вместе со всей китайской экономикой. После дисбаланса мировой экономики 2020 г. в результате пандемии COVID-19, с января по октябрь 2021 г., совокупный объем производства стали в Китае достиг 1,12 млрд т, увеличившись на 2,8 %. В октябре 2021 г. объем производства стали составил 100 млн т (14,9 % в годовом исчислении). В первой половине 2021 г. производство стали в Китае выросло с двузначными цифрами, но осенью столкнулось с рецессией, на которую повлиял кризис энергоснабжения. В октябре она снизилась на 14,9 % в годовом исчислении.

В 2021 г., как и ранее, производство стали в Китае сконцентрировано в Северном Китае, Восточном Китае и Центральном Китае. Региональное распределение продукции черной металлургии в стране является неравномерным, поскольку крупнейшим производителем является Северный Китай, особенно провинция Хэбэй, которая обеспечила наибольший объем производства. В 2020 г. производство сырой стали в Хэбэй составило 190 млн т, или 21,6 % от общего объема производства против 24,2 % в 2019 г. Результат Хэбэй был обусловлен смешанной средой производства стали по всей стране, особенно ускоренными темпами, начавшимися со второго квар-

тала 2020 г. и оставшимися в Пекине на Хэбэй с его географической близостью к столице и серьезным загрязнением воздуха на местном уровне.

Провинция Цзянсу в Восточном Китае также сохранила второе место в рейтинге, хотя в первой половине 2021 г. производство стали увеличилось только на 0,8 % до 83 млн т, а провинция Шаньдун, также в Восточном Китае, в 2020 г. обогнала Ляонин в Северо-Восточном Китае, ставшей третьей по величине металлургической провинцией, и ее производство выросло больше всего – на 16,4 млн т, или на 25,7 млн т в год до 79,9 млн т в 2020 г. Среди десятки провинций лидеров по производству стала провинция Хубэй в Центральном Китае, которая больше всего пострадала от пандемии и была единственной, в которой в 2020 г. было зафиксировано снижение производства стали на 1,5 % в годовом исчислении [Кондратьев, 2022].

Основные направления развития геологоразведки и добычи железной руды в России / Main areas of developing iron ore exploration and production in Russia

Правительством РФ сбалансированы и определены основные направления стратегии развития отечественной экономики до 2035 г. по отраслям и территории. Минерально-сырьевой комплекс, в том числе геологоразведка и добыча железной руды, также имеет собственную стратегию развития.

Среди основных направлений развития необходимо сформулировать следующие:

- модернизация технологий и оборудования добычи и транспортировки железной руды;
- международная кооперация в трансфере технологий по геологоразведке, добыче и транспортировке железной руды;
- внедрение достижений искусственного интеллекта в отрасль, в том числе защита информации, роботизация процесса добычи, беспилотные транспортные средства;
- подготовка современных кадров для работы в отрасли;
- гармонизация финансово-экономической модели развития отрасли с учетом потребностей оборонно-промышленного комплекса страны в результатах работы отрасли.

Модернизация технологий и оборудования добычи и транспортировки железной руды тесно связана сегодня с внедрением в отрасль искусственного интеллекта [Соколов, Смирнов, Никитин, Соломеин, 2020].

Во-первых, в геологоразведке машинное обучение и анализ больших баз данных позволяет дополнить выводы аналитиков по географическому

¹ Министерство экономического развития. О динамике промышленного производства. Итоги 2023 года. Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/file/fb0c841a059708b397b444a18ee41ffb/odinamike_promyshlennogo_proizvodstva_itogi_2023_goda.pdf (дата обращения: 24.03.2024).

обнаружению перспективных месторождений полезных ископаемых, в том числе железной руды.

Во-вторых, искусственный интеллект используется в системе контрольно-измерительных приборов, позволяющих в непрерывном режиме определять неполадки в системе работы оборудования горно-обогачительных комбинатов.

В-третьих, наиболее перспективным в среднесрочной и долгосрочной перспективе можно считать создание шахт без непосредственного участия человека в процессе добычи, поскольку в шахтах на глубине время от времени накапливаются взрывоопасный газ и вредная для легких человеческого организма пыльная взвесь. Кроме больших объемов требуемых капитальных вложений в разработку такого типа шахт, необходимо отметить существующие на сегодняшний день проблемы с работой систем навигации под землей и большую влажность в месте добычи, что является угрозой для работы систем искусственного интеллекта.

В-четвертых, необходимо отметить работу по внедрению систем искусственного интеллекта по транспортировке добытого сырья на земную поверхность и далее транспортировке добытой руды беспилотным автомобильным транспортом к специально оборудованным железнодорожным узлам или морским портам, там, где это экономически оправдано либо существенно повышает вопросы безопасности экономической деятельности с участием человека по климатическим условиям.

Финансово-экономическая модель развития отрасли с учетом потребностей оборонно-промышленного комплекса страны в результатах работы исследуемой отрасли сегодня преобразуется, ведь драйвером развития цепочки отраслей является гособоронзаказ по производству средств ведения боевых действий и способов их доставки. Общий объем выпуска металлургической продукции по этой причине увеличился сразу на 9,3 %².

Заключение / Conclusion

Россия имеет согласованную, оформленную в соответствующую нормативно-правовую базу государственную политику в части развития добычи и использования полезных ископаемых как основы развития отечественных отраслей промышленности от добычи сырья до производства высокотехно-

логичной критически важной продукции для военного и гражданского использования. Сегодня важное значение имеет подготовка кадров в меняющихся условиях хозяйствования с учетом необходимости взаимодействия в части проведения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ совместно производителями, вузами, научно-исследовательскими институтами.

Складывающаяся экономическая ситуация подтверждается конкретными показателями. Валовой внутренний продукт (далее – ВВП) России, по данным Федеральной службы государственной статистики, составил 171 041 млрд руб. Увеличение ВВП в процентном выражении по отношению к предыдущему году составило 3,6 %³. Стоит признать также прогноз Международного валютного фонда относительно развития российской экономики в 2024 г., а именно +3,2 % роста ВВП⁴. Эти показатели могут изменяться в сторону роста в связи с системной индустриализацией отечественной экономики, которая только набирает обороты вопреки санкционному давлению и необходимости укрепления обороноспособности России и обеспечения спроса внутреннего гражданского потребления.

² Министерство экономического развития. О динамике промышленного производства. Итоги 2023 года. Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/file/fb0c841a059708b397b444a18ee41ffb/o_dinamike_promyshlennogo_proizvodstva_itogi_2023_goda.pdf (дата обращения: 24.03.2024).

³ Федеральная служба государственной статистики. Росстат представляет первую оценку ВВП за 2023 год. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/230009> (дата обращения: 24.03.2024).

⁴ МВФ повысил прогноз по росту российской экономики до 3,2% в 2024 году. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2024/04/16/1032232-mvf-povisil-prognoz> (дата обращения: 24.03.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александрова Т.Н., Чантурия А.В., Кузнецов В.В.* Минерало-технологические особенности и закономерности селективного разрушения железистых кварцитов Михайловского месторождения. Записки Горного института. 2022;256:517–526. <https://doi.org/10.31897/PMI.2022.58>
- Альбертян А.П.* Развитие минерально-сырьевого комплекса как повышение геополитического статуса России. Мировая политика. 2022;1:48–58. <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2022.1.37713>
- Кондратьев В.Б.* Горная промышленность, промышленная политика и апгрейд экономики. Горная промышленность. 2022;(3):61–68. <https://doi.org/10.30686/1609-9192-2022-3-61-68>
- Пирогов Г.Г.* Подземные горнотехнические системы: техногенные воздействия на природную среду. Вестник Забайкальского государственного университета. 2019;4:13–20. <https://doi.org/10.21209/2227-9245-2019-25-4-13-20>
- Соколов И.В., Смирнов А.А., Никитин И.В., Соломеин Ю.М.* Комплексная оценка стратегии освоения железорудных месторождений экологически-сбалансированной подземной геотехнологией. Горный информационно-аналитический бюллетень. 2020;3-1:313–325. <https://doi.org/10.25018/0236-1493-2020-31-0-313-325>

REFERENCES

- Albertyan A.P.* Development of the mineral resource complex as an increase in the geopolitical status of Russia. World Politics. 2022;1:48–58. (In Russian). <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2022.1.37713>
- Aleksandrova T.N., Chanturiya A.V., Kuznetsov V.V.* Mineralogical and technological features and patterns of selective disintegration of ferruginous quartzites of the Mikhailovskoye deposit. Journal of Mining Institute. 2022;256:517–526. (In Russian). <https://doi.org/10.31897/PMI.2022.58>
- Kondratiev V.B.* Mining Industry, Industrial Policy and Economic Upgrade. Russian Mining Industry. 2022;(3):61–68. (In Russian). <https://doi.org/10.30686/1609-9192-2022-3-61-68>
- Pirogov G.* Underground mining systems: anthropogenic impact on the natural environment. Transbaikal State University Journal. 2019;4:13–20. (In Russian). <https://doi.org/10.21209/2227-9245-2019-25-4-13-20>
- Sokolov I.V., Smirnov A.A., Nikitin I.V., Solomein Yu.M.* Comprehensive evaluation of strategy for mining of iron ore deposits by environmentally-balanced underground geotechnology. Mining Informational and Analytical Bulletin. 2020;3-1:313–325. (In Russian). <https://doi.org/10.25018/0236-1493-2020-31-0-313-325>

Алгоритм формирования набора показателей эффективности таможенного регулирования международной торговли в государствах-членах ЕАЭС

Воротынцева Татьяна Михайловна^{1,2}

Канд. экон. наук, доц. каф. таможенного дела¹, доц. каф. таможенных операций и таможенного контроля²

ORCID: 0000-0002-8470-2602, e-mail: vorotyntseva_tm@pfur.ru

¹Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 117198, Миклухо-Маклая ул., 6, Москва, Россия

²Российская таможенная академия, 140015, Комсомольский пр-т, 4, Люберцы, Россия

Аннотация

Актуальность статьи обусловлена тем, что глобализация и активизация международной торговли повышают конкурентоспособность не только отечественных, но и зарубежных производителей, поэтому деловой сектор ожидает облегчения условий ведения бизнеса, упрощения таможенных процедур, повышения эффективности таможенной деятельности и улучшения предоставления таможенных услуг. При перемещении товаров через таможенные границы государств по всему миру возникают проблемы – при заполнении документации, по способам транспортировки, обработке информации и соблюдению нормативных требований, которые не гармонизированы на международном уровне. Это ведет к нарушениям таможенного законодательства, которые должны быть выявлены в процессе таможенного контроля. Следовательно, эффективность таможенного регулирования будет зависеть напрямую от результатов таможенного контроля. В статье представлены теоретико-методическое описание процедуры оценки эффективности таможенного регулирования международной торговли в государствах-членах Евразийского экономического союза, а также вектор разработки комплексного набора показателей эффективности. Предложенный алгоритм оценки и комплекс количественных и качественных показателей можно рассматривать как основополагающие взаимоувязанные критерии, обеспечивающие повышение эффективности контроля деятельности таможенных органов и принятия корректирующих управленческих решений при необходимости. Применение в таможенной практике предлагаемых показателей оценки эффективности таможенного регулирования международной торговли будет способствовать эффективной реализации таможенной политики для гармоничного развития экономики государств-членов Евразийского экономического союза, включая Российскую Федерацию, в современном сообществе и станет основой их устойчивого политического, экономического и социального развития.

Ключевые слова: показатели эффективности, таможенные органы, международная торговля, конкурентоспособность, таможенная деятельность, инструменты таможенного регулирования, алгоритм оценки

Для цитирования: Воротынцева Т.М. Алгоритм формирования набора показателей эффективности таможенного регулирования международной торговли в государствах-членах ЕАЭС//Управление. 2024. Т. 12. № 2. С. 23–30. DOI: 10.26425/2309-3633-2024-12-2-23-30

Algorithm for forming a set of indicators of international trade customs regulation effectiveness in the EAEU member states

Tatiana M. Vorotyntseva^{1,2}

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Customs Affairs Department¹, Assoc. Prof. at the Customs Operations and Customs Control Department²

ORCID: 0000-0002-8470-2602, e-mail: vorotyntseva_tm@pfur.ru

¹RUDN University, 6, Miklukho-Maklaya ul., Moscow 117198, Russia

²Russian Customs Academy, 4, Komsomolsky prospekt, Lyubertsy 140015, Russia

Abstract

The relevance of the study is due to the fact that international trade globalization and intensification increase competitiveness of not only domestic but also foreign producers, so the business sector expects to facilitate business conditions, simplify customs procedures, increase customs activities efficiency, and improve customs services provision. Goods transportation across the customs borders of countries around the world presents challenges in filling out documentation, transportation methods, information processing, and compliance with regulations that are not internationally harmonized. It leads to customs laws violations that must be detected during the customs control process. Consequently, customs regulation effectiveness will depend directly on the customs control results. The article presents a theoretical and methodological description of the procedure for assessing international trade customs regulation effectiveness in the EAEU member states, as well as a vector for developing a comprehensive set of performance indicators. The proposed assessment algorithm and the set of quantitative and qualitative indicators can be regarded as fundamental interrelated criteria that ensure improvement of efficiency of control over the customs authorities' activities and corrective management decisions, if necessary. The application in customs practice of the proposed indicators for assessing international trade customs regulation effectiveness will contribute to customs policy effective implementation for the harmonious development of the EAEU member states' economies, including Russia, in modern society and the basis of their sustainable political, economic and social development.

Keywords: performance indicators, customs authorities, international trade, competitiveness, customs activities, tools of customs regulation, the evaluation algorithm

For citation: Vorotyntseva T.M. (2024) "Algorithm for forming a set of indicators of international trade customs regulation effectiveness in the EAEU member states". *Upravlenie / Management (Russia)*, 12 (2), pp. 23–30. DOI: 10.26425/2309-3633-2024-12-2-23-30

Введение / Introduction

Глобализация привела к изменениям в таможенной деятельности и процессах контроля, что способствовало значительному повышению роли таможенных органов за последнее десятилетие. Трансформация характерна для таможенной деятельности, которая теперь связана не только с контролем, предупреждением нарушений, таможенным и налоговым администрированием, но и с выполнением более широких задач. Таможенные органы контролируют все аспекты международных операций, получают информацию обо всех участниках, действующих на внешней границе Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз) с третьими странами, и таким образом реализуют таможенную международную торговую политику, применяемую в Союзе. Таможенные органы стран несут ответственность за эффективную защиту финансовых, национальных, военных и других интересов ЕАЭС, что предусматривает устойчивое развитие системы таможенного контроля [Говоров, Андреева, 2023].

Постоянно ускоряющийся торговый оборот и растущий глобальный рынок создают вероятность возникновения нарушений в связи с ростом организованной преступности и угроз международной торговле и общественной безопасности со стороны террористических организаций. Такие предпосылки ведут к незаконным перевозкам оружия, контрафактных и пиратских товаров, а также ввозу опасных веществ, поэтому таможенные органы сталкиваются с новыми задачами по борьбе с возникающими угрозами и растущими масштабами контроля. Экономика каждой страны находится под влиянием международной торговли, объем которой зависит от эффективности таможенных операций – от моделирования и управления процессом до контроля потоков товаров, пересекающих государственные и таможенные границы, где основным продуктом труда должностных лиц таможенных органов является управленческое решение [Бойкова, Макрусев, Новиков, 2024].

Процесс перемещения товаров по всему миру долгий и сложный. В каждой сделке фигурирует большое количество участников внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД), которые сталкиваются со многими препятствиями, такими как требования к документации, способы транспортировки, обработка информации и соблюдение нормативных требований. Например, типичная операция по пересечению границы предусматривает заполнение и подачу документов, работу с контрагентами и выполнение огромного числа юридических и торговых

правил и соглашений. Во многих странах процесс помещения товаров под таможенные процедуры является «чрезвычайно трудным» препятствием [Мозжегорова, 2020]. В связи с этим особую значимость имеет таможенная служба как катализатор ускорения основных показателей развития государств-членов Союза [Гупанова, Чечулин, 2019].

Иными словами, несмотря на улучшение международной торговли во многих развитых странах, высокий уровень неопределенности по-прежнему связан с таможенным контролем и таможенным регулированием. В связи с этим важными становятся проведение оценки эффективности таможенного регулирования международной торговли в государствах-членах ЕАЭС, а также разработка комплексного набора показателей эффективности, что является целью настоящего исследования.

Методы исследования / Research methods

Используемые методы:

- анализ научной литературы, который включает интерпретацию ключевых понятий и показателей эффективности таможенного регулирования международной торговли в государствах-членах ЕАЭС;
- контент-анализ, заключающийся в компиляции и выборке отдельных положений нормативных правовых актов и научных работ в сфере таможенного регулирования и таможенного контроля, а также комплексной оценке качества и эффективности таможенной деятельности.

Особо нужно выделить метод моделирования, который был использован при систематизации предложений по оценке эффективности и алгоритму формирования набора показателей эффективности таможенного регулирования международной торговли в государствах-членах ЕАЭС.

Основные инструменты таможенного регулирования / Main instruments of customs regulation

ЕАЭС является международной организацией региональной экономической интеграции. Создание интеграционной группы должно было стать кульминацией многочисленных инициатив, предпринятых в этой области на постсоветском пространстве с начала 1990-х гг. Российская Федерация (далее – РФ, Россия) была и остается основным инициатором попыток интеграции и создания на территории бывшего Союза Советских Социалистических Республик единой экономической зоны, деятельность которой должна быть направлена на защиту экономических интересов государств-членов Союза. В соответствии с намерениями государств, подписавших

Договор о создании ЕАЭС, организация должна стать жизнеспособной альтернативой странам бывшего Союза Советских Социалистических Республик в отношении укрепления экономических отношений с Европейским союзом и динамично развивающимися экономиками Азии¹.

Известно, что 1 января 2015 г. начался процесс формирования общего рынка, в котором свободно перемещаются через таможенные границы товары, капитал, трудовые ресурсы, информация туда, где для них складываются более выгодные условия. Государства-члены ЕАЭС вступили в него с разными уровнями экономического развития и уже сложившимися приоритетами для своего национального развития, которые были ориентированы на специфику рынков труда и социально-политических структур соответствующих стран. Однако общая цель государств-членов ЕАЭС заключалась в том, чтобы обеспечить развитие национальных экономик и повысить их конкурентоспособность путем создания интеграционного объединения, а именно экономического союза.

1 января 2018 г. вступил в силу Таможенный кодекс ЕАЭС, и по состоянию на конец 2022 г. Евразийская экономическая комиссия (далее – ЕЭК) приняла более 300 решений по развитию его основных положений². Примерно 40 % решений, принятых ЕЭК в период 2020–2022 гг., касались технических регламентов, санитарных и фитосанитарных мер, в том числе была создана единая система аккредитации органов по сертификации и испытательных центров (лабораторий) [Воротынцева, Кхатри, 2022; Воротынцева, 2023].

Вместе с тем продолжают функционировать и национальные инструменты таможенного регулирования, такие как:

- вывозные/экспортные пошлины – для большинства товаров экспортная пошлина равна нулю, но некоторые товары облагаются ей, и размер определяется национальными правовыми актами стран ЕАЭС;
- налог на добавленную стоимость (далее – НДС), регламентируемый налоговыми службами государств-членов Союза, взимается с товаров, ввозимых на таможенную территорию ЕАЭС – по странам

ЕАЭС величина налога различна (для сравнения: в Белоруссии это 25 %, в России – 20 %, а в Казахстане – 12 %);

- акциз (акцизный налог), также администрируемый налоговыми службами государств-членов Союза, взимается с импорта отдельных категорий товаров, являющихся подакцизными;
- таможенные сборы – обязательные сборы, взимаемые таможенными органами за их действия, связанные с выпуском товаров, таможенным сопровождением товаров, хранением товаров (размер таможенных пошлин определяется Правительствами государств-членов Союза, и их уровень зависит в основном от стоимости декларируемых товаров).

Характеризуя таможенные платежи, следует проанализировать их основные признаки, на которых можно базировать их правовую и финансовую природу. К основным признакам таможенных платежей можно отнести следующие [Кураева, Пак, 2023]:

- обязательность – данные платежи являются обязательными к уплате в соответствии с конституционными и законодательными нормами;
- порядок их взыскания определяется на законодательном уровне;
- контроль – мониторинг взимания таможенных платежей и соблюдения установленных норм возложены на таможенные органы государств-членов Союза;
- принудительность уплаты таможенных платежей.

Следует отметить, что доходная часть бюджета формируется в том числе за счет таможенных платежей. Чтобы она постоянно пополнялась, следует обеспечивать условия для совершенствования процесса формирования системы таможенного обложения в направлении повышения собираемости таможенных платежей. Однако на сегодняшний день это является затруднительным в силу существующих проблем. Объектом формирования системы таможенного обложения в данном случае выступают таможенные платежи (таможенные пошлины, сборы и налоги). Соответственно, содержанием формирования системы таможенного обложения на макроэкономическом уровне является мобилизация таможенных платежей в бюджет и повышение эффективности деятельности таможенных органов в данной сфере.

Исследуя важность оценки эффективности таможенных механизмов регулирования международной торговли, следует отметить, что, хотя таможенное дело отнесено к части реализации общей торговой политики и компетенции ЕАЭС, фактически государства-члены конкурируют друг с другом в сфере своего администрирования (применения) за получение своей доли доходов от таможенных

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в Астане 29 мая 2014 г.). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 05.03.2024).

² Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/ (дата обращения: 05.03.2024).

платежей на импорт, которые исчисляются на основе норм таможенного регулирования ЕАЭС. Для достижения этих целей государства-члены ЕАЭС могут использовать различную практику таможенного контроля и принимать национальное законодательство, подробно регламентирующее применение таможенного законодательства ЕАЭС (применяется с учетом местной ситуации и специфики работы национальных таможенных органов) [Дмитриева, Бочкарева, 2022].

Предполагаем, что сложившаяся ситуация негативно влияет на статус самого ЕАЭС как надежно и предсказуемого международного торгового партнера, деловые отношения субъектов международной торговли, экономическое развитие отдельных государств-членов ЕАЭС, наносит ущерб их экономической конкурентоспособности и фискальным интересам и вызывает конфликты между плательщиками (таможенными должниками) и таможенными органами.

Систематизация предложений по оценке таможенного регулирования / Systematization of proposals for the customs regulation assessment

Оценка эффективности таможенного регулирования международной торговли в государствах-членах ЕАЭС является важнейшим условием конструктивного совершенствования государств. В результате систематизации предложений по методологической оценке таможенного регулирования, встречающихся в специальной литературе, мы выделили три метода следующего содержания [Бойкова, Макрусев, Новиков, 2024; Чупина, Морковкин, Сорокин, Басова, Коряков, 2022; Худжатов, 2024]^{3,4}:

1) классические принципы таможенного регулирования и определение показателей с учетом элементов (справедливость, эффективность, эластичность, простота таможенного администрирования), которые оцениваются количественными показателями с последующим сравнительным анализом;

2) квалификационные диагностические показатели оценивают эффективность таможенного регулирования на основе ответов на предложенные уточняющие диагностические вопросы;

3) диагностические показатели оценивают эффективность таможенного регулирования на основе ответов на предложенные уточняющие диагностические вопросы только через призму сбора таможенных платежей.

Каждый из этих методов позволяет оценить различные аспекты эффективности таможенного регулирования международной торговли. Однако следует отметить, что существуют недостатки вышеупомянутых методов оценки. Так, при использовании классических принципов возникли следующие проблемы:

1) рассмотрение не связанных между собой принципов не дает возможности оценить всю систему таможенного регулирования международной торговли и существенно ограничивает сравнительный анализ таких систем;

2) авторы работ предлагают разные показатели для оценки одного и того же принципа;

3) один и тот же показатель предлагается для оценки разных принципов (например, показатель нагрузки предлагается для оценки справедливости и удобства таможенного администрирования, показатель средней тарифной ставки – для справедливости и эффективности), что вызывает путаницу.

Метод оценки второго типа фокусируется на аспектах продуктивности системы таможенного регулирования международной торговли и простоты администрирования. Предлагаемый метод оценки эффективности таможенного регулирования не является точным также из-за неопределенности вопросов-индикаторов как с точки зрения содержания, так и с точки зрения измерения.

Третий метод оценки определяет систему эффективности таможенного регулирования международной торговли с использованием набора показателей, но фокусируется на аспекте сбора доходов. Недостатком метода является узкая оценка системы, для которой не определены принципы расчета показателей и шкалы оценки. Эти методы не определяют общий уровень таможенного регулирования – не установлена четкая иерархия показателей и не предусмотрен сводный показатель (или их совокупность), интегрирующий значения частичных показателей и позволяющий оценить общий уровень эффективности таможенного регулирования международной торговли.

³ Федеральная таможенная служба. Приказ от 7 февраля 2023 г. № 76 «Об утверждении индикативных показателей региональных таможенных управлений и таможен». Режим доступа: <https://www.alta.ru/tamdoc/23pr0076/> (дата обращения: 05.03.2024).

⁴ Федеральная таможенная служба. Приказ от 28 декабря 2022 г. № 1080 «Об утверждении показателей результативности деятельности и показателей эффективности деятельности региональных таможенных управлений и таможен». Режим доступа: <https://www.alta.ru/tamdoc/22pr1080/> (дата обращения: 05.03.2024).

Результаты исследования / Study results

Представленные в научной литературе информационные данные имеют тенденцию ориентироваться на оценку отдельных аспектов эффективности таможенного регулирования международной торговли. Такая оценка недостаточно универсальна, а предложения по совершенствованию не обеспечивают достаточную обоснованность.

В целях восполнения пробелов в методах оценки эффективности таможенного регулирования международной торговли в ЕАЭС предлагается оценивать четыре уровня управления таможенными органами:

- на уровне каждого государства-члена ЕАЭС в отношении единого таможенного регулирования и проведения критериального анализа аналогичных показателей;

- на уровне федеральных органов исполнительной власти, осуществляющего функции по контролю и надзору в области таможенного дела (ФОИВ ФТС);
- на уровне региональных таможенных управлений, осуществляющих контроль и надзор за подчиненными таможенными органами в отношении качественного выполнения ими таможенных операций;
- на уровне таможенных постов и таможен.

Единый алгоритм формирования набора показателей эффективности таможенного регулирования международной торговли в государствах-членах ЕАЭС представлен на рис. 1.

Алгоритм формирования набора показателей эффективности таможенного регулирования международной торговли в государствах-членах ЕАЭС предусматривает пять групп показателей (табл. 1).

Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author on the materials of the study

Рис. 1. Единый алгоритм формирования набора показателей эффективности таможенного регулирования международной торговли в государствах-членах ЕАЭС

Fig. 1. Unified algorithm for forming a set of indicators of international trade customs regulation effectiveness in the EAEU member states

Таблица 1

Показатели оценки эффективности таможенного регулирования международной торговли в государствах-членах ЕАЭС

Table 1. Indicators for assessing international trade customs regulation effectiveness in the EAEU member states

Направления деятельности таможенных органов	Показатели оценки
Экономическая	1) величина таможенных платежей (ТП) в федеральных бюджетах (ФБ) государств-членов ЕАЭС: $V = ТП / ФБ$; 2) фактические платежи (ФП) в ФБ по сравнению с плановыми показателями (ПП) и платежами за предыдущий отчетный период: $ВП = (ФП - ПП) / ПП$; 3) дельта неопределенности недоимок по платежам: $\Delta П = (ПП - ФП) / ПП$; 4) эквивалентность содержания ТП в расходах на обслуживание деятельности таможенных органов (СТО) в государствах-членах ЕАЭС: $ЭЭ = (ТП \Delta т) / СТО$

Направления деятельности таможенных органов	Показатели оценки
Контрольная	1) соотношение фактически выполненных таможенных операций за отчетный период к количеству объектов, подлежащих таможенному контролю $N(t)$; 2) результативность правоохранительной деятельности по соотношению количества выявленных нарушений таможенных правил (НТП) к: • количеству заведенных дел (ЗД); • количеству выигранных дел – (ВД): РПД = (НТП) / N дней; РПД = (ЗД) / N дней; РПД = (ВД) / N дней
Таможенное регулирование	1) увеличение основы начисления для ТП за счет корректировки таможенной стоимости товаров; 2) удельный вес дополнительных поступлений в бюджет в результате: • корректировки таможенной стоимости товаров; • количества вынесенных решений об изменении кода товаров; • минимизации рисков при контроле классификационного кода; • декларирования неизвестной страной происхождения; 3) общий экономический эффект по результатам работы по контролю за страной происхождения товаров; 4) объем дополнительных поступлений в результате декларирования товаров неизвестной страной происхождения
Информационно-аналитическая	1) оперативность предоставления информации (ч.); 2) охват информационной моделью контролирурующих органов; 3) скорость оперативного обмена информацией

Составлено автором по материалам исследования / *Compiled by the author on the materials of the study*

Заключение / Conclusion

Предложенный подход к оценке эффективности таможенного регулирования международной торговли имеет цель устранить недостатки существующих методов оценки. Вместо фокуса на отдельных аспектах предлагается оценивать четыре уровня управления таможенными органами, что позволит получить более объективное представление о качестве таможенного регулирования.

В обобщенном виде предлагаемый подход включает оценку на уровне каждого государства-члена ЕАЭС в рамках региона; на уровне таможенных органов в рамках государственного регулирования; на уровне таможенных управлений и таможен (таможенных постов) в рамках таможенной службы.

Таким образом, единый алгоритм формирования набора показателей эффективности таможенного регулирования международной торговли в государствах-членах ЕАЭС, включающий показатели оценки, может обеспечить всех заинтересованных лиц результатами оценивания работы таможенных органов на четырех уровнях по пяти группам показателей. Использование предлагаемых показателей оценки будет способствовать эффективной реализации таможенной политики, что является предпосылкой для гармоничного развития экономики государств-членов Союза в современном сообществе и основой устойчивого политического, экономического и социального развития государств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бойкова М.В., Макрусев В.В., Новиков В.Е. Сфера государственных таможенных услуг как сервисная экономико-управленческая система: концептуальные идеи и проблемы исследования. *Экономический анализ: теория и практика*. 2024;2(23):263–283. <https://doi.org/10.24891/ea.23.2.263>

Воротынцева Т.М., Кхатри Т. Актуальные проблемы механизма подтверждения соответствия ввозимых на таможенную территорию Евразийского Экономического Союза товаров. *Маркетинг и логистика*. 2022;1(39):5–16.

REFERENCES

Boikova M.V., Makrusev V.V., Novikov V.E. The sphere of state customs services as a service economic and management system: conceptual ideas and research problems. *Economic Analysis: Theory and Practice*. 2024;2(23):263–283. (In Russian). <https://doi.org/10.24891/ea.23.2.263>

Chupina Zh.S., Morkovkin D.E., Sorokin A.M., Basova M.M., Koryakov A.G. Application of statistical and mathematical methods in socio-economic research. *Voprosy istorii*. 2022;5-1:118–130. (In Russian). <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstori-i202205Statyi06>

- Воротынцева Т.М.* Институциональные подходы к развитию таможенных механизмов регулирования внешнеторговой деятельности. Вестник Российской таможенной академии. 2023;2(63):29–36.
- Говоров В.В., Андреева Е.И.* О некоторых аспектах оказания таможенных услуг. Зеленый коридор. Наука и образование в таможенном деле. 2023;11(23):94–99.
- Гупанова Ю.Е., Чечулин Ю.О.* Методический подход к комплексной оценке качества таможенных услуг. Вестник университета. 2019;7:100–107. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-7-100-107>
- Дмитриева О.А., Бочкарева В.Д.* Проблемы таможенно-логистической инфраструктуры в Евразийском экономическом союзе. Ученые записки Российской академии предпринимательства. 2022;4(21):9–16. <https://doi.org/10.24182/2073-6258-2022-21-4-9-16>
- Куряева С.М., Пак А.Ю.* Таможенно-тарифная политика ЕАЭС в решении импортозамещения машин и оборудования в современных условиях. В кн.: Экономические стратегии ЕАЭС: проблемы и инновации: материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 12 апреля 2023 г. М.: Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы; 2023. С. 174–186.
- Моззегорова О.А.* Актуальные проблемы обеспечения таможенными органами соблюдения мер нетарифного регулирования в отношении диких животных и дикорастущих растений. В кн.: Экономические стратегии ЕАЭС: проблемы и инновации: материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 14 апреля 2020 г. М.: Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы; 2020. С. 126–134.
- Худжатов М.Б.* Развитие института таможенного мониторинга в России. Таможенное регулирование. Таможенный контроль. 2024;1:43–48.
- Чупина Ж.С., Морковкин Д.Е., Сорокин А.М., Басова М.М., Коряков А.Г.* Применение статистико-математических методов в социально-экономических исследованиях. Вопросы истории. 2022;5-1:118–130. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202205Statyi06>
- Dmitrieva O.A., Bochkareva V.D.* Problems of customs and logistics infrastructure in the Eurasian Economic Union. Scientific Notes of the Russian Academy of Entrepreneurship. 2022;4(21):9–16. (In Russian). <https://doi.org/10.24182/2073-6258-2022-21-4-9-16>
- Govorov V.V., Andreeva E.I.* On some aspects of rendering customs services. Green Corridor. Science and Education in Customs. 2023;11(23):94–99. (In Russian).
- Gupanova Yu. Ye., Chechulin Yu. O.* Methodical approach to complex assessment of quality of customs services. Vestnik universiteta. 2019;7:100–107. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-7-100-107>
- Khudzhatov M.B.* Development of the institute of customs monitoring in Russia. Customs Regulation. Customs Control. 2024;1:43–48. (In Russian).
- Kuraeva S.M., Park A. Yu.* The customs and tariff policy of the EAEU in solving import substitution of machinery and equipment in modern conditions. In: Economic strategies of the EAEU: Issues and innovations: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 12, 2023. RUDN University; 2023. Pp. 174–186. (In Russian).
- Mozzhegorova O.A.* Current issues of ensuring compliance by customs authorities with non-tariff regulation measures in relation to wild animals and wild plants. In: Economic strategies of the EAEU: Issues and innovations: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 14, 2020. RUDN University; 2020. Pp. 126–134. (In Russian).
- Vorotyntseva T.M., Khatri T.* Current issues of the mechanism of conformity assessment of goods imported into the customs territory of the Eurasian Economic Union. Marketing and Logistics. 2022;1(39):5–16. (In Russian).
- Vorotyntseva T.M.* Institutional approaches to the development of customs mechanisms for regulating foreign trade activities. Bulletin of the Russian Customs Academy. 2023;2(63):29–36. (In Russian).

Производительность труда в рамках реализации национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости»

Зотиков Николай Зотикович

Канд. экон. наук, доц. каф. финансов, кредита и экономической безопасности

ORCID: 0000-0001-5631-9123, e-mail: zotikovcontrol@yandex.ru

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, 428015, Московский пр-т, 15, г. Чебоксары, Россия

Аннотация

По макроэкономическим оценкам российская экономика характеризуется относительно низким уровнем производительности труда, в два–три раза уступая экономикам ряда индустриально развитых стран. Более низкий уровень производительности труда в Российской Федерации по сравнению с ведущими экономиками мира проявляется особенно на микроуровне. Повышение производительности труда является одной из важнейших задач отечественной экономики в части обеспечения конкурентоспособности на мировых рынках. Значение этого процесса усиливается в нынешних условиях, характеризующихся западными санкциями, направленными на ослабление российской экономики. Этим обусловлена актуальность настоящего исследования. Цель статьи – проанализировать состояние производительности труда в процессе реализации проекта «Производительность труда и поддержка занятости». Предмет исследования – производительность труда на микро-и макроуровнях, в отдельных отраслях, регионах. В исследовании использованы данные паспорта национального проекта, официальные данные Федеральной службы государственной статистики, Министерства экономического развития Российской Федерации, применялись методы: анализ и синтез, обобщение, группировка, табличный и др. Установлено наличие значительной межотраслевой, внутриотраслевой дифференциации российских компаний по уровню производительности труда, различных методик расчета производительности труда, чем затрудняется выбор наиболее эффективных хозяйствующих субъектов. Одной из причин отставания от других стран по уровню производительности труда является технологическое отставание отечественных компаний. В то же время регионы недостаточно используют возможности налогового стимулирования инвестиций путем установления налогового вычета, ослаблена мотивация труда. В ранжировании регионов по уровню социально-экономического развития, а также для целей оценки эффективности руководителей регионов не применяется показатель производительности труда.

Ключевые слова: производительность труда, методики расчета производительности труда, факторы роста производительности труда, инвестиции в основной капитал, инвестиционный налоговый вычет, мотивация труда, добавленная стоимость, уровень заработной платы

Для цитирования: Зотиков Н.З. Производительность труда в рамках реализации национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости»//Управление. 2024. Т. 12. № 2. С. 31–39. DOI: 10.26425/2309-3633-2024-12-2-31-39

Received: 08.04.2024

Revised: 29.05.2024

Accepted: 03.06.2024

Labor productivity within the framework of the Labor Productivity and Employment Support national project

Nikolay Z. Zotikov

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Finance, Credit and Economic Security Department

ORCID: 0000-0001-5631-9123, e-mail: zotikovcontrol@yandex.ru

Chuvash State University named after I.N. Ulyanov, 15, Moskovsky prospekt, Cheboksary 428015, Russia

Abstract

According to macroeconomic estimates, the Russian economy is characterized by a relatively low level of labor productivity, two to three times inferior to the economies of a number of industrialized countries. The lower level of labor productivity in Russia in comparison with the leading global economies is manifested especially at the microlevel. Increasing labor productivity is one of the most important tasks of the domestic economy in terms of ensuring competitiveness in the world markets. The importance of this process is intensified in the current conditions characterized by Western sanctions aimed at weakening the Russian economy. This determines the relevance of the present study. The purpose of the study is to analyze the labor productivity state in the process of implementing the Labor Productivity and Employment Support project. The subject of the study is labor productivity at the micro- and macrolevels, in individual industries and regions. The study used data from the national project passport, official data from the Federal State Statistics Service and the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, and methods such as analysis and synthesis, generalization, grouping, tabular, etc. The presence of significant inter-industry and intra-industry differentiation of Russian companies by the labor productivity level and different methods of calculating labor productivity, which makes it difficult to choose the most effective economic entities, has been revealed. One of the reasons for lagging behind other countries in terms of labor productivity is, among other things, the technological lag of domestic companies. At the same time, the regions do not sufficiently use the possibilities of tax incentives for investment by establishing a tax deduction, and labor motivation is weakened. The labor productivity indicator is not used in ranking regions by the socio-economic development level, as well as for the purposes of assessing regional managers effectiveness.

Keywords: labor productivity, methods for calculating labor productivity, labor productivity growth factors, investment in fixed capital, investment tax deduction, labor motivation, added value, wage level

For citation: Zotikov N.Z. (2024) "Labor productivity within the framework of the Labor Productivity and Employment Support national project". *Upravlenie / Management (Russia)*, 12 (2), pp. 31–39. DOI: 10.26425/2309-3633-2024-12-2-31-39

Введение / Introduction

Улучшение жизни населения невозможно без успешного развития реального сектора экономики и внедрения передовых методов в управление производством. На достижение этих целей направлены национальные проекты, реализуемые в Российской Федерации (далее – РФ, Россия) в настоящее время, действие которых заканчивается 2024 г. Одним из важнейших среди них является национальный проект «Производительность труда и поддержка занятости». Необходимость его принятия обусловлена значительным отставанием России от передовых стран по уровню производительности труда. Значение необходимости повышения производительности труда усиливается в нынешних условиях, когда России предъявлены санкции Западом, направленные на уничтожение экономики.

Производительность труда является важнейшим показателем, характеризующим конкурентоспособность национальной экономики. На величину производительности труда влияют такие факторы, как инвестиции в основные фонды (что приведет к повышению фондовооруженности, фондоотдаче), выход на новые рынки, проведение научных исследований и разработок, технологические инновации, инвестиции в цифровые технологии, инвестиции в человеческий капитал, мотивация труда (усиление стимулов к труду).

России присущи высокий уровень дифференциации регионов по величине производительности труда и существенная внутриотраслевая дифференциация компаний. Ориентация государственной поддержки на более эффективные компании приводит к еще большему увеличению разрыва между передовиками и отстающими.

Национальный проект «Производительность труда и поддержка занятости» со сроком реализации до 31 декабря 2024 г. направлен на достижение национальной цели «Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство»¹:

- обеспечение темпа роста валового внутреннего продукта (далее – ВВП) страны выше среднемирового уровня;
- обеспечение темпа устойчивого роста доходов населения.

¹ Паспорт национального проекта (программы) «Производительность труда и поддержка занятости» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 декабря 2018 г. № 16). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319210/ (дата обращения: 03.04.2024).

Цель исследования – проанализировать состояние производительности труда в процессе реализации проекта «Производительность труда и поддержка занятости». Предмет исследования – производительность труда на микро- и макроуровнях, в отдельных отраслях, регионах.

Информационной базой исследования стали данные паспорта национального проекта, официальные данные Федеральной службы государственной статистики, Министерства экономического развития РФ (далее – МЭР), применялись методы: анализ и синтез, обобщение, группировка, табличный и др.

Обзор литературы / Literature review

В подтверждение актуальности выбранной темы приведем краткий обзор литературы по исследуемому вопросу.

Т.А. Федорова и ее соавторы отмечают, что основным звеном экономики является предприятие, в то же время «увеличение производительности труда на отдельных предприятиях не приведет к увеличению производительности труда в регионе, отрасли и стране в целом» [Федорова, Ломовцев, Потторов, 2021, с. 401].

По мнению М.И. Маликова и М.С. Никольского, «своевременный запуск нацпроектов позволил стране сохранить устойчивость в сложный период 2020–2022 гг.» [Маликов, Никольский, 2023, с. 73].

Н.В. Говорова отмечает, что «задача обеспечить рост производительности труда не ниже 5% в год – это одно из основных условий вхождения России в число крупнейших передовых экономик мира» [Говорова, 2019, с. 32].

К причинам низкой производительности труда в России Е.А. Войкина относит «износ оборудования, применение устаревших технологий, недостаток средств для внедрения новых производственных мощностей, неэффективное использование трудовых ресурсов и рабочего времени, низкую квалификацию работников» [Войкина, 2018, с. 120–121].

По мнению Б.Л. Лавровского и его соавторов, Россия имеет возможность выйти на темпы прироста производительности в 4–5 % при значительных масштабах инновации [Лавровский, Хайруллина, Волосская, Чуваев, 2020].

В качестве одной из причин низкого уровня производительности труда авторы видят низкий уровень мотивации труда: «за время рыночных реформ с 1991 г. существенно, до 100 раз, увеличился разрыв между уровнями доходов самых обеспеченных и самых бедных слоев населения, заработная плата на текущий момент не выполняет ни производственной,

ни стимулирующей функции» [Федорова, Ломовцев, Пототоворов, 2021, с. 400].

Отмечая ослабление мотивации труда, государственного регулирования оплаты труда, отставание России от других государств по показателям производительности труда и заработной платы, автор отмечает, что «без реального повышения заработной платы независимо от роста производительности труда снизить долю лиц с доходами ниже прожиточного минимума невозможно» [Зотиков, 2022, с. 43].

Н.С. Сергиенко указывает на необходимость проведения мониторинга реализации федеральных проектов, который направлен на «формирование фактических данных о достижении фактических параметров проекта и выявления отклонений фактических параметров от плановых, складывающихся на конкретную отчетную дату» [Сергиенко, 2020, с. 25].

По мнению Н.Л. Красюковой, «органы власти обязаны участвовать в реализации национальных проектов в пределах своих полномочий, и их вовлеченность обеспечивается соответствующими нормативными актами» [Красюкова, 2019, с. 7].

Результаты исследования / Research results

В состав национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости» входят следующие федеральные проекты:

- системные меры по повышению производительности труда: создание условий для повышения производительности труда;
- адресная поддержка повышения производительности труда на предприятиях;
- поддержка занятости и повышение эффективности рынка труда для обеспечения роста производительности труда.

Рассмотрим основные индикаторы проекта (табл. 1).

Проект ставит задачу по предприятиям базовых несырьевых отраслей к 2024 г. достичь следующих показателей:

- количество предприятий, получивших поддержку от федеральных центров компетенций и региональных центров компетенций (далее – РЦК), – 6,535 тыс.;
- количество предприятий, воспользовавшихся сервисом цифровой экосистемы, – 4 тыс.;
- количество предприятий, получивших акселерационную поддержку по развитию экспортного потенциала, – 2,277 тыс.;
- процент завершенных проектов, по результатам которых предприятия достигли развития производственных систем, – 80 %;
- процент предприятий-участников, достигших ежегодного 5 % прироста производительности труда, – 50 %;
- количество созданных РЦК – 60;
- количество внедренных сервисов в цифровой экономике – 8 тыс.;
- количество руководителей предприятий, обученных по программе «Лидеры производительности», – 9,84 тыс.

В национальном проекте могут принять участие предприятия, занятые в базовых несырьевых отраслях, с выручкой от 400 млн руб. за предыдущий год (без налога на добавленную стоимость).

² Паспорт национального проекта (программы) «Производительность труда и поддержка занятости» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 декабря 2018 г. № 16). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319210/ (дата обращения: 03.04.2024).

Таблица 1

Основные индикаторы национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости»

Table 1. The main indicators of the Labor Productivity and Employment Support national project

Показатели	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Количество предприятий-участников, вовлеченных в проект, ед.	1 003,0	1 967,0	2 590,00	3 694,00	4 736,0	6 057,00
Количество сотрудников предприятий, прошедших обучение инструментам повышения производительности труда, чел. (нарастающим итогом)	10 060,0	21 821,0	31 234,00	57 625,00	74 395,0	93 475,00
Количество работников предприятий, вовлеченных в движение рационализаторов, чел. (нарастающим итогом)	–	–	10 000,00	20 000,00	45 000,0	90 000,00
Количество руководителей, обученных по программе управленческих навыков для повышения производительности труда, тыс. чел. (нарастающим итогом)	3,2	4,4	6,49	8,64	9,9	9,66
Финансовое обеспечение проекта, млн руб.	5 524,3	5 030,9	4 876,40	5 489,10	5 124,1	6 001,90

Источник² / Source²

По данным Организации экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР), производительность труда в России в 2017 г. составила 26,5 долл. США в час³. Этот показатель отражает объем ВВП, вырабатываемый каждым трудящимся россиянином за один час работы (в текущих ценах, по паритету покупательной способности). По показателю производительности труда Россия уступает многим странам. Средний для ОЭСР показатель составляет 54,8 долл. США, а у лидеров – Ирландии и Люксембурга – находится на уровне 99 долл. США в час.

³ ОЭСР: Производительность труда в России по-прежнему в разы ниже, чем у развитых стран. Режим доступа: <https://www.bfm.ru/news/406134> (дата обращения: 03.04.2024).

Как и по всем другим показателям, субъекты РФ различаются также по индексу производительности труда (табл. 2).

Как следует из приведенных в таблице 2 данных, индекс производительности труда по РФ составил 103,7 %, в том числе в Московской области – 109,3 %, в Красноярском крае – 97,6 %.

⁴ Федеральная служба государственной статистики. Индекс производительности труда по РФ, по субъектам РФ в 2008–2021 г. Режим доступа: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ipt2008-2021\(14062023\).xlsx](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ipt2008-2021(14062023).xlsx) (дата обращения: 03.04.2024).

Таблица 2

Индекс производительности труда по субъектам РФ

Table 2. Labor productivity index by constituent entities of the Russian Federation

Субъекты	2019 г., %	2020 г. %	2021 г., %	Субъекты	2019 г., %	2020 г., %	2021 г., %
Всего по РФ	102,4	99,6	103,7	Саратовская область	100,2	104,8	97,4
Белгородская область	102,2	101,1	101,8	Республика Марий Эл	102,5	101,4	98,2
Брянская область	105,0	104,2	101,1	Республика Мордовия	12,0	105,0	100,7
Владимирская область	104,0	104,8	115,0	Республика Татарстан	102,4	96,8	101,2
Воронежская область	102,0	98,2	101,4	Республика Удмуртия	101,0	97,9	99,7
Ивановская область	102,5	105,7	98,3	Республика Чувашия	105,4	102,2	100,7
Московская область	104,1	99,3	109,3	Пензенская область	106,3	108,7	98,4
Орловская область	108,0	101,7	100,0	Самарская область	103,6	95,0	103,9
Смоленская область	103,9	101,6	101,7	Республика Башкортостан	104,9	98,1	98,9
Тамбовская область	98,1	100,0	97,8	ЯНАО	104,7	98,1	106,5
Тульская область	101,5	103,8	104,6	Свердловская область	101,0	99,5	100,1
Ярославская область	101,8	103,4	101,9	Тюменская область	101,3	96,1	106,3
Москва	100,9	102,5	109,6	ХМАО – Югра	99,6	93,7	106,4
Республика Коми	102,7	97,5	102,9	Челябинская область	98,5	103,9	104,4
Ленинградская область	102,6	99,7	105,0	Красноярский край	99,9	97,6	97,6
Мурманская область	106,1	114,5	104,3	Иркутская область	104,0	100,5	102,6
Новгородская область	104,3	104,8	102,6	Кемеровская область	102,1	98,5	107,4
Санкт-Петербург	101,4	98,7	120,3	Омская область	102,3	100,1	101,1
Республика Адыгея	104,6	105,9	103,0	Республика Бурятия	109,2	104,9	101,6
Республика Калмыкия	101,6	97,3	98,2	Республика Саха – Якутия	102,3	92,4	115,6
Краснодарский край	98,9	98,2	104,4	Камчатский край	100,7	99,7	104,7
Астраханская область	105,7	107,4	93,5	Приморский край	108,2	103,5	106,2
Волгоградская область	102,3	100,7	93,1	Хабаровский край	102,9	103,1	102,6
Севастополь	106,3	99,6	103,2	Магаданская область	105,9	106,7	105,1
Республика Дагестан	101,5	106,9	96,1	Еврейская АО	99,8	102,4	108,0
Республика Ингушетия	99,2	95,5	99,4	Чукотская область	102,8	100,5	99,9

Примечание: ЯНАО – Ямало-Ненецкий автономный округ, ХМАО – Югра – Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Еврейская АО – Еврейская автономная область

Источник⁴ / Source⁴

Индекс производительности труда в экономике РФ по отраслям

Table 3. Labor productivity index in the Russian economy by industry

Отрасли	2017 г., %	2018 г., %	2019 г., %	2020 г., %	2021 г., %
В целом по экономике	102,1	103,1	102,4	99,6	103,7
Сельское, лесное хозяйство, охота	105,8	101,6	106,0	100,2	100,0
Рыболовство, рыбоводство	89,2	108,3	102,0	95,0	100,7
Добыча полезных ископаемых	100,9	101,4	101,6	95,2	100,7
Обрабатывающие производства	104,3	105,1	103,6	104,2	102,6
Строительство	97,2	100,8	96,8	100,3	99,7
Транспортировка и хранение	100,1	101,5	101,0	89,8	102,8
Торговля оптовая и розничная, ремонт транспортных средств	100,4	101,8	101,6	104,0	103,8
Транспортировка и хранение	100,1	101,5	101,0	89,8	102,8
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	103,0	104,4	100,6	78,7	116,3
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	105,1	106,4	107,9	104,7	105,8

Источник⁵ / Source⁵

Значения индекса производительности труда по основным отраслям экономики приведены в табл. 3.

Согласно данным таблицы 3, в 2021 г. индекс производительности труда в целом по экономике составил 103,7 %, в том числе в строительстве – 99,7 %, по деятельности гостиниц и предприятий общественного питания – 116,3 %.

Методы расчета производительности труда / Methods for calculating labor productivity

Фактический уровень производительности труда зависит от применяемых методов его расчета. «Для оценки производительности труда в зарубежной статистике есть два показателя: ВВП на количество отработанных часов и ВВП на количество занятых» [Войкина, 2018, с. 115].

Т.М. Токмурзин и Ю.Н. Шедько приводят универсальный способ определения производительности труда, в соответствии с которым показатель определяется как отношение объема продукции в стоимостном выражении к численности работников [Токмурзин, Шедько, 2021]:

- $Pt = V / Ч$, где V – объем продукции, $Ч$ – количество работников организации, основной, вспомогательный персонал, аппарат управления;
- по национальному проекту – $Pt = ДС / КЗ$, где $ДС$ – добавленная стоимость (это часть стоимости, создаваемая на предприятиях и служащая источником для налогов и накопления), $КЗ$ – количество занятых.

По мнению Т.В. Александровой и В.Л. Попова, «к проблемам федерального уровня относится проблема обеспечения достоверной оценки вклада регионов в достижение целевых показателей национального проекта» [Александрова, Попов, 2021, с. 75]. Это затрудняется различиями в существующих методиках расчета показателя.

По методике МЭР индекс производительности труда определяется⁶:

- по экономике в целом как соотношение индекса физического объема ВВП и индекса совокупных затрат труда;
- по отраслям экономики как отношение индекса физического объема валовой добавленной стоимости по отрасли к индексу совокупных затрат труда по отрасли;
- по субъекту РФ как отношение индекса физического объема валового национального продукта к индексу совокупных затрат труда по региону.

Оценка затрат труда осуществляется по таким показателям, как количество рабочих мест и количество отработанного времени в расчете на год.

Для расчета показателей производительности труда в целях национального проекта под предприятием для целей методики понимаются коммерческие организации, относящиеся к предприятиям базовых несырьевых отраслей экономики с объемом годовой выручки от 400 млн руб. до 30 млрд руб.,

⁵ Федеральная служба государственной статистики. Эффективность экономики России. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/11186> (дата обращения: 03.04.2024).

⁶ Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации и Федеральной службы государственной статистики от 28 апреля 2018 г. № 274 «Об утверждении Методики расчета показателя «Индекс производительности труда». Режим доступа: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pr274-280418\[3\].pdf](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pr274-280418[3].pdf) (дата обращения: 03.04.2024).

применяющих общую систему налогообложения или единый сельскохозяйственный налог⁷. Под базовыми несырьевыми отраслями экономики РФ согласно ОКВЭД-2 понимаются обрабатывающие производства, строительство, транспортировка и хранение, сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство.

В целях применения Методики производительность труда в общем виде измеряется как добавленная стоимость (ДС на единицу затрат труда (ЗТ)). ДС предприятия = прибыль + ОТ + СВ + Нал. и сборы, где ОТ – оплата труда, СВ – страховые взносы, Нал. и сборы – сумма налогов, включаемых в себестоимость, а прибыль = выручка – прямые расходы (из декларации по налогу на прибыль).

Помимо СВ, в себестоимость включается налог на имущество организаций.

Затраты труда (ЗТ) определяются как среднее-ежегодное количество застрахованных лиц по данным отчета по СВ: Пт для предприятий = ДС / ЗТ.

Расчет производительности труда отрасли, субъекта РФ производится как простая сумма показателя по предприятиям.

Индекс производительности труда в базовых несырьевых отраслях экономики является отношением индекса физического объема выпуска товаров и услуг в году t относительно года $t-1$ к индексу отработанного времени в году t относительно года $t-1$ ⁸.

Показатель «Производительность труда в базовых несырьевых отраслях экономики» был включен в перечень из 15 показателей, используемых при оценке эффективности деятельности руководителей

субъектов РФ⁹. Однако впоследствии он был исключен из перечня утвержденных 20 показателей¹⁰.

Главные проблемы, препятствующие росту производительности труда, Высшая школа экономики видит «в недостаточности у предприятий необходимых для этого ресурсов: кадровых и финансовых (отсутствие у предприятия необходимых средств, сложность привлечения внешнего финансирования)» [Симачев, Кузык, Федюнина, 2020, с. 7].

Налоговый кодекс РФ (ст. 286.1) предоставляет предприятиям большие возможности для проведения реконструкции и модернизации. Речь идет об инвестиционном налоговом вычете – это установленная законом субъекта РФ возможность уменьшения исчисленного к уплате по итогам отчетного (налогового) периода регионального налога на прибыль (исчисляемого по ставке 17 % в 2017–2024 гг.) на стоимость приобретенных основных средств, затраты на их модернизацию: до 90 % расходов на приобретение основных средств можно учитывать в расходах и уменьшить налоговую базу по налогу на прибыль организаций¹¹. Максимальный размер вычета (90 %) установлен в Москве, Санкт-Петербурге, Республиках Алтай, Дагестан, Удмуртской и Чеченской, 50 % – в Республиках Башкортостан, Карелия, Крым, Марий Эл, Чувашской, 20 % – в Республиках Адыгея, Ингушетия и др. В некоторых регионах соответствующее решение до сих пор не принято.

По данным Федеральной налоговой службы РФ, в 2022 г. лишь 349 организаций применили инвестиционный налоговый вычет на сумму 55,1 млрд. руб., что составляет 1 % от суммы исчисленного налога

⁷ Министерство экономического развития. Приказ от 28 декабря 2018 г. № 748 «Об утверждении Методики расчета показателей производительности труда предприятия, отрасли, субъекта Российской Федерации и Методики расчета отдельных показателей национального проекта Производительность труда и поддержка занятости». Режим доступа: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_315668/ (дата обращения: 03.04.2024).

⁸ Постановление Правительства Российской Федерации от 17 июля 2019 г. № 915 «Об утверждении методик расчета показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_330451/ (дата обращения: 03.04.2024).

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 25 апреля 2019 г. № 193 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323451/ (дата обращения: 03.04.2024).

¹⁰ Указ Президента Российской Федерации от 4 февраля 2021 г. № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_375984/ (дата обращения: 03.04.2024).

¹¹ Информационная система 1С:ИТС. Инвестиционный налоговый вычет по регионам. Режим доступа: https://its.1c.ru/db/content/taxprib/src/3400001_t_инв_нал_вычет_по_регионам.htm (дата обращения: 03.04.2024).

на прибыль (5 583,0 млрд руб.) в консолидированный бюджет РФ¹².

Заключение / Conclusion

Исследование подтвердило отставание России по показателю производительности труда от передовых стран мира, высокий уровень дифференциации регионов и отраслей. Частично эти различия обусловлены несовершенством расчета показателя в отдельных отраслях (в торговле, гостиничном хозяйстве, в непромышленной сфере).

Значение необходимости повышения производительности труда усиливается из-за низкого уровня заработной платы и доходов населения страны (вследствие ослабления государственного регулирования оплаты труда, ослабления мотивации труда, стимулов к труду).

Данные табл. 2 свидетельствуют о низком уровне производительности труда по субъектам РФ, снижении темпов роста производительности труда

¹² Федеральная налоговая служба. Отчет по форме № 5-П по состоянию на 1 января 2023 г. Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/m77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/12536915/ (дата обращения: 03.04.2024).

по отдельным регионам и незначительных темпах роста показателя по другим регионам. В национальный проект вовлечено небольшое количество предприятий, даже при выполнении показателей проекта оценка производительности труда по узкой прослойке компаний не обеспечит рост показателя по экономике.

К числу основных причин отставания России по производительности труда относятся технологическое отставание и старение парка оборудования. В условиях отсутствия инвестиций большие возможности предоставляются предприятиям в вопросах обновления основных средств в регионах, принявших закон об инвестиционном налоговом вычете. По мнению автора, действие вычета целесообразно продлить.

Показатели валового регионального продукта, валового регионального продукта на душу населения, производительности труда считаем необходимым включить в перечень критериев, учитываемых при ранжировании регионов по уровню социально-экономического положения, а также при оценке эффективности деятельности руководителей регионов и округов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александрова Т.В., Попов В.Л. Реализация национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости» в Пермском крае: факты, проблемы, перспективы. *Управленческое консультирование*. 2021;11(155):61–80. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-11-61-80>

Войкина Е.А. Производительность труда в России и за рубежом: сравнительный анализ и перспективы роста. *Экономическое возрождение России*. 2018;4(58):114–122.

Говорова Н.В. Производительность труда и стабильная занятость как инструменты устойчивого развития. *Стандарты и качество*. 2019;11:30–34.

Зотиков Н.З. Рост производительности труда как условие повышения заработной платы. *Вестник Самарского государственного экономического университета*. 2022;6(212):36–45. <https://doi.org/10.46554/1993-0453-2022-6-212-36-45>

Красюкова Н.Л. Совершенствование системы ранжирования федеральных проектов. *Финансовая жизнь*. 2019;3:7–9.

Лавровский Б.Л., Хайруллина М.В., Волосская К.Н., Чуваев А.В. О производительности труда в одноименном национальном проекте. *ЭКО*. 2020;6(552):111–130. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-6-111-130>

Маликов М.И., Никольский М.С. Национальные проекты как драйвер социально – экономического развития регионов России. *Первый экономический журнал*. 2023;2(332):67–74. https://doi.org/10.58551/20728115_2023_2_67

REFERENCES

Alexandrova T.V., Popov V.L. Implementation of the national project “Labor Productivity and Employment Support” in the Perm Region: Facts, Problems, Prospects. *Administrative Consulting*. 2021;11(155):61–80. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-11-61-80>

Fedorova T.A., Lomovtsev D.A., Potvorov A.I. Analyzing the efficiency of the national project “Labor Productivity and Support to Employment” implementation. *Economic Analysis: Theory and Practice*. 2021;3(20):396–415. (In Russian). <https://doi.org/10.24891/ea.20.3.396>

Govorova N.V. Labor productivity and stable employment as tools for sustainable development. *Standards and Quality*. 2019;11:30–34. (In Russian).

Krasyukova N.L. Improving the ranking system of federal projects. *Financial Life*. 2019;3:7–9. (In Russian).

Lavrovsky B.L., Khairullina M.V., Voloskaya K.N., Chuvaev A.V. On Labor Productivity and the Homonymous National Project. *ECO*. 2020;6(552):111–130. (In Russian). <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-6-111-130>

Malikov M.I., Nikolsky M.S. National projects as a driver of socio-economic development of Russian regions. *First Economic Journal*. 2023;2(332):67–74. (In Russian). https://doi.org/10.58551/20728115_2023_2_67

Sergienko N.S. Analysis of the monitoring of the system of reports on federal projects in the system “electronic budget”. *Financial Life*. 2020;3:25–27. (In Russian).

Сергиенко Н.С. Анализ мониторинга системы отчетов по федеральным проектам в системе «Электронный бюджет». *Финансовая жизнь.* 2020;3:25–27.

Симачев Ю.В., Кузык М.Г., Федюнина А.А. и др. Факторы роста производительности труда на предприятиях несырьевых секторов российской экономики: доклад к XXI Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. М.: Изд. дом Высшей школы экономики; 2020. 60 с.

Токмурзин Т.М., Шедько Ю.Н. Управление производительностью труда как инструмент государственного воздействия на развитие реального сектора экономики (на примере Национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости населения»). *Финансовая жизнь.* 2021;1:54–57.

Федорова Т.А., Ломовцев Д.А., Потворов А.И. Анализ эффективности реализации национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости». *Экономический анализ: теория и практика.* 2021;3(20):396–415. <https://doi.org/10.24891/ea.20.3.396>

Simachev Y.V., Kuzyk M.G., Fedyunina A.A. et al. Factors of labor productivity growth at the enterprises of non-resource sectors of the Russian economy: Report to the XXI April International Scientific Conference on the issues of economy and society development, Moscow, 2020. Moscow: Higher School of Economics Publ. House; 2020. 60 p. (In Russian).

Tokmurzin T.M., Shedko Yu.N. Labor productivity management as a tool of state influence on the development of the real sector of the economy (on the example of a national project “Labor productivity and employment support”). *Financial Life.* 2021;1:54–57. (In Russian).

Voikina E.A. Labor efficiency in Russia and abroad: comparative analysis and growth prospects. *The Economic Revival of Russia.* 2018;4(58):114–122. (In Russian).

Zotikov N.Z. Increase in the labor productivity as a condition for raising wages. *Vestnik of Samara State University of Economics.* 2022;6(212):36–45. (In Russian). <https://doi.org/10.46554/1993-0453-2022-6-212-36-45>

Глобальная инфляция: современный детерминизм и вызовы для политики

Смирнов Евгений Николаевич

Д-р экон. наук, и.о. зав. каф. мировой экономики и международных экономических отношений

ORCID: 0000-0002-9325-7504, e-mail: smirnov_en@mail.ru

Государственный университет управления, 109542, Рязанский пр-кт, 99, г. Москва, Россия

Аннотация

Настоящая статья посвящена исследованию детерминант глобальной инфляции, обуславливающих ее в последние десятилетия и на современном этапе под воздействием каскадных шоков в мировой экономике и финансовой системе. Актуальность проблем, обобщенных и проанализированных в статье, объясняется значительными рисками продолжительности инфляции на современном этапе, на которую воздействует все большее количество шоков со стороны спроса, предложения, глобальной финансовой системы, и в этих условиях даже адаптивная монетарная политика может перестать быть эффективной. Цель исследования – на основе ретроспективного анализа оценить характер и масштабы уязвимости экономик развитых и развивающихся стран вследствие инфляционных потрясений и выявить фундаментальные детерминанты инфляции в условиях кризиса. Достижение указанной цели предполагало решение таких приоритетных задач, как: выявление факторов динамики глобальной инфляции с учетом рисков стагфляционных и рецессионных тенденций в мировой экономике; определение новых детерминант инфляции в условиях изменения масштабов и структуры мирового финансового рынка; оценка механизмов корректировки и адаптации монетарной политики в условиях нынешней инфляции; рассмотрение современного характера шоков спроса и предложения и их воздействия на глобальную инфляцию. Нынешний инфляционный шок является беспрецедентным, и в настоящем исследовании дана его оценка в историческом контексте и на предмет его схожести и отличий со значимыми эпизодами инфляции, наблюдавшимися в послевоенные десятилетия. Проанализированы ключевые факторы инфляции на современном этапе в их взаимосвязи с ключевыми трендами монетарной политики.

Ключевые слова: инфляция, стагфляция, экономический рост, монетарная политика, мировые цены, мировой финансовый рынок, центральный банк, заработная плата, международная торговля, глобальные цепочки создания стоимости

Для цитирования: Смирнов Е.Н. Глобальная инфляция: современный детерминизм и вызовы для политики // Управление. 2024. Т. 12. № 2. С. 40–50. DOI: [10.26425/2309-3633-2024-12-2-40-50](https://doi.org/10.26425/2309-3633-2024-12-2-40-50)

Received: 28.02.2024

Revised: 13.04.2024

Accepted: 20.04.2024

Global inflation: modern determinism and challenges for policy

Yevgeny N. Smirnov

Dr. Sci. (Econ.), Acting Head of the World Economy and International Economic Relations Department

ORCID: 0000-0002-9325-7504, e-mail: smirnov_en@mail.ru

State University of Management, 99, Ryazansky prospekt, Moscow 109542, Russia

Abstract

The article studies global inflation determinants, causing it in recent decades and at the present stage under the influence of cascading shocks in world economy and financial system. The relevance of the problems summarized and analyzed in the article is explained by the significant risks of the inflation duration at the present stage, which is affected by an increasing number of shocks from demand, supply, and global financial system. In these conditions, even adaptive monetary policy may cease to be effective. The purpose of the study is to assess the nature and extent of developed and developing countries' economies vulnerability due to inflationary shocks and to identify the inflation fundamental determinants in crisis conditions on the basis of retrospective analysis. Achievement of the goal implied the solution of such priority tasks as: global inflation dynamics factors identification considering the risks of stagflationary and recessionary trends in world economy; inflation new determinants identification in the context of changes in the scale and structure of the global financial market; assessment of monetary policy adjustment and adaptation mechanisms in the current inflationary environment; consideration of the current nature of supply and demand shocks and their impact on global inflation. The current inflationary shock is unprecedented, and the study assesses it in its historical context and for its similarities and differences with significant inflation episodes observed in the post-war decades. The key factors of inflation at the present stage have been analyzed in their relationship with the monetary policy key trends.

Keywords: inflation, stagflation, economic growth, monetary policy, world prices, global financial market, central bank, wages, international trade, global value chains

For citation: Smirnov Ye.N. (2024). Название. *Upravlenie / Management (Russia)*, 12 (2), pp. 40–50. DOI: 10.26425/2309-3633-2024-12-2-40-50

Введение / Introduction

В послевоенной ретроспективе первый инфляционный шок начался в 1973 г. со скачка мировых цен на нефть, и далее наблюдался резкий рост инфляции, сопровождавшийся девальвацией долл. США в номинальном эффективном выражении; при этом глобальная инфляция была стабильной до наступления рецессии в 1982 г. Позднее в мире наблюдалось серьезное снижение глобальной инфляции (в 1974–2019 гг. – с 16,9 до 2,3 %), в качестве причин которой в научной литературе справедливо указываются четкая направленность монетарной политики на достижение стабильности цен, а также растущая и быстрая глобализация рынков товаров, услуг, капитала и рабочей силы [Ha et al., 2019]. В период так называемой «Великой умеренности» (1990–2000-е гг.) инфляция снизилась настолько, что к 2000-м гг. в ряде развитых стран серьезной проблемой стала дефляция. В преддверии пандемического кризиса COVID-19 инфляция во всех развитых странах была ниже целевых диапазонов, а в половине развивающихся стран, применявших таргетирование, оставалась в пределах этих диапазонов.

Проблемы, затрагиваемые в настоящем исследовании, актуализировались в связи с новым серьезным инфляционным шоком, произошедшим с началом проведения специальной военной операции (далее – СВО) на Украине в феврале 2022 г. Однако изменение факторов инфляции наблюдалось уже с начала пандемии, когда глобальная инфляция снижалась по мере уменьшения потребления и инвестиций в мире, что частично компенсировал инфляционный эффект перебоев в поставках. Эти перебои позднее (с мая 2020 г.) начали проходить по мере восстановления международной торговли и глобального производства, однако спрос стал резко восстанавливаться (в том числе за счет онлайн-торговли), оказывая повышательное давление на инфляцию. В 2021 г. инфляция ускорилась вследствие восстановления глобального экономического роста, роста мировых цен на нефть и потрясений предложения. После начала СВО скачки мировых цен на нефть еще в большей степени подстегнули инфляцию, и краткосрочные инфляционные ожидания усилились (частично оттого, что Российская Федерация (далее – РФ, Россия) – значительный экспортер многих видов сырья).

Сбои в отгрузке и дефицит предложения усугубили рост мировых цен на сырье и усилили глобальную инфляцию. Большинство развитых и развивающихся стран по мере замедления роста ужесточили монетарную политику. Существуют риски сохранения высокой инфляции в течение длительного времени, например, вследствие сохранения перебоев

с поставками или роста мировых цен на сырье, если конфликт затянется. При сохранении высокой инфляции возрастет риск встраивания более высоких инфляционных ожиданий в поведение по установлению цен и заработной платы.

Исторические параллели стагфляции и инфляции / Historical parallels of stagflation and inflation

Нынешний быстрый рост цен вызвал опасения по поводу окончания эпохи низкой инфляции. В последние десятилетия ряд дезинфляционных сил (глобализация, технологические достижения, быстрый рост населения) стимулировал глобальное расширение производства. По мере ослабления их действия наряду с потрясениями предложения инфляция может продолжить рост, как и в 1970-е гг., когда адаптивная политика и потрясения предложения вызвали длительную стагфляцию. Аналогии с 1970-ми гг. прослеживаются в том, что, помимо шоков предложения и стабильно высокой краткосрочной инфляции, имеют место перспективы ослабления долгосрочного роста мировой экономики, а развивающиеся страны уязвимы к ужесточению монетарной политики развитых стран, необходимому для сдерживания инфляции.

В связи с этим возникают опасения по поводу стагфляции на основе комбинации инфляции и замедления экономического роста. Точного определения стагфляции нет, однако под этим в самом общем виде принято понимать одновременный комбинированный шок низкого роста и высокой инфляции (либо же рост и вовсе является отрицательным), при этом некоторые авторы указывают, что высокого уровня достигает и безработица [Barsky, Kilian, 2002; Welsch, 2007].

Ситуация со стагфляцией также имеет историческую аналогию, поскольку более жесткая политика по сдерживанию инфляции в начале 1980-х гг. спровоцировала глобальную рецессию в 1982 г. и ряд долговых кризисов в развивающихся странах. Нынешние перебои с поставками и шоками предложения напоминают энергетические кризисы 1970-х гг. с беспрецедентным ростом мировых цен на нефть. Замедление глобального роста в свою очередь еще больше выражено, чем после рецессии 1975 г. Мировая экономика вышла из глобальной рецессии уже в 2020 г., как это было после рецессии 1975 г. Нынешняя рецессия была менее резкой, чем ранее, а прогнозируемое замедление роста намного круче. В 1975 г. глобальная рецессия последовала за беспрецедентным потрясением мирового рынка нефти. Цена на нефть многократно возросла после нефтяного

эмбарго Организации стран-экспортеров нефти в конце 1973 г., и, хотя оно закончилось уже в начале 1974 г., шок предложения, вызванный ростом мировой цены на нефть, обусловил существенный рост инфляции и глубокое сокращение производства.

В 2021–2024 гг. ожидается замедление глобального роста, в два раза большее, чем было в 1976–1979 гг., и оно будет особенно заметным в развитых странах. Структурное ослабление роста в 2020-х гг. по сравнению с 2010-ми гг. также будет напоминать его ослабление во время стагфляции в 1970-е гг. (справочно: в 1960–1970-е гг. глобальный рост замедлился в среднем в на 1,2 %, в 1980-е гг. – еще на 1,1 %) [Kose, Ohnsorge, 2020].

И сейчас, и тогда в преддверии потрясений проводилась крайне адаптивная монетарная политика, тогда как процентные ставки долгое время были отрицательными. Прошлый опыт показал, что поддержка с повышением ставок потребовала в итоге еще большего их увеличения. Ввиду того, что в развитых странах наблюдаются несколько месяцев инфляции выше целевого уровня, может потребоваться еще более жесткая политика (то есть более высокие ставки), чтобы вернуть инфляцию к целевым значениям, что может спровоцировать так называемую «жесткую посадку» в форме стагфляции.

Нынешняя ситуация наводит также на сравнения с переоценкой потенциального роста и недооценкой разрыва производства в 1970-е гг. Тенденция к замедлению потенциального роста также связана с постоянным снижением нейтральной реальной процентной ставки, которое является, как это отмечено в литературе, «международным явлением», то есть обусловлено общими для многих стран событиями, а не национальными факторами [Holston, Laubach, Williams, 2017, p. 71]. Разрыв между фактическими и нейтральными реальными ставками указывает на степень адаптивности монетарной политики. В 2020 г. были более отрицательные реальные процентные ставки (– 3,4 %), чем в 1970-е гг. (около 0 %), и также наблюдался разрыв между нейтральными ставками. Л. Саммерс и Л. Рэйчел отмечают, что, поскольку нейтральная ставка ненаблюдаема, ее трудно оценить, что зависит от многих факторов и они лишь незначительно связаны с трендом роста выпуска [Summers, Rachel, 2019].

Наконец, развивающиеся страны вновь перегружены заимствованиями, что может привести к кризису. В 1970–1980-х гг., как и сегодня, повышенная инфляция, слабое финансовое положение и повышенный долг развивающихся стран сделали их крайне уязвимыми перед ужесточением финансовых условий. В некоторых исследованиях особо указы-

вается, что в 1970-е гг. стагфляция совпала с первой волной накопления глобального долга в современном мире (позже было четыре волны – 1970–1989 гг., 1990–2001 гг., 2002–2009 гг. и после 2010 г.) [Kose et al, 2020]. Низкие глобальные реальные процентные ставки и бурное развитие рынков синдицированного кредитования обусловили стремительный рост долга развивающихся стран Латинской Америки и Африки, причем большей частью этот долг был краткосрочным и номинирован в иностранной валюте.

В конце 1970-х гг., когда Федеральная резервная система Соединенных Штатов Америки (далее – ФРС США) начала резко ужесточать монетарную политику для сдерживания инфляции, мир столкнулся с каскадом долговых кризисов. В 2010-е гг. наблюдалась четвертая (нынешняя) волна глобального роста долга, и это накопление долга стало самым масштабным за последние пять десятилетий. Как скорость накопления, так и величина долга усиливают связанные с этим риски; возросла зависимость от нетрадиционных кредиторов частного сектора. Эти обстоятельства повышают вероятность нового каскада долговых кризисов, как это было в 1980-е гг.

Ускорение инфляции, потрясения фондовых рынков, замедление глобального экономического роста, нестабильность политической ситуации в ряде развивающихся стран-поставщиков сырья, а также сбои в глобальных цепочках создания стоимости (далее – ГЦСС) напоминают стагфляционные тенденции 1970-х гг. В связи с этим часто слышны рекомендации о том, что необходимо ужесточать, делать более агрессивной монетарную политику, что позволит закрепить инфляционные ожидания и избежать издержек периода роста процентных ставок, как это было в 1979–1981 гг., когда совокупное повышение процентных ставок ФРС США составило почти 9 %.

Эти рекомендации с большим акцентом на фискальной политике повторяют ошибки 1980-х гг., которые привели к росту бедности, неравенства и замедлению экономического роста, особенно в развивающихся странах. Основная ошибка – убежденность в том, что монетарная политика исключительно способна обеспечивать продолжительный и стабильный рост стран, не воздействуя на объем валового выпуска в той или иной экономике, как это указывает в своих исследованиях О. Бланшар [Blanchard, 2018]. В действительности переход к более агрессивной и жесткой монетарной политике в начале 1980-х гг. привел к глубоким структурным сдвигам в распределении между странами, поэтому данный подход не всегда может быть правильным.

Исторический опыт указывает на значительный риск продолжительности инфляции, поскольку ее факторы могут сохраниться в перспективе вследствие сбоев на товарных рынках, а также потому, что факторы, долгое время способствовавшие низкой инфляции, постепенно исчезают. В мире наблюдается замедление роста ГЦСС, производительности и научно-технического прогресса. Кроме того, монетарная и фискальная политика может стать менее дисциплинированной. Есть риск сохранения вялой глобальной экономической активности и замедления роста, поскольку многие страны испытывают побочные вторичные эффекты от конфликта. Многие структурные детерминанты экономического роста ослабевают. Так, отмечается снижение производительности труда после глобального кризиса 2008–2009 гг. как следствие ослабления совокупной факторной производительности и инвестиций [Dierpe, 2021]. В результате пандемии сократились инвестиции и разрушились цепочки поставок, что в долгосрочной перспективе окажет понижающее давление на экономический рост.

В 1970-е гг. центральные банки развитых стран резко повысили процентные ставки, что обусловило глобальную рецессию и долговые кризисы развивающихся стран, однако, если стагфляция усилится в современных условиях, развивающиеся страны столкнутся с новыми проблемами ввиду слабо закрепленных инфляционных ожиданий, ослабления фундаментальных детерминант роста и растущей финансовой уязвимости. Это заставляет развивающиеся страны укреплять свои внешние и фискальные резервы, а также основы монетарной политики.

Глобальные перебои с поставками сохраняются, тогда как действие структурных факторов, подавляющих инфляцию в последние десятилетия, проходит. Это вызывает опасения по поводу стагфляции и ущерба от нее для мировой экономики, о чем свидетельствует исторический опыт. Между тем текущие риски стагфляции вызывают все более серьезные споры и дискуссии, в частности опасения, что нынешняя инфляция может стать постоянной после двух десятилетий стабильно низкой инфляции. Можно также провести параллели с историей, указывая на то, что и сегодня, и в 1970-е гг. наблюдались отрицательные реальные процентные ставки, усиливающие риск спирали цен и заработной платы. Следует также учитывать нелинейный характер кривой Филлипса, характеризующей взаимосвязи между инфляцией и безработицей, поэтому при ограниченном росте безработицы текущие ожидания снижения инфляции могут быть слишком оптимистичными.

Кроме того, если продолжать проводить параллели с 1970-ми гг., необходимо указать, что в стимулировании инфляции большую роль играют политически мотивированные расходы. Однако могут иметь место и серьезные отличия от того периода, поскольку характер монетарной политики был иным, а с 1980-х гг. в мире был накоплен серьезный опыт борьбы с инфляцией, который может предотвратить нынешнюю стагфляцию, в пользу чего также свидетельствует стабильность долгосрочных инфляционных ожиданий (по крайней мере так рассуждают Д. Райфеншнайдер и Д. Уилкоккс) [Reifensneider, Wilcox, 2022]. К тому же необходимо остерегаться неправильной интерпретации исторического опыта: сильное ужесточение политики в ответ на потрясения предложения (дабы компенсировать предыдущее чрезмерное ослабление политики) может вызвать рецессию.

Специфика и характер глобальной инфляции в современных условиях / Specifics and nature of global inflation in modern conditions

Вместе с тем между нынешней ситуацией и 1970-ми гг. есть и несколько отличий.

1. Меньшая степень потрясений. Нынешний скачок цен на нефть не сопоставим с 1970–1980-ми гг., когда цена на нефть быстро и многократно увеличилась (сегодня базовая инфляция и уровень безработицы все еще остаются ниже уровня 1970-х гг.).

2. Более надежная монетарная политика. В 1970-х гг. обусловленность инфляции считалась особыми факторами, тогда как постоянству инфляции и степени давления спроса не придавалось значения. К. Каттнер и Т. Робинсон отмечали, что в 1970-е гг. стало очевидно, что взаимосвязь между инфляцией и безработицей нестабильна вследствие изменений инфляционных ожиданий, поэтому конкретный уровень безработицы мог сопровождаться разными результатами инфляции [Kuttner, Robinson, 2010]. В итоге сегодня центральные банки оценивают инфляцию посредством концепции «естественного уровня безработицы». Эта концепция теоретически задает уровень безработицы, при уменьшении которого растет инфляция. Таким образом, центральные банки не считают себя способными навсегда изменить естественный уровень безработицы, а акцентируются на достижении целей инфляции.

Следует также отметить, что почти все центральные банки развивающихся стран ранее стремились поддерживать привязку обменного курса или жестко регулировать его режим для сдерживания инфляции, но у центральных банков зачастую не было таких возможностей [Ilzetki, Reinhart, Rogoff, 2019].

Сегодня центральные банки развитых стран имеют широкие полномочия по обеспечению ценовой стабильности, принимают прозрачные процедуры и настраивают учетную ставку после многих обсуждений в рамках монетарной политики. В связи с этим в последние десятилетия многие страны достигли надежных результатов в борьбе с инфляцией.

Кроме того, ужесточение монетарной политики в 1970–1980-е гг. привело к снижению инфляции в развитых странах в 1974–1986 гг. с 15 до 3 %, однако в США пиковые значения инфляции были выше Германии, Великобритании и других стран Европы, хотя в этих странах ужесточение монетарной политики также сопровождалось рецессиями. Монетарная политика центральных банков Германии и Швейцарии была более дискреционной и прозрачной; она учитывала исторический опыт инфляции. Центральные банки удерживали рост денежной массы, и поэтому инфляция в этих странах была ниже уровня США. Однако в развивающихся странах инфляция оставалась высокой и сопровождалась долговыми кризисами. Некоторые развивающиеся страны могли обслуживать свои долги только в периоды высоких доходов от экспорта сырья, и, если мировые цены на него снижались либо росли процентные ставки (как это было в странах Южной Америки в 1980-е гг.), это существенно осложняло обслуживание долга.

Когда мы говорим о прогрессивности монетарной политики с точки зрения ее связи со сдерживанием инфляции, следует упомянуть, что в последние годы возобновились дискуссии по поводу воздействия монетарной политики США на зарубежные экономики и в основном доказаны значительные последствия этой политики для развивающихся стран. Таким образом, представляются теоретические основы исследования глобального финансового цикла, показывающие, что уменьшение денежной массы в США ведет к ужесточению финансовых условий за рубежом и эти эффекты сильнее в развивающихся, нежели в развитых странах¹. Действие вторичных эффектов происходит преимущественно через финансовые каналы (то есть снижение цен на зарубежные рискованные активы, ужесточение финансовых условий в развивающихся странах или отток капитала из их экономик). Глобальный финансовый цикл оказывает большее влияние на развивающиеся страны, чем на развитые, поскольку

более высокие директивные ставки США непропорционально больше воздействуют на ставки в развивающихся странах.

Есть два канала передачи эффектов шока монетарной политики в развивающиеся страны – торговый и финансовый. Первый действует за счет снижения экспорта из стран Ближнего Востока и Европы вследствие снижения спроса в США. Данный эффект частично компенсируется удешевлением экспорта развивающихся стран по мере укрепления американского доллара. Финансовый канал действует благодаря более низким инвестиционным расходам ввиду роста кредитных спредов и премий за риск. Кроме того, в настоящее время снижение курсов валют развивающихся стран после роста процентной ставки в США ведет к дополнительным убыткам в балансах заемщиков в развивающихся странах, поскольку на их балансе имеется определенный долг, номинированный в долл. США. Поскольку активы заемщиков развивающихся стран номинированы в национальной валюте, ее обесценивание к долл. США (вследствие ужесточения монетарной политики в США) ведет к росту реального бремени долларового долга и собственный капитал заемщиков еще больше уменьшается.

3. Существенное изменение структуры мирового финансового рынка. Во-первых, следует указать на фактор автономности центральных банков, поскольку сегодня в мире намного больше независимых центральных банков, которые могут самостоятельно устанавливать степень «прозрачности» монетарной политики, таргетировать инфляцию и закреплять инфляционные ожидания. Во-вторых, за последние годы многие коммерческие банки также стали ключевыми участниками мирового финансового рынка, и появились многие небанковские финансовые организации, ставшие кредиторами и слабо поддающиеся регулированию. Эти небанковские посредники часто выполняют те же функции, что и регулируемые банки, и эта так называемая «теневая банковская система» проявилась в период глобального кризиса 2008–2009 гг., когда небанковские посредники оказались в центре ипотечного рынка США, а финансовый кризис распространялся по теневым банковским каналам и усугублялся спекуляциями со стороны хедж-фондов, поставив под угрозу коммерческие банки.

Вместе с тем после глобального кризиса теневой банкинг значительно увеличился в масштабах и географии, а доля глобальных финансовых активов в организациях теневой банковской системы возросла в 2008–2019 гг. с 42 до 50 %. Д. Кэллэхер и Ф. Бэзил отметили, что в 2020 г. именно теневыми

¹ Akinci O., Queralto A. How does US monetary policy affect emerging market economies? Режим доступа: <https://libertystreeteconomics.newyorkfed.org/2021/05/how-does-us-monetary-policy-affect-emergingmarket-economies/> (дата обращения: 01.02.2024).

банковскими учреждения выдано свыше 2/3 всех ипотечных кредитов в США². В 2021 г. из совокупного объема в 469 трлн долл. США глобальных финансовых активов 27 трлн долл. США находилось под контролем теневого банков.

Расширение теневого банкинга влечет дополнительные и серьезные риски для мировой финансовой стабильности, и, если в период кризиса 2008–2009 гг. давление теневого структур наблюдалось в США, сегодня крупные развивающиеся страны, например, Китай, столкнулись с такой же проблемой развития теневого банковского сектора, роль которого в экономике за полтора последних десятилетия серьезно возросла, требуя жесткого вмешательства со стороны регуляторов, особенно в крупных развивающихся странах. Рост масштабов теневого банкинга усложняет монетарную политику, а развивающиеся страны все еще во многом зависят от экзогенных факторов (например, долгов, номинированных в долл. США). Развивающиеся страны начали повышение процентных ставок к началу 2022 г., но это не способствовало снижению инфляции, что во многом объясняется продолжающимся влиянием теневого банкинга.

Международные финансовые институты, проводя детальное исследование денежно-кредитной политики за почти 40 лет, установили, что риски глубокой рецессии особенно высоки в условиях чрезмерно накопленной задолженности домохозяйств в периоды, когда процентные ставки были низкими, то есть до ужесточения монетарной политики³. С учетом того, что в начале текущего ужесточения реальные ставки были низкими, фактически нет никаких условий для «мягкой посадки».

4. Более эффективное закрепление инфляционных ожиданий вследствие усовершенствованной монетарной политики, когда базовая инфляция стала намного менее чувствительной к инфляционным «неожиданностям».

5. Большая гибкость экономики, поскольку в 1970-е гг. для экономики была характерна большая структурная жесткость, чем сегодня. Так, в развитых странах в качестве инструмента контроля над инфляцией широко использовалась политика доходов и цен (например, контроль над ценой и заработной

платой был введен в США в 1973 г. в ответ на скачок цен на нефть). Как отмечают А. Абиад, Э. Детрагиаче и Т. Трессель, контроль над кредитом и процентными ставками в 1973 г. существовал во всех развитых и в ряде развивающихся стран [Abiad, Detragiache, Tresse, 2008]. Также за последние десятилетия регулирование рынков товаров, рабочей силы и финансовых рынков ослаблялось, то есть постепенно было либерализовано. Контроль над процентными ставками был отменен в большинстве развивающихся стран, а кредитный контроль – в половине из них [Calice, Diaz Kalan, Masetti, 2020]. Нынешняя большая гибкость экономики с финансовыми репрессиями и менее централизованным управлением позволяет четче и быстрее реагировать на изменения предложения и спроса в отраслях, где цены растут очень быстро, что снижает возможности для закрепления спирали заработной платы и цен. Наконец, энергоёмкость производства снизилась в 1970–2020 гг. примерно на 40 %, что защитило многие страны от ценовой волатильности на рынках сырья [Igan et al, 2022].

6. Изменение фискальной политики, которая раньше была экспансионистской. В ближайшие годы, напротив, такая политика будет ужесточаться вследствие отказа от беспрецедентной фискальной поддержки, сложившейся во время пандемии (реализованные с начала пандемии пакеты фискальной поддержки в среднем составили 6,8 % валового внутреннего продукта)⁴. К 2024 г. большинство стран отменят большую часть этого стимулирования, что может затормозить спрос и смягчить ценовое давление.

Нынешняя инфляция останется высокой в краткосрочной перспективе вследствие продолжающегося воздействия на нее потрясений спроса и предложения, однако в современных условиях инфляционные ожидания могут быть четче закреплены. По мере ужесточения монетарной политики и сворачивания фискальной поддержки давление со стороны спроса снизится, поскольку перебои в поставках, связанные с СВО, учитываются в ценах, которые, хотя и останутся высокими, стабилизируются. Указанные перебои будут устраняться по мере корректировки международного производства и узких мест в ГЦСС. Однако новые шоки предложения могут продолжить рост инфляции. Также следует учесть, что не все центральные банки способны достичь своих целей по инфляции по мере утраты доверия населения. Несмотря на то что за пределами США до сих пор

² Kelleher D., Basil P. The Increasing Dangers of the Unregulated 'Shadow Banking' Financial Sector. Banking Report. Режим доступа: <https://bettermarkets.org/analysis/report-release-the-increasing-dangers-of-the-unregulated-shadow-banking-financial-sector> (дата обращения: 01.02.2024).

³ Bank for International Settlements. Annual Economic Report 2022. Режим доступа: <https://www.bis.org/publ/arpdf/ar2022e.htm> (дата обращения: 01.02.2024).

⁴ World Bank. Global Economic Prospects. Режим доступа: <https://www.worldbank.org/en/publication/global-economic-prospects> (дата обращения: 01.02.2024).

наблюдался в целом умеренный рост заработной платы, рост инфляционных ожиданий может привести к повышению зарплаты и, по мнению экспертов, закрепиться в таком механизме, как автоматическая индексация заработной платы [Boissay et al, 2022].

Следует учитывать риск прекращения действия детерминант дезинфляции, то есть структурных сил, подавлявших инфляцию в последние десятилетия. Среди них, во-первых, стоит отметить демографические изменения, обусловившие рост рабочей силы и сдержавшие рост заработной платы, как отмечали Г. Гудхарт и М. Прадхан [Goodhart, Pradhan, 2020]. Во-вторых, наступила цифровизация, расширившая применение новейших технологий, что, по мнению Д. Автора, Д. Дорна, Д.Г. Хэнсона, привело к снижению спроса на работников, выполняющих рутинные задачи, и к снижению заработной платы и ценового давления [Autor, Dorn, Hanson, 2015]. Более того, согласно А. Гулсби и П. Кленоу, цифровизация услуг обусловила конкуренцию и прозрачность цен, что предопределило снижение инфляции в ряде развитых стран [Goolsbee, Klenow, 2018]. Наконец, экономическая глобализация в последние десятилетия привела к интеграции экономик Китая и стран Восточной Европы в международную торговлю, и это снизило цены на большинство промышленных товаров. Вместе с тем развитие ГЦСС замедлило рост торговли, а рост торгового протекционизма (эмбарго, новых тарифов) может обратить вспять дезинфляционное влияние экономической глобализации.

Несмотря на рассмотренный исторический опыт, необходимо предостерегаться повтора ряда рекомендаций, поскольку в период энергетического кризиса 1970-х гг. цены на энергоносители выросли намного сильнее, чем сегодня, а их роль в экономике была гораздо больше, поэтому влияние энергоносителей на динамику цен не такое серьезное. Ведется неоднозначная дискуссия по поводу того, какие сектора и отрасли все же определяют инфляцию в экономике⁵. В любом случае глобальная инфляция 2022 г. гораздо ниже тех уровней, которые регистрировались четыре десятилетия назад. Однако заработная плата сегодня растет быстрее цен, являясь фактором и катализатором раскручивания инфляционной спирали.

Наконец, еще одно различие заключается в том, что долговая нагрузка стран сегодня намного выше, чем ранее, тогда как по развивающимся странам

этот показатель в 1980 г. составлял лишь 65 % валового внутреннего продукта (при одинаковом соотношении частного и государственного долга), и ужесточение монетарной политики ФРС США в ответ на рост инфляции в стране спровоцировало известный долговой кризис стран третьего мира. В сегодняшней ситуации условия заимствований развивающихся стран на мировых рынках капитала стали более жесткими, и это происходит на фоне высоких уровней задолженности.

Фундаментальные детерминанты инфляции в условиях кризиса / Fundamental determinants of inflation in times of crisis

Замедление глобального экономического роста, усугубляемое растущей инфляцией, и резкая волатильность на рынках — одни из ключевых рисков, подорвавших восстановление мировой экономики после пандемии. Высокие мировые цены на сырье усугубляют перебои в поставках и актуализируют проблемы глобальной бедности и продовольственной безопасности — все это ведет к ужесточению финансовых условий, росту финансовой уязвимости и усилению неопределенности в экономической политике. Риски усиления геополитической напряженности, стагфляции, финансовой нестабильности лишь омрачают нынешнюю картину развития все более фрагментирующейся мировой экономики. Геополитические проблемы по-разному сказываются на развивающихся странах, воздействуя на объемы производства, мировую торговлю, цены, процентные ставки и инфляцию. Однако замедление роста по мере продолжения конфликта на Украине становится все более инклюзивным, охватывая, помимо Европы, и другие регионы, например, Африку и Центральную Азию.

Вследствие восстановления мирового спроса после пандемии, резкого нынешнего роста мировых цен на продовольствие и энергоносители, а также проблем с поставками глобальная инфляция резко выросла. Пик инфляции уже пройден, и она снижается, но останется на высоком уровне после нейтрализации шоков и ужесточения монетарной политики. Глобальный рост имеет обратный вектор, и до 2030 г. его средние темпы останутся ниже аналогичных значений 2010-х гг. В данном контексте возрастает риск стагфляции. Исторически в развитых странах борьба с инфляцией посредством жесткой монетарной политики привела к кризисам в ряде развивающихся стран и глобальной рецессии. В случае усиления нынешнего стагфляционного давления развивающиеся страны вновь могут испытать проблемы вследствие слабо закрепленных инфляционных

⁵ Bank for International Settlements. Annual Report 2021/22: Promoting Global Monetary and Financial Stability. Режим доступа: <https://www.bis.org/about/areport/areport2022.htm> (дата обращения: 01.02.2024).

ожиданий, ослабления фундаментальных факторов роста и повышенной финансовой уязвимости. В этих условиях развивающиеся страны стремятся укрепить свои внешние и фискальные резервы, проводить реформы для активизации экономического роста и укреплять свою монетарную политику.

На фундаментальном уровне всплеск цен в условиях кризисных явлений последних лет обусловливается наличием шоков со стороны предложения и спроса, а также изменениями заработной платы.

Если рассматривать шоки предложения, то внезапная остановка мировой экономики после пандемии, а затем постепенное ее открытие серьезно нарушило мировые цены, однако первая часть пандемического шока имела дефляционный характер, когда комбинированно снижались и спрос, и предложение. Позднее спрос восстановился, но продолжающиеся сложности в глобальных цепочках поставок привели к неустойчивой динамике цен, в том числе на сырье.

В первом квартале 2022 г. в целом наблюдался рост цен вследствие постпандемического интенсивного бума спроса, снижения процентных ставок, спровоцировавшего спекулятивные настроения на рынках, и СВО, что обусловило рост мировых цен на сырье. Жесткая денежно-кредитная политика ограничила инфляцию, однако в настоящее время ее перспективная динамика зависит от завершения текущих геополитических конфликтов, а ценовая динамика все же является повышательной. Рост мировых цен на продовольствие делает наименее развитые страны наиболее уязвимыми. В 2022 г. бедными стали до 95 млн чел., однако, по некоторым подсчетам, рост мировых цен на энергоносители довел до крайней нищеты около 260 млн чел.^{6,7} Такая динамика существенно замедляет потребление развивающихся стран. В итоге стагфляция и рецессия могут спровоцировать социальные беспорядки в развивающихся странах, применяющих валютные ограничения и являющихся нетто-импортерами продовольственных товаров.

Шоки спроса также оказывали значимое влияние. В частности, после пандемии в крупнейшей экономике — США — возникли некоторые опасения, связанные с этими шоками. В первую очередь они были обусловлены изначальным дефляционным

влиянием пандемии и ростом среднего дохода (ввиду безработицы среди беднейших слоев населения), что привело к росту реальной заработной платы. Позднее, в 2021–2022 гг., по мере восстановления экономики и роста цен, наблюдалось падение заработной платы, и покупательная способность снизилась по сравнению с допандемическим уровнем. Также следует указать на возврат экономики США к полной занятости, когда к середине 2022 г. был достигнут рекордный уровень безработицы в размере 3,6 % (принято считать, что, если показатель безработицы составляет менее 4 %, это усиливает риск инфляционного давления). В США наблюдался резкий рост потребительского спроса, а также спроса на инвестиции в жилье, но спрос на услуги еще не достиг допандемического уровня.

Что касается развивающихся стран, то в некоторых из них после пандемии низкие поступления налогов и высокие социальные расходы способствовали росту дефицита бюджета. Разные формы денежных переводов были самой большой категорией фискальных послаблений. Несмотря на то что эти послабления отличались в разных странах, это не привело к разнице по уровням инфляции (аналогично не наблюдалось взаимосвязи между уровнем инфляции и государственным долгом)⁸.

Стоит принимать во внимание и такой фактор, как динамика заработной платы. Даже если высокая инфляция обусловлена предложением, необходимо увеличение процентных ставок, чтобы предотвратить раскручивание инфляционной спирали, однако жесткая монетарная политика в США способна фактически привести к росту цен на сырье. Обычно для анализа последствий жесткой монетарной политики используют показатель удельных затрат на рабочую силу (далее — ULC) — при их росте монетарная политика еще больше ужесточится, создавая риски рецессии. Отметим, что в период кризисов почти всегда появляются новые факторы инфляции. Фирмы, устанавливая более высокую норму прибыли, провоцируют рост инфляции, и в данном случае денежные ограничения являются особенно несправедливым и неэффективным инструментом.

Кризис в период пандемии снизил производительность компаний, что привело к росту ULC, тогда как заработная плата была относительно постоянна. По мере восстановления экономики ULC во всех развитых странах уменьшались, а производительность

⁶ Mahler D., Yonzan N et al. Pandemic, prices, and poverty. Режим доступа: <https://blogs.worldbank.org/opendata/pandemic-prices-and-poverty> (дата обращения: 01.02.2024).

⁷ Oxfam International. First crisis, then catastrophe. Режим доступа: <https://www.oxfam.org/en/research/first-crisis-then-catastrophe> (дата обращения: 01.02.2024).

⁸ UNCTAD. Trade and Development Report 2022: Development prospects in a fractured world: Global disorder and regional responses. Режим доступа: <https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789210021623> (дата обращения: 01.02.2024).

труда росла, затем стали проявляться различия в отдельных странах. В США наблюдался опережающий рост номинальной заработной платы по отношению к производительности труда, и это обусловило существенный рост ULC, даже несмотря на то что реальная заработная плата снизилась. В странах Европейского союза и Японии, напротив, ежегодный темп роста ULC на начало 2022 г. соответствовал инфляции, а в Великобритании снижался.

Однако изменения ULC автоматически не означают колебания цен, а их воздействие зависит от того, решают ли компании установить надбавку к издержкам производства. Теоретически цены могут расти по мере снижения ULC, если фирмы увеличивают валовую прибыль быстрее динамики снижения ULC. Если рассмотреть совокупную маржу наценки (измеряемую как отношение прибыли к стоимости валовой продукции, включая промежуточное потребление), случай США демонстрирует снижение этого показателя в начале 2020 г. и его быстрое восстановление в 2021 г. Если до пандемии отношение прибыли корпораций к валовому внутреннему продукту составляло 6,25 %, то к середине 2022 г. оно достигло 7 %. В 2020–2022 гг., по оценке Дж. Бивенса, более 50 % роста цен в США было обусловлено увеличением прибыльности (в предыдущие 40 лет – лишь 11 %) [Konczal, Lusiani, 2022]⁹.

Продолжающиеся риски инфляции в развивающихся странах актуализируют несколько важных для этой группы стран проблем политики, в том числе слабая привязка инфляционных ожиданий по сравнению с развитыми странами, что подтверждается результатами исследований [Gürkaynak, Levin, Swanson, 2010; Beechey, Johannsen, Levin, 2011]. Таким образом, сохраняется риск того, что рост мировых цен на продовольствие и энергоносители или перебои с поставками будут вести к росту долгосрочных инфляционных ожиданий в развивающихся странах. Чтобы сдержать эти ожидания, развивающимся странам придется корректно ужесточать монетарную политику, чтобы не замедлить в условиях кризиса возвращение стран к полной занятости. При этом следует учитывать, что за последние десятилетия инфляция стала более глобально синхронизированной и ее природа изменилась, поэтому простого ужесточения монетарной политики в данном случае будет недостаточно. Кроме того, возросла финансовая уязвимость развивающихся

стран вследствие быстрого ужесточения политики, которое будет понижательно влиять на цены активов и обуславливать отток капитала и девальвацию валют.

В целом нынешняя глобальная инфляция есть результат комбинации ряда факторов – сохранения неопределенности после пандемии и в результате начала СВО (это ведет к более высоким наценкам), удорожания перевозок и возросших сбоев в ГЦСС. В данном контексте у центральных банков нет возможностей снизить инфляцию до уровней, приемлемых обществом. Дефицит рабочей силы и сбои ГЦСС требуют пересмотра промышленной политики, которая способствовала бы росту предложения основных товаров в ближайшие годы. Мы согласны с позицией К. Галлахера и Р. Козул-Райта, утверждавших, что также необходима координация политики стран на глобальном уровне, чтобы страны смогли управлять этими изменениями [Gallagher, Kozul-Wright, 2022].

Заключение / Conclusion

Отличие нынешней ситуации с глобальной инфляцией от ее исторических всплесков заключается в росте доверия к центральным банкам за последние десятилетия, что способствовало закреплению инфляционных ожиданий. Бюджетная консолидация во многих странах также будет способствовать дезинфляции. Кроме того, несколько десятилетий назад процентные ставки, цены и заработная плата жестко контролировались, однако со временем экономика становилась более гибкой, снижая вероятность спирали цен и заработной платы, усугубляющей инфляцию.

Настоящее исследование показало, что фундаментальными детерминантами инфляции в условиях кризиса стали неопределенность и чрезмерная волатильность мировых цен на сырье, усиление финансовой уязвимости многих стран вследствие ужесточения глобальных финансовых условий, сложная геополитическая ситуация (многогранно воздействующая на цены через торговлю, цены и процентные ставки) и высокая скорость трансляции инфляционных шоков между отдельными странами. В то же время в условиях изменения масштабов и структуры мирового финансового рынка мы отмечаем такие новые факторы глобальной инфляции, как снижение управляемости мирового финансового рынка за счет увеличения числа субъектов на нем (в частности, небанковских финансовых посредников), расширение теневого банка, усложняющего традиционную монетарную политику, чрезмерную перегруженность многих стран мира внешними заимствованиями.

⁹ Bivens J. Corporate profits have contributed disproportionately to inflation. How should policymakers respond? Режим доступа: <https://www.epi.org/blog/corporate-profits-have-contributed-disproportionately-to-inflation-how-should-policymakers-respond/> (дата обращения: 01.02.2024).

В перспективе директивные органы могут в целях обуздания инфляции рассмотреть стратегический контроль цен, механизмы сокращения спекуляций на основных рынках, продолжение адресной поддержки уязвимых групп населения и снижение бремени долга. Вместе с тем дальнейшее ужесточение монетарной политики в развитых странах усиливает потенциал глобального спада, который нанесет ущерб экономическому развитию развивающихся стран.

Ключевой урок, который можно извлечь из исторического опыта, заключается в необходимости упреждающего действия со стороны центральных банков, чтобы не потерять уверенность в своих обязательствах по поддержанию низкой инфляции и не допустить ослабления инфляционных ожиданий. Фискальная политика также играет свою роль, поскольку, если она будет неустойчива, не будет доверия и монетарной политике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Abiad A., Detragiache E., Tresselt T.* A New Database of Financial Reforms. IMF Staff Papers; 2008. 28 p.
- Autor D.H., Dorn D., Hanson G.H.* Untangling Trade and Technology: Evidence from Local Labour Markets. *Economic Journal*. 2015;125(584):621–646. <https://doi.org/10.1111/eoj.12245>
- Barsky R.B., Kilian L.* Do We Really Know that Oil Caused the Great Stagflation? A Monetary Alternative. *NBER Macroeconomics Annual*. 2002;16:137–197.
- Beechey M.J., Johannsen B.K., Levin A.T.* Are Long-Run Inflation. *American Economic Journal: Macroeconomics*. 2011;2(3):104–129. <https://doi.org/10.1257/mac.3.2.104>
- Blanchard O.J.* Should we reject the natural rate hypothesis? *Journal of Economic Perspectives*. 2018;1(32):97–120. <https://doi.org/10.1257/jep.32.1.97>
- Boissay F. et al. Are Major Advanced Economies on the Verge of a Wage-Price Spiral? *BIS Bulletin*. 2022;53.
- Calice P., Diaz Kalan F., Masetti O.* Interest Rate Repression: A New Database. Washington, DC, USA: World Bank; 2020. 23 p.
- Dieppe A.* (ed.). *Global Productivity: Trends, Drivers, and Policies*. Washington, DC, USA: World Bank; 2021. 435 p.
- Gallagher K., Kozul-Wright R.* The Case for a New Bretton Woods. Cambridge: Polity Press; 2022. 140 p.
- Goodhart G., Pradhan M.* The Great Demographic Reversal: Ageing Societies, Waning Inequality, and an Inflation Revival. London: Palgrave Macmillan; 2020. 280 p.
- Goolsbee A.D., Klenow P.J.* Internet Rising, Prices Falling: Measuring Inflation in a World of E-Commerce. *AEA Papers and Proceedings*. 2018;108:488–492. <https://doi.org/10.1257/pandp.20181038>
- Gürkaynak R.S., Levin A., Swanson E.* Does Inflation Targeting Anchor Long-Run Inflation Expectations? Evidence from the US, UK, and Sweden. *Journal of the European Economic Association*. 2010;6(8):1208–1242. <https://doi.org/10.1111/j.1542-4774.2010.tb00553.x>
- Ha J., Ivanova A., Ohnsorge F., Unsal F.D.* Inflation: Concepts, Evolution, and Correlates. Washington, DC, USA: World Bank; 2019. 78 p.
- Holston K., Laubach T., Williams J.C.* Measuring the Natural Rate of Interest: International Trends and Determinants. *Journal of International Economics*. 2017;108:59–75. <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2017.01.004>
- Igan D., Kohlscheen E., Nodari G., Rees D.* Commodity Market Disruptions, Growth and Inflation? *BIS Bulletin*. 2022;54.
- Ilzetzki E., Reinhart C., Rogoff K.S.* Exchange Arrangements Entering the 21st Century: Which Anchor Will Hold? *Quarterly Journal of Economics*. 2019;2(134):599–646. <https://doi.org/10.1093/qje/qjy033>
- Konczal M., Lusiani N.* Prices, profits, and power: An analysis of 2021 firm-level markups. *Roosevelt Institute Research Brief*. 2022;6.
- Kose M.A., Nagle P., Ohnsorge F., Sugawara N.* Global Waves of Debt: Causes and Consequences. Washington, DC, USA: World Bank; 2020. 283 p.
- Kose M.A., Ohnsorge F.* A Decade after the Global Recession: Lessons and Challenges for Emerging Market and Developing Economies. Washington, DC, USA: World Bank; 2020. 411 p.
- Kuttner K., Robinson T.* Understanding the Flattening Phillips Curve. *The North American Journal of Economics and Finance*. 2010;2(21):110–125. <http://dx.doi.org/10.1016/j.najef.2008.10.003>
- Reifensneider D., Wilcox D.* The Case for a Cautiously Optimistic Outlook for U.S. Inflation. Washington, DC, USA: Peterson Institute for International Economics; 2022. 20 p.
- Summers L.H., Rachel L.* On Falling Neutral Real Rates, Fiscal Policy and the Risk of Secular Stagnation. *Brookings Papers on Economic Activity (BPEA) Conference Drafts*, March 7–8, 2019. 66 p.
- Welsch H.* Macroeconomics and Life Satisfaction: Revisiting the “Misery Index”. *Journal of Applied Economics*. 2007;2(10):237–251. <https://doi.org/10.1080/15140326.2007.12040489>

УДК 338.436, 631.151
Получено: 27.02.2024

JEL Q16, L2
Статья доработана после рецензирования: 24.04.2024

DOI: <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2024-12-2-51-61>
Принято: 06.05.2024

Кластерный подход к развитию масложирового подкомплекса региона

Сучкова Наталья Решатовна

Канд. экон. наук, ст. науч. сотр.

ORCID: 0000-0001-5255-808X, e-mail: suchkova.natalja@rambler.ru

Поволжский научно-исследовательский институт экономики и организации агропромышленного комплекса – обособленное структурное подразделение Саратовского научного центра Российской академии наук, 410010, Шехурдина ул., 12, г. Саратов, Россия

Аннотация

Статья направлена на изучение развития масложирового подкомплекса региона в части применения кластерного подхода, основанного на согласовании экономических интересов производителей семян подсолнечника, перерабатывающих и сбытовых организаций при условии соответствующей государственной поддержки, а также методического, организационного и информационного сопровождения соответствующими структурами. На основе анализа производственно-экономических показателей выявлено, что в Саратовской области производство подсолнечника является достаточно эффективным, однако отсутствие взаимосвязи между субъектами масложирового подкомплекса приводит к неравномерности объемов производства и сильно варьирующему показателю рентабельности в разрезе муниципальных районов области, образованию упущенной выгоды на всех стадиях движения продукции. Автором разработана схема территориального размещения субъектов регионального масложирового кластера, представленных районами производственного ядра кластера (с объемами производства подсолнечника выше среднеобластного уровня), производственными связующими районами (с объемами производства подсолнечника ниже среднего по области уровня), а также районами с развитой инфраструктурой (с наличием объектов переработки и хранения продукции, транспортных узлов), позволяющими наладить эффективную логистическую систему при взаимовыгодном сотрудничестве. На примере производителей семян подсолнечника Саратовской области показана эффективность кластеризации, заключающаяся в снижении себестоимости продукции в результате сокращения транзакционных издержек и росте выручки от реализации вследствие повышения закупочной цены на подсолнечник. Результаты работы могут быть использованы при разработке программ и предложений по укреплению интеграционных связей между субъектами агропромышленного комплекса.

Ключевые слова: региональный кластер, масложировой подкомплекс, сельскохозяйственное предприятие, логистика, переработка, схема территориального размещения, кластеризация, инфраструктура

Для цитирования: Сучкова Н.Р. Кластерный подход к развитию масложирового подкомплекса региона // Управление. 2024. Т. 12. № 2. С. 51–61. DOI: [10.26425/2309-3633-2024-12-2-51-61](https://doi.org/10.26425/2309-3633-2024-12-2-51-61)

© Сучкова Н.Р., 2024.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная
<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Received: 27.02.2024

Revised: 24.04.2024

Accepted: 06.05.2024

Cluster approach to regional oil and fat subcomplex development

Natalia R. Suchkova

Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher

ORCID: 0000-0001-5255-808X, e-mail: suchkova.natalja@rambler.ru

Volga Research Institute of Economics and Organization of Agroindustrial Complex – separate structural subdivision of the Saratov Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 12, Shekhurdina ul., Saratov 410010, Russia

Abstract

The article studies regional oil and fat subcomplex development in terms of the cluster approach application based on coordinating economic interests of sunflower seed producers, processing and marketing organizations under the condition of appropriate government support, as well as methodological, organizational, and information support by the relevant structures. On the basis of the production and economic indicators analysis it has been revealed that in the Saratov region sunflower production is quite effective, but the lack of interconnection between the oil and fat subcomplex subjects leads to uneven production volumes and highly varying profitability in the context of municipal districts of the region and lost profits formation at all stages of product movement. The author has developed a scheme of the regional oil and fat cluster subjects territorial location, represented by the areas of the cluster production core (with sunflower production volumes above the average regional level), production linking areas (with sunflower production volumes below the average regional level), as well as areas with developed infrastructure (with the presence of processing and storage facilities, and transportation hubs), allowing to establish an effective logistics system with mutually beneficial cooperation between regions. On the example of sunflower seed producers in the Saratov region clustering efficiency has been shown, which consists in production costs reduction as a result of transaction costs reduction and sales revenue growth due to the increase in the sunflower purchase price. The study results can be used in programs and proposals development to strengthen integration ties between the agro-industrial complex subjects.

Keywords: regional cluster, oil and fat subcomplex, agricultural enterprise, logistics, processing, territorial distribution scheme, clustering, infrastructure

For citation: Suchkova N.R. (2024). Cluster approach to regional oil and fat subcomplex development. *Upravlenie / Management (Russia)*, 12 (2), pp. 51–61. DOI: 10.26425/2309-3633-2024-12-2-51-61

Введение / Introduction

Кластеризация на современном этапе развития успешно применяется во многих ведущих отраслях агропромышленного комплекса. В сложившихся экономических условиях аграрные кластеры представляют вертикально и горизонтально интегрированные образования, состоящие из юридически независимых субъектов производства и инфраструктуры, связанных общей территориальной близостью и функциональной зависимостью, обеспечивающих полную технологическую цепочку создания и реализации готовой сельскохозяйственной продукции.

Кластерный подход к развитию масложирового подкомплекса предполагает согласование экономических интересов производителей семян подсолнечника, перерабатывающих и сбытовых организаций при условии соответствующей государственной поддержки, а также методического, организационного, экспертно-аналитического и информационного сопровождения развития кластера соответствующими структурами. В условиях функционирования кластера сельскохозяйственные товаропроизводители заинтересованы в максимизации объемов производства и, соответственно, реализации семян подсолнечника по более высоким ценам, при этом перерабатывающие предприятия могут рассчитывать на бесперебойную обеспеченность сырьем высокого качества, что во многом определяется отлаженным механизмом работы субъектов внутри кластера.

Совершенствование организационно-управленческих инструментов трансформации масложирового подкомплекса, в том числе посредством формирования кластера, отражено в трудах А.А. Мирошниченко.

Исследованию эффективности кластеров в масложировом подкомплексе посвящены труды К.М. Кривошлыкова. Автором разработан методический подход к комплексной оценке функционирования масложирового регионального кластера, также изучена инновационно-инвестиционная составляющая кластера.

Приоритетами развития кластера являются:

- организационное развитие кластера, усиление кооперационных и интеграционных связей между его участниками;
- улучшение производственного потенциала и расширение рыночной доли производимой участниками кластера продукции;
- развитие связей с органами государственной власти и органами местного самоуправления, а также заинтересованными организациями (учреждения образования и науки, кредитные организации, государственные компании и компании с государственным участием, институты развития).

При этом к доминирующим ингибиторам процесса агропромышленной кластеризации современные авторы относят следующее: методические недоработки, нерациональная бифуркация полномочий на государственном и частном уровнях, несовершенство нормативно-правовой базы, отсутствие единых механизмов кластерного построения и модели функционирования кластеров на региональном уровне [Сердобинцев, Алешина, Новиков, 2021].

Следует отметить, что эффективное функционирование кластеров во многом зависит от грамотной разработки необходимой документации с учетом существующей нормативно-правовой базы и особенностей развития отдельно взятого региона. основополагающие документы кластера должны учитывать федеральные и региональные правовые акты в области долгосрочного социально-экономического, промышленного, научного и инновационного развития, в области кластерной политики, а также международные и межрегиональные соглашения о кооперации в сфере промышленного, научно-технического и инновационного развития.

Каждый документ развития кластера соответствует определенным направлениям, отражает конкретные аспекты развития кластера – это стратегии и программы развития, уставы, региональные программы поддержки, соглашения, календарные планы-графики, организационные схемы, положения, функциональные карты, регламенты. Для каждого документа рекомендована примерная базовая структура в целях исключения возможного дублирования информации, необоснованных затрат, а также ошибок при подаче документации в соответствующие органы.

Одним из важнейших документов стратегического развития кластера является схема территориального размещения, разрабатываемая как составная часть функциональной карты. Схема территориального размещения в общем виде – это схема расположения участников кластера, инфраструктурного потенциала, учреждений сферы образования и науки, других участников кластера.

Методы исследования / Research methods

Теоретическую и информационную базу исследования составили работы отечественных и зарубежных ученых, интернет-ресурсы и другие источники. Использована совокупность общенаучных (системный и процессный подходы, структурный, анализ, обобщение, сравнение) и междисциплинарных (функциональный подход, статистический, нормативный и др.) методов исследования.

Результаты исследования / Research results

В настоящее время масложировой подкомплекс Саратовской области является одним из самых крупных и значимых подкомплексов региона, продукция масложировой промышленности при этом выступает незаменимым компонентом для выработки широкого ассортимента пищевых продуктов. Природно-климатические и социально-экономические условия региона, наличие инфраструктуры и соответствующих научных и финансовых организаций свидетельствуют о возможности создания на территории региона масложирового кластера.

В Саратовской области подсолнечник является традиционной для возделывания сельскохозяйственной культурой. В каждом муниципальном районе осуществляется производство семян подсолнечника, при этом в целом по области посевные площади данной культуры за последние пять лет увеличились на 29,3 % – с 1 220,3 тыс. га в 2018 г. до 1 577,5 тыс. га в 2022 г. (табл. 1).

Валовой сбор подсолнечника в Саратовской области составил в 2022 г. 2 216,8 тыс. т, увеличение за пятилетний период равно 40,9 %, или 643,3 тыс. т. Производство подсолнечника преимущественно сосредоточено в сельскохозяйственных организациях – 51,5 % от общего объема в среднем за период 2018–2022 гг., удельный вес крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей составил 48,3 %.

На сегодняшний день производство подсолнечника в области является достаточно эффективным (табл. 2).

В табл. 2 приведено ранжирование муниципальных районов Саратовской области по объему произведенной продукции и представлены основные производственные показатели, а также показатели эффективности. Данные свидетельствуют о неравномерности объемов производства по районам области, а также сильно варьирующемся показателе рентабельности деятельности – от 5,4 % в Лысогорском районе до 200,1 % в Калининском.

Таблица 1

Основные показатели производства подсолнечника в Саратовской области за 2018–2022 гг.

Table 1. Main indicators of sunflower production in the Saratov region for 2018–2022

Показатели	Годы					Отклонение 2022 г. от 2018 г.	
	2018	2019	2020	2021	2022	(+; –)	%
Посевные площади, тыс. га							
Хозяйства всех категорий	1 220,3	1 317,3	1 440,5	1 535,4	1 577,5	357,2	29,3
СХО	652,3	682,5	742,2	770,4	823,3	171,0	26,2
КФХ и ИП	561,8	628,7	694,0	760,7	751,8	190,0	33,8
Хозяйства населения	6,2	6,2	4,2	4,4	2,4	– 3,8	– 61,3
Валовой сбор, тыс. т							
Хозяйства всех категорий	1 573,5	2 027,3	1 749,0	1 797,5	2 216,8	643,3	40,9
СХО	820,7	1 063,0	885,6	878,9	1 169,9	349,2	42,5
КФХ и ИП	747,2	956,1	859,8	914,4	1 043,5	296,3	39,7
Хозяйства населения	5,5	8,1	3,6	4,2	3,4	– 2,1	– 38,2

Примечание: СХО – сельскохозяйственные организации, ИП – индивидуальные предприниматели, КФХ – крестьянское (фермерское) хозяйство

Источник¹/ Source¹

Таблица 2

Показатели эффективности производства подсолнечника в разрезе муниципальных районов Саратовской области за 2021 г.

Table 2. Efficiency indicators of sunflower production by municipal districts of the Saratov region for 2021

Муниципальный район	Валовой сбор после доработки и сушки, ц	Урожайность, ц/га	Прибыль от реализации, тыс. руб.	Уровень рентабельности деятельности, %
Марковский	694 039	11,7	1 263 002	176,3
Калининский	626 793	16,0	1 555 469	200,1
Пугачевский	607 805	11,5	783 256	57,2

¹ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области. Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство. Режим доступа: <https://64.rosstat.gov.ru/selhoz> (дата обращения: 22.02.2024).

² Там же.

Окончание табл. 2

Муниципальный район	Валовой сбор после доработки и сушки, ц	Урожайность, ц/га	Прибыль от реализации, тыс. руб.	Уровень рентабельности деятельности, %
Перелюбский	587 383	8,9	804 637	76,2
Ивантеевский	496 920	11,0	385 775	38,8
Аркадакский	462 706	17,9	482 867	86,4
Балашовский	412 020	17,2	650 129	144,7
Аткарский	381 745	10,8	77 391	83,5
Самойловский	285 430	17,8	369 531	156,5
Петровский	284 152	14,3	324 689	76,0
Татищевский	281 981	15,5	323 798	182,4
Турковский	276 569	21,1	434 928	157,3
Екатериновский	271 712	14,3	592 073	155,9
Ершовский	253 792	6,3	317 824	121,6
Новобурасский	244 143	14,5	491 295	188,3
Базарно-Карабулакский	242 643	15,5	406 317	104,6
Советский	215 955	11,2	413 961	168,4
Озинский	201 467	6,4	74 054	53,8
Дергачевский	192 094	5,2	116 513	108,9
Вольский	173 056	11,7	250 544	98,1
Красноармейский	165 554	10,3	168 597	77,1
Энгельский	158 350	11,7	584 917	160,3
Краснопартизанский	138 017	5,2	90 415	85,5
Балаковский	137 829	12,5	226 763	35,9
Романовский	131 662	19,7	206 449	170,2
Федоровский	131 032	7,9	56 759	70,2
Саратовский	121 412	10,8	143 326	155,7
Ровенский	119 700	8,2	149 804	142,2
Краснокутский	106 067	7,2	86 381	34,8
Ртищевский	105 553	18,8	519 337	126,7
Балтайский	89 560	14,0	95 367	98,4
Лысогорский	53 657	7,8	1 177	5,4
Воскресенский	46 856	6,9	29 856	48,9
Хвалынский	42 350	5,9	37 231	70,2
Духовницкий	20 189	10,0	62 530	58,6
Саратов	15 606	11,2	237 525	161,9
Питерский	8 704	5,8	– 3 690	– 25,4
Новоузенский	4 765	6,5	10 127	185,8
Всего по области	8 789 268	11,6	12 820 924	106,4

Источник² / Source²

Это связано с тем, что в области отсутствует взаимосвязь между производством, переработкой и логистической составляющей. Территориальная разрозненность приводит к несогласованности интересов и образованию упущенной выгоды на всех стадиях движения продукции.

Основным направлением повышения эффективности производства подсолнечника выступает включение производителей и переработчиков семян подсолнечника в региональный кластер, участниками которого также будут являться объекты инфраструктуры, научные и финансовые институты,

государственные структуры. К составным частям регионального кластера относятся непосредственно тело кластера (производители, переработчики продукции, логистические предприятия) и сателлиты – это участники кластера, обслуживающие и координирующие субъектов тела кластера (кредитные, финансовые, страховые организации, научные, государственные учреждения и др.).

Основой формирования кластерного объединения предприятий – производителей подсолнечника – является ранжирование муниципальных районов области по уровню производства, в результате чего

выявляются группы лидеров, а также организации с показателями ниже среднего уровня производства, ориентированные на максимальную коммерциализацию готовой продукции [Мирошниченко, 2017]. В результате проведенных исследований выделены следующие группы районов: производственное ядро кластера, производственные связующие районы, районы с развитой инфраструктурой (транспортные узлы, хранение и переработка продукции) (табл. 3).

³ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области. Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство. Режим доступа: <https://64.rosstat.gov.ru/selhoz> (дата обращения: 22.02.2024).

Производственное ядро кластера включает районы, которые стабильно обеспечивают большие объемы производства подсолнечника. Производственное ядро кластера представлено 16 муниципальными районами области, 11 из которых расположены в Правобережье области.

За счет продукции производственных связующих районов происходит увеличение контрактно-сбытовых сделок, что является одним из факторов оптимизации реализационного процесса в рамках договоренности внутри кластера. К связующим районам с валовым сбором ниже среднего по области уровня (231,297 тыс. ц) относится 21 муниципальный район Саратовской области, а также Саратов.

Таблица 3

Группировка муниципальных районов Саратовской области – участников регионального кластера
Table 3. Grouping of municipal districts of the Saratov region – participants in the regional cluster

Составные части	Муниципальный район	Валовой сбор после доработки и сушки, ц	Удельный вес, %	Наличие переработки	Наличие логистики
	Всего по области	8 789 268	1,000	–	–
ЯДРО КЛАСТЕРА	Марковский	694 039	0,079	+	+
	Калининский	626 793	0,071	+	+
	Пугачевский	607 805	0,069	+	+
	Перелюбский	587 383	0,067	+	+
	Ивантеевский	496 920	0,057	–	–
	Аркадакский	462 706	0,053	+	+
	Балашовский	412 020	0,047	+	–
	Аткарский	381 745	0,043	+	+
	Самойловский	285 430	0,032	+	+
	Петровский	284 152	0,032	+	–
	Татищевский	281 981	0,032	–	+
	Турковский	276 569	0,031	–	–
	Екатериновский	271 712	0,031	–	+
	Ершовский	253 792	0,029	–	–
	Новобураский	244 143	0,028	+	+
	Базарно-Карабулакский	242 643	0,028	+	–
Всего ядро кластера:	6 409 833	0,729	–	–	
СВЯЗУЮЩИЕ РАЙОНЫ	Советский	215 955	0,025	+	–
	Озинский	201 467	0,023	–	–
	Дергачевский	192 094	0,022	+	–
	Вольский	173 056	0,020	+	–
	Красноармейский	165 554	0,019	–	–
	Энгельский	158 350	0,018	+	+
	Краснопартизанский	138 017	0,016	–	–
	Балаковский	137 829	0,016	+	+
	Романовский	131 662	0,015	–	–
	Федоровский	131 032	0,015	+	+
	Саратовский	121 412	0,014	–	–
	Ровенский	119 700	0,014	–	+
	Краснокутский	106 067	0,012	–	+
	Ртищевский	105 553	0,012	+	+
	Балтайский	89 560	0,010	+	–
	Лысогорский	53 657	0,006	–	+
	Воскресенский	46 856	0,005	–	+
	Хвалынский	42 350	0,005	+	+
	Духовницкий	20 189	0,002	+	+
	Саратов	15 606	0,002	+	+
Питерский	8 704	0,001	+	+	
Новоузенский	4 765	0,001	–	–	
Всего связующие районы	2 379 436	0,270	–	–	

Источник³ / Source³

Районы с развитой инфраструктурой характеризуются наличием объектов переработки и хранения продукции (элеваторные и складские помещения, мощности для первичной обработки посевного материала (просушка, подработка), а также логистики (возможность отгрузки продукции автомобильным, железнодорожным, речным транспортом). Районы с развитой инфраструктурой в совокупности с производственными районами в условиях реализации основных направлений кластерной политики составляют целостную производственно-логистическую систему, способную эффективно функционировать, охватывая новые сегменты рынка сбыта продукции.

В настоящее время в Саратовской области функционирует ряд агрофирм и агрохолдингов, которые будут являться ключевыми, устойчивыми субъектами инфраструктуры регионального кластера. К ним, в частности, можно отнести компанию общество с ограниченной ответственностью (далее – ООО) «Астарт Агротрейдинг», которая объединяет пять элеваторов области, ООО «Агрофирма Рубеж» Пугачевского района, ООО «Товарное хозяйство» Марксовского района и др. ООО «Товарное хозяйство» – это вертикально интегрированная структура полного цикла. В нее входят предприятия, занимающиеся выращиванием подсолнечника, его кондиционированием, хранением, а также производством, расфасовкой и реализацией подсолнечного масла. Подсолнечник, идущий в переработку, выращивается на собственных полях, а недостающий закупается на территории Саратовской области.

Крупнейшим производителем в масложировом подкомплексе области является Группа компаний «Русагро», включающая следующие предприятия масложирового направления:

- ООО «Русагро-Саратов» – мощность комбината составляет 450 тыс. т промышленных жиров в год, 41 тыс. т майонеза в год, в ассортименте более 200 наименований продукции;
- ООО «Русагро-Аткарск» – мощность переработки составляет 1,54 тыс. т маслосемян в сутки; производит сырые, рафинированные, гидратированные, дезодорированные подсолнечные масла, а также фасованное подсолнечное масло, майонезы, подсолнечный шрот, гранулированную лузгу, а в 2020 г. была запущена линия нового майонезного цеха проектной мощностью 120 тыс. т в год;
- ООО «Русагро-Балаково» – мощность переработки составляет 1,8 тыс. т маслосемян в сутки; производит сырые, рафинированные, гидратированные, дезодорированные подсолнечные масла, подсолнечный шрот, гранулированную лузгу, и в составе

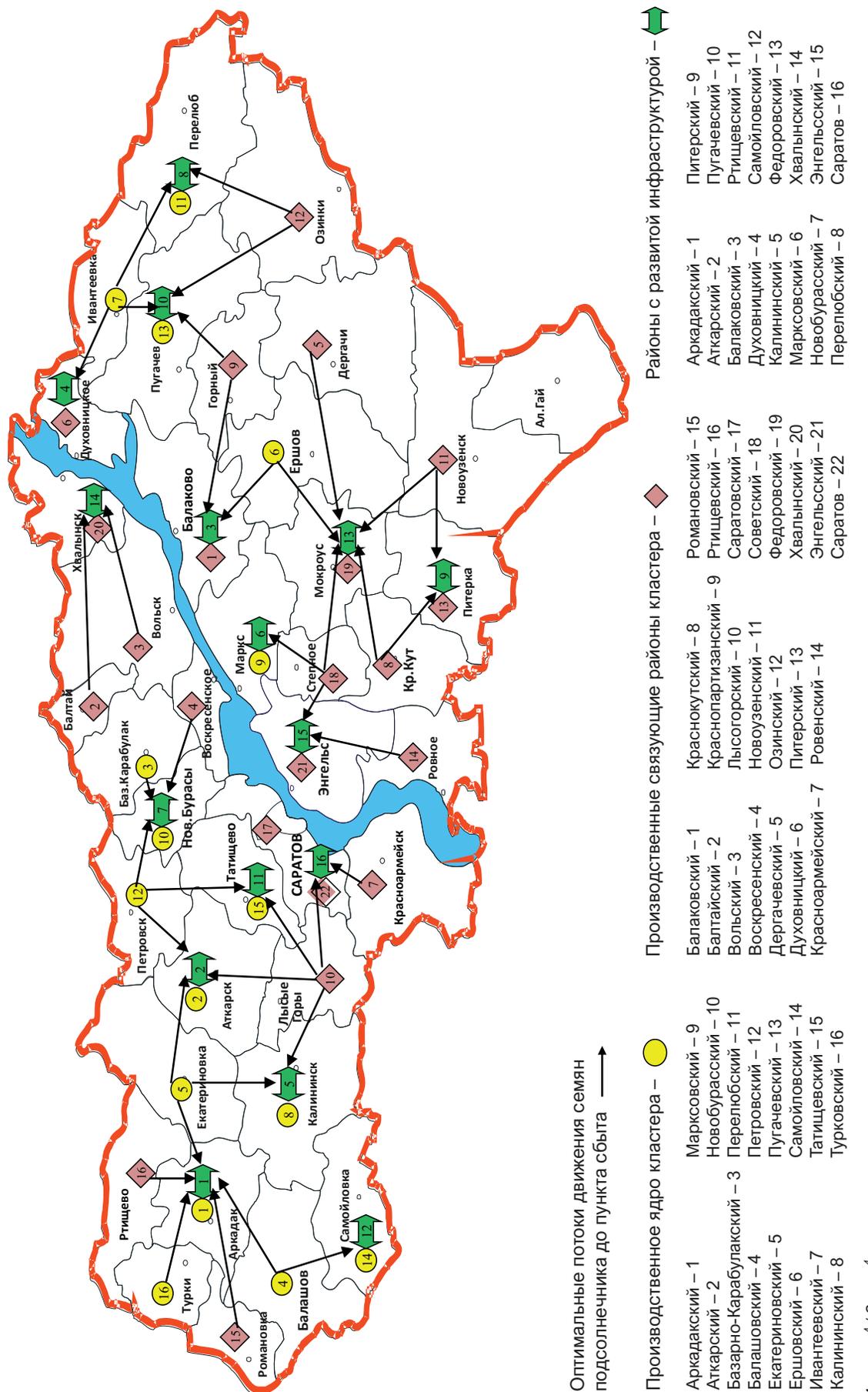
производственной площадки работает крупнейший в Поволжье элеватор и речной терминал с возможностью отгрузки готовой продукции водным путем.

В рамках исследования по построению регионального кластера разработана схема территориального размещения субъектов тела кластера, на которой также графически представлены наиболее оптимальные с точки зрения географического расположения и инфраструктурной обеспеченности потоки движения семян подсолнечника от производителя до пункта сбыта (рис. 1).

Одним из основных преимуществ для производителей семян подсолнечника при организации кластера в масложировом подкомплексе Саратовской области выступает сопутствующая выстроенным организационно-экономическим отношениям между всеми субъектами возможность оптимизации ценообразования. Для всех производителей предусматривается одинаково выгодная цена реализации продукции независимо от объемов ее производства, при этом основным условием является качество семян подсолнечника, необходимый уровень которого должны обеспечить руководители сельскохозяйственных предприятий при консультативной поддержке и контроле процесса производства продукции со стороны соответствующих участников кластера.

Современная организация сбыта показывает наличие широкого диапазона закупочной цены на подсолнечник, что обусловлено требованиями элеваторов к поставщикам продукции и объемами реализации. В настоящее время цена закупки в среднем по районам области варьирует по итогам 2021 г. от 1,854 тыс. руб. за 1 ц в Лысогорском районе до 4,559 тыс. руб. за 1 ц в Балаковском районе.

Функционирование кластера предполагает достижение максимально выгодных условий для всех его участников, поэтому при расчете эффективности сбыта в рамках кластера за оптимальную закупочную цену взята цена закупки у наиболее успешных предприятий в конкретных муниципальных районах области с тем условием, что в масштабах территории региона цены будут отличаться в зависимости от местоположения, транспортно-логистической обеспеченности района и других факторов. С помощью метода ранжирования выделены предприятия-эталонные по величине цены реализации подсолнечника в разрезе каждого муниципального района области, цены на которые применены к остальным предприятиям районов в качестве возможных резервов роста в условиях кластера.

Оптимальные потоки движения семян
подсолнечника до пункта сбита →

Производственное ядро кластера – ●

Производственные связующие районы кластера – ◆

Районы с развитой инфраструктурой – ⇄

- Аркадакский – 1
- Аткарский – 2
- Базарно-Карабулакский – 3
- Балашовский – 4
- Екатериновский – 5
- Ершовский – 6
- Ивантеевский – 7
- Калининский – 8
- Марковский – 9
- Новобураевский – 10
- Перелюбский – 11
- Петровский – 12
- Пугачевский – 13
- Самойловский – 14
- Татищевский – 15
- Турковский – 16

- Балаковский – 1
- Балтайский – 2
- Вольский – 3
- Воскресенский – 4
- Дергачевский – 5
- Духовницкий – 6
- Красноармейский – 7
- Краснокутский – 8
- Краснопартизанский – 9
- Лысогорский – 10
- Новоусольский – 11
- Озинский – 12
- Петровский – 13
- Ровенский – 14

- Романовский – 15
- Ртищевский – 16
- Саратовский – 17
- Советский – 18
- Федоровский – 19
- Хвалынский – 20
- Энгельсский – 21
- Саратов – 22

- Аркадакский – 1
- Аткарский – 2
- Балаковский – 3
- Духовницкий – 4
- Калининский – 5
- Марковский – 6
- Новобураевский – 7
- Перелюбский – 8
- Петровский – 9
- Пугачевский – 10
- Ртищевский – 11
- Самойловский – 12
- Федоровский – 13
- Хвалынский – 14
- Энгельсский – 15
- Саратов – 16

Источник⁴ / Source⁴

Рис. 1. Схема территориального размещения субъектов тела регионального кластера Саратовской области

Fig. 1. Scheme of territorial placement of the regional cluster's body subjects in the Saratov region

⁴ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области. Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство. Режим доступа: <https://64.rosstat.gov.ru/selhoz> (дата обращения: 22.02.2024).

Расчеты показали, что увеличение прибыли от реализации в отдельно взятых районах составит от 3,6 (в Базарно-Карабулакском районе) до 167,3 (в Ивантеевском районе) %. Самое значительно увеличение цены возможно в Лысогорском районе (на 146,3 %), что будет способствовать росту прибыли от реализации в 10 раз (с 1,174 до 11,9 тыс. руб.). В среднем по области возможное увеличение закупочной цены на подсолнечник составляет 17,4 %, или 670 руб. – с 3,841 до 4,511 тыс. руб.

Функционирование производителей подсолнечника внутри регионального кластера предусматривает возможность снижения транзакционных издержек, обусловленную исключением из затрат предприятия командировочных и представительских расходов, связанных с поиском информации о покупателе, проведением переговоров и заключением контракта, расходов на оформление экспортной документации, сертификации продукции. Данные мероприятия будут осуществляться участниками транспортно-логистической инфраструктуры кластера [Сучкова, 2023].

Проведенные исследования показали, что транзакционные издержки, приходящиеся на продукцию растениеводства в сельскохозяйственных предприятиях Саратовской области в среднем за 2019–2021 гг. составляют 4,7 % от суммы всех затрат. Расчетным путем выявлено, что при условии включения предприятия в кластер сумма транзакционных издержек снижается в 2,8 раза [Лексина, 2018].

В табл. 4 обобщены показатели эффективности кластеризации за счет сокращения транзакционных издержек при реализации подсолнечника и роста закупочной цены на подсолнечник в Саратовской области по итогам 2021 г.⁵

По результатам расчетов выявлено, что после включения производителей подсолнечника в региональный кластер сумма прибыли от реализации подсолнечника в целом по области увеличится на 4 699 млн руб., или 36,6 %, уровень рентабельности при этом возрастет на 43,5 п.п. – с 106,4 до 149,9 %.

Таким образом, важнейшими показателями эффективности деятельности для производителей семян подсолнечника при их вступлении в региональный кластер являются снижение себестоимости в результате сокращения транзакционных издержек и рост выручки от реализации вследствие повышения закупочной цены на подсолнечник, при этом почти в каждом муниципальном районе Саратовской области существуют резервы роста закупочной цены (до максимального уровня, предлагаемого при закупке семян подсолнечника успешным товаропроизводителям).

⁵ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области. Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство. Режим доступа: <https://64.rosstat.gov.ru/selhoz> (дата обращения: 22.02.2024).

Таблица 4

Эффективность кластеризации за счет снижения транзакционных издержек и оптимизации ценовой политики на примере Саратовской области

Table 4. Clustering efficiency by reducing transaction costs and optimizing pricing policy on the example of the Saratov region

Показатели	Способы организации деятельности предприятий		Изменение показателей после включения в кластер	
	Самостоятельно	В кластере	Абсолютное, (+, –)	Относительное, %
Количество реализованной продукции, тыс. ц	6 475,388		–	
Себестоимость единицы продукции, руб.	1 861,2	1 805,0	– 56,2	– 3,0
в т. ч. транзакционные издержки на единицу продукции, руб.	87,5	31,3	– 56,2	– 64,3
Себестоимость реализованной продукции, млн руб.	12 052,0	11 688,0	– 364,1	– 3,0
Цена реализации единицы продукции, руб.	3 841,1	4 510,5	669,4	17,4
Выручка от реализации продукции, млн руб.	24 873,0	29 207,0	4 335,0	17,4
Прибыль (убыток) от реализации единицы продукции, руб.	1 979,9	2 705,5	725,6	36,6
Прибыль (убыток) от реализации продукции, млн руб.	12 821,0	17 519,0	4 699,0	36,6
Рентабельность деятельности, %	106,4	149,9	43,5	–

Источник⁵ / Source⁵

Заключение / Conclusion

Группировка субъектов хозяйствования в кооперативно-интеграционные структуры в условиях кластеризации способствует повышению экономической эффективности деятельности производителей семян подсолнечника за счет сокращения транзакционных издержек и повышения реализационной цены на продукцию, а также оптимизации производственно-технологических процессов.

В результате проведенного исследования разработана схема территориального размещения субъектов тела регионального масложирового кластера, представленных районами производственного ядра кластера (с объемами производства подсолнечника выше среднеобластного уровня), производственными связующими районами (с объемами производства подсолнечника ниже среднего по области уровня), а также районами с развитой инфраструктурой (с наличием объектов переработки и хранения продукции, транспортных узлов), позволяющими наладить эффективную логистическую систему при взаимовыгодном сотрудничестве.

На основе метода ранжирования муниципальных районов области по уровню производства подсолнечника выделена группа районов, стабильно показывающих высокие результаты возделывания подсолнечника, которые образуют производственное ядро кластера (16 муниципальных районов, 11 из которых расположены в Правобережье области)

и производственные связующие районы (21 муниципальный район и Саратов), которые обеспечат максимизацию объемов производства для формирования значительных контрактно-сбытовых сделок. С учетом наличия в каждом районе объектов переработки и хранения продукции (элеваторные и складские помещения, мощности для первичной обработки посевного материала (просушка, подработка), а также логистики (возможность отгрузки продукции автомобильным, железнодорожным, речным транспортом) выделены районы с развитой инфраструктурой (16 муниципальных районов области).

В каждом муниципальном районе Саратовской области существуют резервы роста закупочной цены (до максимального уровня, предлагаемого при закупке семян подсолнечника успешным товаропроизводителям). По результатам расчетов выявлено, что после включения производителей подсолнечника в региональный кластер сумма прибыли от реализации подсолнечника в целом по области увеличится на 4,699 млн руб., или 36,6 %, уровень рентабельности при этом возрастет на 43,5 п.п. — с 106,4 до 149,9 %.

На наш взгляд, создание подобных кластеров в масложировом подкомплексе регионов является действенным механизмом развития сельского хозяйства в стране, поскольку расширяет возможности для повышения экономической эффективности и финансовой устойчивости всех его участников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дибиров А.А., Погодина О.В.* Теоретические основы моделирования кластеров в АПК. Экономика нового мира. 2018;3(11):40–50.
- Зайцев А.Г., Полторыхина С.В.* Агропромышленные кластеры как источник инновационного развития: стратегия и институты. Вестник аграрной науки. 2021;2(89):113–118. <https://doi.org/10.17238/issn2587-666X.2021.2.113>
- Колмаков В.В., Полякова А.Г., Карпова С.В., Головина А.Н.* Развитие кластеров на основе конкурентной специализации регионов. Экономика региона. 2019;1(15):270–284. <https://doi.org/10.17059/2019-1-21>
- Кривошлыков К.М.* Кластерный подход к формированию эффективного и устойчивого масложирового подкомплекса региона. Масличные культуры. Научно-технический бюллетень Всероссийского научно-исследовательского института масличных культур. 2015;4(164):56–65.
- Кривошлыков К.М.* Методические аспекты комплексного подхода к оценке функционирования масложирового продуктового кластера. Научно-технический бюллетень

REFERENCES

- Dibirov A.A., Pogodina O.V.* Theoretical foundations of cluster modeling in agriculture. Economics of the New World. 2018;3(11):40–50. (In Russian).
- Kolmakov V.V., Polyakova A.G., Karpova S.V., Golovina A.N.* Cluster development based on competitive specialization of regions. Economy of Region. 2019;1(15):270–284. (In Russian). <https://doi.org/10.17059/2019-1-21>
- Krivoshlykov K.M.* Cluster access to a formation of effective and sustainable oil-and-fatty subcomplex of the region. Oil Crops. Scientific and Technical bulletin of the All-Russian Scientific Research Institute of Oil Crops. 2015;4(164):56–65. (In Russian).
- Krivoshlykov K.M.* Methodological aspects of combined approach to the evaluation of the fat and oil food cluster. Oil Crops. Scientific and Technical bulletin of the All-Russian Scientific Research Institute of Oil Crops. 2018;2(174):90–95. (In Russian).
- Leksina A.A.* Method of rationalization of economic interaction in the agroproduction market. Economics of Agriculture of Russia. 2018;7:15–20. (In Russian). <https://doi.org/10.32651/2070-0288-2018-7-15-20>

Всероссийского научно-исследовательского института масличных культур. 2018;2(174):90–95.

Лексина А.А. Метод рационализации хозяйственного взаимодействия на агропроизводственном рынке. Экономика сельского хозяйства России. 2018;7:15–20. <https://doi.org/10.32651/2070-0288-2018-7-15-20>

Мирошниченко А.А. Методика формирования пропульсивного масличного кластера на базе Ростовской области. Вестник СевКавГТИ. 2017;2(29):41–45.

Пустынникова Е.В., Ускова Е.О. Формирование конкурентных преимуществ корпоративных структур на основе интеграции кластерного типа. Экономика региона. 2017;2(3):500–510. <https://doi.org/10.17059/2017-2-15>

Сердобинцев Д.В., Аleshina Е.А., Новиков И.С. Организационно-экономические аспекты кластеризации АПК России. Научное обозрение. 2021;1(11):8–23.

Соловьев Ю.В., Капогузов Е.А., Чупин Р.И. Трансакционные издержки в кластерном взаимодействии. Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2018;3(63):68–77. <https://doi.org/10.25513/1812-3988.2018.3.68-77>

Сучкова Н.Р. Кластерный подход к развитию механизма экспорта продукции сельскохозяйственного предприятия. Управление. 2023;4(11):79–89. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-4-79-89>

Шестаков Р.Б., Ловчикова Е.И. Кластеризация регионов на основе базовых аграрно-экономических критериев. Экономика региона. 2023;1(19):178–191. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-1-14>

Vertakova Yu., Risin I. Clustering of socio-economic space: theoretical approaches and Russian experience. Procedia Economics and Finance. 2015;27:538–547.

Miroshnichenko A.A. Methodology for forming a propulsive oilseed cluster based on the Rostov region. North-Caucasus Humanitarian Institute Bulletin. 2017;2(29):41–45. (In Russian).

Pustynnikova E.V., Uskova E.O. The Formation of Competitive Advantages for Corporate Structures Based on the Cluster Integration. Economy of Region. 2017;2(3):500–510. (In Russian). <https://doi.org/10.17059/2017-2-15>

Serdobintsev D.V., Aleshina E.A., Novikov I.S. Organizational and economic aspects of clustering of Russian agricultural complex. Science Review. 2021;1(11):8–23. (In Russian).

Shestakov R.B., Lovchikova E.I. Clustering of regions using basic agricultural and economic criteria. Economy of Region. 2023;1(19):178–191. (In Russian). <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-1-14>

Solovyev Yu.V., Kapoguzov E.A., Chupin R.I. Transaction costs in cluster interaction. Herald of Omsk University. Series “Economics”. 2018;3(63):68–77. (In Russian). <https://doi.org/10.25513/1812-3988.2018.3.68-77>

Suchkova N.R. Cluster approach to the development of the mechanism of export of agricultural enterprise products. Управление / Management (Russia). 2023;4(11):79–89. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-4-79-89>

Vertakova Yu., Risin I. Clustering of socio-economic space: theoretical approaches and Russian experience. Procedia Economics and Finance. 2015;27:538–547. (In Russian).

Zaitsev A.G., Poltorykhina S.V. Agro-industrial clusters as a source of innovative development: strategy and institutions. Bulletin of Agrarian Science. 2021;2(89):113–118. (In Russian). <https://doi.org/10.17238/issn2587-666X.2021.2.113>

Развитие наукоемкой промышленности: выбор элементов модели работы технопарков в сфере высоких технологий

Дегтярева Виктория Владимировна¹

Канд. экон. наук, доц. каф. управления инновациями
ORCID: 0000-0002-1165-1373, e-mail: iump@mail.ru

Серегин Михаил Сергеевич²

Старший аналитик
ORCID: 0000-0002-1042-8962, e-mail: seriogin.mihail@yandex.ru

¹Государственный университет управления, 109542, Рязанский пр-кт, 99, Москва, Россия

²Ассоциация кластеров, технопарков и ОЭЗ России, 109316, Волгоградский пр-кт, 42, Москва, Россия

Аннотация

В статье представлено обоснование выбора элементов модели для работы технопарков в сфере высоких технологий в Российской Федерации. Приведена методология для построения модели, которая выстраивалась на позиции заимствования лучших практик действующих моделей работы и функционирования объектов инновационной инфраструктуры в стране. Предложено сформировать рейтинг среди действующих технопарков, в рамках которого была проведена комплексная оценка деятельности управляющих компаний технопарков по четырем группам показателей (субиндексам): инвестиционная привлекательность субъектов, информационная открытость, внутренняя экосистема технопарков, эффективность работы управляющей компании. По результатам проведенного рейтинга выявлены лидеры среди технопарков, и их модели поведения приняты в качестве эталонных метрик для разрабатываемой модели. На основе позиции лидеров предложено выбрать лучшую модель работы технопарков в сфере высоких технологий с точки зрения взаимодействия их с резидентами. Представлены рекомендации для инфраструктурной модели работы технопарков как наиболее перспективных для частных компаний, при этом инвестиционные проекты должны быть разработаны с учетом федеральных требований и стандартов, чтобы обеспечить их успешную реализацию и достижение поставленных целей. Технопарки в сфере высоких технологий играют ключевую роль в развитии экономики Российской Федерации. Они способствуют развитию инноваций, новых технологий, высокотехнологичных производств и наукоемкого бизнеса. Важно, чтобы развитие таких технопарков было оптимально организовано с учетом современных требований и мер регулирования.

Ключевые слова: наукоемкая промышленность, технопарки в сфере высоких технологий, инновационная инфраструктура, высокие технологии, инфраструктурная модель, цифровизация, модель работы технопарков

Для цитирования: Дегтярева В.В., Серегин М.С. Развитие наукоемкой промышленности: выбор элементов модели работы технопарков в сфере высоких технологий//Управление. 2024. Т. 12. № 2. С. 62–73. DOI: 10.26425/2309-3633-2024-12-2-62-73

High-tech industry development: selection of technology parks operation model elements in the field of high technology

Viktoriya V. Degtyareva¹

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Innovation Management Department
ORCID: 0000-0002-1165-1373, e-mail: iump@mail.ru

Mikhail S. Seregin²

Senior Analyst
ORCID: 0000-0002-1042-8962, e-mail: seriogin.mihail@yandex.ru

¹State University of Management, 99, Ryazansky prospekt, Moscow 109542, Russia

²Association of Clusters, Technology Parks and SEZ of Russia, 42, Volgogradsky prospekt, Moscow 109316, Russia

Abstract

The article presents the justification of model elements choice for technology parks work in the sphere of high technologies in Russia. The methodology for creating the model, which was built on the position of borrowing the best practices of existing models of innovation infrastructure facilities operation and functioning in the country, has been given. It has been proposed to form a rating among operating technology parks, within the framework of which a comprehensive assessment of technology park management companies' performance has been carried out according to four groups of indicators (sub-indexes) such as subjects investment attractiveness, information openness, technology parks internal ecosystem, and management company efficiency. Based on the rating results, the leaders among technology parks have been identified, and their behavioral models adopted as reference metrics for the model to be developed. Based on the leaders' position, it has been proposed to choose the best technology parks model in the field of high technologies in terms of their interaction with residents. Recommendations have been presented for the technology parks infrastructural model as the most promising for private companies, while investment projects should be developed considering federal requirements and standards to ensure their successful implementation and achievement of the set goals. Technology parks in the sphere of high technologies play a key role in Russian economy development. They contribute to the development of innovations, new technologies, high-tech industries, and knowledge-intensive business. It is important that such technology parks development is optimally organized with due regard to modern requirements and regulatory measures.

Keywords: knowledge-intensive industry, technology parks in the field of high technologies, innovative infrastructure, high technologies, infrastructure model, digitalization, technology parks model

For citation: Degtyareva V.V., Seregin M.S. (2024) "High-tech industry development: selection of technology parks operation model elements in the field of high technology". *Upravlenie / Management (Russia)*, 12 (2), pp. 62–73. DOI: 10.26425/2309-3633-2024-12-2-62-73

Введение / Introduction

Технологический прогресс в настоящее время ускоряется. Постоянно появляются, развиваются и улучшаются новые технологии и продукты. Это затрагивает практически все аспекты жизни. Например, наблюдается быстрое развитие мобильных устройств и компьютеров, которые становятся все более мощными и удобными в использовании благодаря использованию киберфизических систем. Также появляются новые технологии в области медицины, транспорта, энергетики и других отраслей промышленности. В исследованиях это подтверждается положительными тенденциями при сравнении данных инновационного и экономического развития в разрезе двух десятилетий по странам Организации экономического сотрудничества и развития [Kurniawati, 2020].

Термин «высокие технологии» прочно вошел в обиход и может применяться теперь и к промышленным технологиям. К высоким технологиям можно отнести современные и инновационные методы и инструменты, используемые для создания и производства сложных продуктов и услуг, требующих специализированных знаний и экспертизы. Как правило, они включают такие области, как разработка новых материалов, медицинских технологий, автоматизация производства, биотехнологии, робототехника и др. Переход к использованию высоких технологий является ключевым фактором для экономического роста и развития страны. Пример синергетического эффекта посредством развития инфраструктуры, а также трансфера технологий представлен в работах зарубежных экспертов [Wang et al, 2024; Mosurovic-Ruzicic et al, 2015]. Применение высоких технологий ведет к значительным инвестиционным затратам, которые направлены на исследования и разработки, образование и подготовку кадров, а также доступ к высокоскоростному широкополосному интернету и другим современным информационно-коммуникационным технологиям.

Таким образом, можно констатировать, что для развития бизнеса в сфере высоких технологий необходима соответствующая, специализированная инфраструктура. Создание инфраструктуры для развития высоких технологий, которые являются перспективным направлением в Российской Федерации (далее — РФ, Россия) в условиях освободившейся рыночной ниши после ухода зарубежных конкурентов требует значительных инвестиций и поддержки со стороны государства и частного сектора [Гришин и др., 2023; Sun et al, 2022]. Кроме того, еще одним аспектом является необходимость в подготовке кадров, способных работать с новыми

технологиями и разрабатывать инновационные продукты и услуги, что в настоящее время поддержано Правительством РФ через увеличение бюджетных мест в вузах на высокотехнологичных направлениях и в сфере информационных технологий. Аспекты подготовки кадров отражены в ранней работе В.Н. Тарасовой, С.Ю. Ляпиной, В.В. Дегтяревой [Тарасова, Ляпина, Дегтярева, 2019].

В России в настоящий момент проводится работа по созданию инновационной инфраструктуры для поддержки и развития предприятий в сфере высоких технологий. Вопросам развития инновационной инфраструктуры посвящены работы отечественных и зарубежных ученых [Кулаков и др., 2022; Mosurovic-Ruzicic et al, 2015; Kniazevych, 2021].

Одним из таких видов инфраструктуры являются технопарки в сфере высоких технологий. Это важный инструмент развития промышленности и территориального прогресса [Дегтярева, Серегин, 2023; Евлоева, 2017]. Они представляют специально созданные экономические зоны, где сосредоточены инновационные предприятия, научно-исследовательские центры, стартапы и другие высокотехнологичные компании. Технопарки создаются с целью привлечения инвестиций, развития научного и технического потенциала, а также стимулирования развития новых технологий [Chen et al, 2021; Zhang et al, 2021].

В начале XXI в. Россия столкнулась с необходимостью экономического роста и модернизации отраслей экономики. Это было связано с рядом проблем, таких как зависимость от экспорта сырья, устаревание производственных технологий, недостаточное развитие инноваций и высоких технологий. Считалось, что развитие высоких технологий является необходимым условием для устойчивого экономического роста и повышения конкурентоспособности страны. Это было связано с рядом факторов.

Во-первых, в условиях глобализации и быстрого развития технологий во всем мире страны, которые не инвестируют в науку и технологии, рискуют оставаться в отстающем положении. Развитие высоких технологий позволяет стране быть более конкурентоспособной на мировом рынке и улучшить свои экономические показатели.

Во-вторых, развитие высоких технологий способствует модернизации отраслей экономики. Новые технологии позволяют улучшить производственные процессы, повысить эффективность и качество продукции, а также снизить издержки. Это особенно важно для отраслей, которые сталкиваются с жесткой конкуренцией на мировом рынке.

В-третьих, развитие высоких технологий способствует созданию новых рабочих мест и стимулирует инновационную активность. Высокотехнологичные компании требуют высококвалифицированных специалистов, что способствует развитию образования и науки.

Кроме того, инновационные проекты, которые осуществляются в рамках развития высоких технологий, могут стать основой для создания новых бизнесов и индустрий.

Таким образом, развитие высоких технологий было признано необходимым для России в начале XXI в., чтобы обеспечить устойчивый экономический рост, модернизацию отраслей экономики и повышение конкурентоспособности на мировом рынке. Для развития высоких технологий в стране была необходима сопутствующая инфраструктура [Носонов, 2020].

На сегодняшний день промышленные технопарки и индустриальные парки уже получили значительную государственную поддержку. Они имеют доступ к льготам и преференциям, предоставляемым государством, таким как налоговые льготы, субсидии на исследования и разработки, облегченные условия для ведения бизнеса. Однако технопаркам в сфере высоких технологий эти льготы и поддержка пока не доступны. Для того чтобы их статус был равнозначен промышленным технопаркам и индустриальным паркам, необходимо внести ряд изменений в нормативные правовые акты. Е.А. Громова уже частично затрагивала данные вопросы нормотворчества [Громова, 2023]. Также следует изучить опыт действующих технопарков и особенно недостатки их работы, чтобы на этой основе определить, что мотивирует стейкхолдеров при принятии решения о выборе инфраструктурной площадки [Хаханов, 2019].

Целью настоящего исследования является выбор элементов для будущей модели работы технопарков в сфере высоких технологий на основе существующих практик их деятельности.

Объектом исследования являются технопарки в сфере высоких технологий, предметом – моделирование на основе ранжирования лучших практик действующих технопарков в сфере высоких технологий для выбора элементов оптимальной модели их деятельности.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ / RESEARCH MATERIALS AND METHODS

Методы исследования выстроены на позиции сравнения деятельности технопарков по признакам субиндексов, включаемых в комплексную оценку деятельности управляющих компаний технопарков. Также применены другие методы научного исследова-

вания, такие как аналогия и моделирование на основе ранжирования для формирования элементов будущей модели работы технопарков в сфере высоких технологий в России. Ниже рассмотрим их более подробно.

Для формирования модели работы технопарков в сфере высоких технологий возможно заимствовать лучшие практики действующих моделей работы и функционирования объектов инновационной инфраструктуры в стране, которая требует доработки определенных элементов. Для этого необходимо определить, какие объекты действующей инфраструктуры среди технопарков можно отнести к лучшим по РФ, и на их основе сделать предложения по формированию модернизированной модели.

В основу рейтинга будет положена комплексная оценка деятельности управляющих компаний технопарков по четырем группам показателей (субиндексам), представленным на рис. 1.

Каждый субиндекс включает свои параметры, которые оцениваются экспертно.

Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

Рис. 1. Субиндексы, включаемые в комплексную оценку деятельности управляющих компаний технопарков

Fig. 1. Sub-indexes included in a comprehensive assessment of technology park management companies' activities

Суммарный рейтинг технопарков по результатам комплексной оценки деятельности управляющих компаний будет рассчитываться по формуле:

$$S = S_1 + S_2 + S_3 + S_4, \quad (1)$$

где S_1 – инвестиционная привлекательность субъектов РФ (субиндекс № 1), S_2 – эффективность работы управляющей компании (субиндекс № 2), S_3 – внутренняя экосистема технопарков (субиндекс № 3), S_4 – информационная открытость (субиндекс № 4).

Субиндекс № 1 отображает барьеры и возможности реализации инвестиционных проектов технопарков в субъектах РФ. В блоке оцениваются следующие показатели:

- $S_{1,1}$ – наличие в субъекте налоговых льгот для управляющих компаний и резидентов;
- $S_{1,2}$ – средний уровень заработной платы в регионе, руб.;
- $S_{1,3}$ – уровень профессионального образования в регионе;
- $S_{1,4}$ – уровень цифровой зрелости региона.

Субиндекс № 2 служит для оценки эффективности управляющей компании с точки зрения привлечения резидентов и динамики ее развития. В данном блоке оцениваются следующие показатели:

- $S_{2,1}$ – уровень занятости площадей резидентами;
- $S_{2,2}$ – коэффициент текучести резидентов технопарка.

Субиндекс № 3 предназначен для оценки условий, созданных управляющей компанией для резидентов технопарка. Эти условия могут включать различные факторы, такие как доступность инфраструктуры, качество услуг и поддержки, уровень сотрудничества и взаимодействия с другими организациями и учреждениями, финансовые и экономические показатели и др. Оценка условий позволяет потенциальному резиденту принять решение о размещении своей деятельности в технопарке. Успешная управляющая компания создает благоприятные условия для резидентов, что способствует развитию инноваций, коммерциализации проектов и успешному функционированию технопарка в целом. В данном блоке оцениваются следующие показатели:

- $S_{3,1}$ – наличие объектов технологической инфраструктуры в соответствии с приказом Министерства промышленности и торговли РФ от 7 сентября 2023 г. № 3349¹;
- $S_{3,2}$ – обеспеченность резидентов технопарка услугами;
- $S_{3,3}$ – качество оказываемых услуг.

Субиндекс № 4 предназначен для оценки информационной открытости технопарка в сфере высоких технологий в сети «Интернет». В данном блоке оцениваются следующие показатели:

- $S_{4,1}$ – интернет-сайт на русском языке;
- $S_{4,2}$ – интернет-сайт на иностранном языке;
- $S_{4,3}$ – официальные страницы в социальных сетях.

Для определения лучших практик и рейтинга объектов инновационной инфраструктуры была разработана методика в виде анкет, которые были разосланы в технопарки, деятельность которых коррелирует с сопровождением наукоемких промышленных производств.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ / RESEARCH RESULTS

В рамках проведенного анкетирования были получены следующие данные по оценке четырех субиндексов (табл. 1–4).

¹ Приказ Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 7 сентября 2023 г. № 3349. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202309220004> (дата обращения: 14.03.2024).

Таблица 1

Результаты оценки субиндекса № 1 «Инвестиционная привлекательность субъектов РФ»

Table 1. Results of the assessment of sub-index no. 1 “Investment attractiveness of the constituent entities of the Russian Federation”

Наименование технопарка / Показатель	Субъект РФ	$S_{1,1}$	$S_{1,2}$	$S_{1,3}$	$S_{1,4}$	ΣS_1
Технопарк в сфере высоких технологий «Физтехпарк»	Москва	1,0	0,00	1,00	1	1,7412
Технопарк высоких технологий «Рамеев»	Пензенская область	0,4	0,98	0,26	1	1,1151
Научно-технологический парк Новосибирского Академгородка	Новосибирская область	0,0	0,86	0,48	1	0,8368
Технопарк в сфере высоких технологий «Анкудиновка»	Нижегородская область	0,0	0,94	0,32	1	0,7726
Технопарк «Фотоника»	Москва	1,0	0,00	1,00	1	1,7412
Кузбасский технопарк	Кемеровская область	0,0	0,79	0,11	1	0,5951
Технопарк «Morion Digital»	Пермский край	0,4	0,85	0,19	1	1,0314
Технопарк «Мордовия»	Республика Мордовия	0,2	1,00	0,41	1	1,0329
Инновационно-производственный технопарк «Идея»	Республика Татарстан	0,0	0,81	0,51	1	0,8404

Окончание табл. 1

Наименование технопарка / Показатель	Субъект РФ	S _{1.1}	S _{1.2}	S _{1.3}	S _{1.4}	Σ S ₁
«ИТ-парк» имени Башира Рамеева	Республика Татарстан	0,0	0,81	0,51	1	0,8404
Технопарк «Жигулевская долина»	Самарская область	0,0	0,89	0,41	1	0,8086
Технопарк в сфере высоких технологий Свердловской области «Университетский»	Свердловская область	0,0	0,82	0,33	1	0,7359
Технопарк высоких технологий	ХМАО – Югра	0,6	0,33	0,00	1	0,9086

Примечание: ХМАО – Югра – Ханты-Мансийский автономный округ – Югра

Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

Таблица 2

Результаты оценки субиндекса № 2 «Эффективность деятельности управляющей компании технопарка в сфере высоких технологий»

Table 2. Results of the assessment of sub-index no. 2 “Efficiency of the technology park management company in the field of high technologies”

Наименование технопарка / Показатель	Субъект РФ	S _{2.1}	S _{2.2}	Σ S ₂
Технопарк в сфере высоких технологий «Физтехпарк»	Москва	1,000	1,000	2,000
Технопарк высоких технологий «Рамеев»	Пензенская область	0,252	0,836	1,087
Научно-технологический парк Новосибирского Академгородка	Новосибирская область	0,071	0,091	0,162
Технопарк в сфере высоких технологий «Анкудиновка»	Нижегородская область	0,015	0,830	0,845
Технопарк «Фотоника»	Москва	0,049	0,058	0,107
Кузбасский технопарк	Кемеровская область	0,122	0,657	0,779
Технопарк «Morion Digital»	Пермский край	0,247	0,794	1,042
Технопарк «Мордовия»	Республика Мордовия	0,080	0,414	0,494
Инновационно-производственный технопарк «Идея»	Республика Татарстан	0,059	0,534	0,593
«ИТ-парк» имени Башира Рамеева	Республика Татарстан	0,156	0,425	0,581
Технопарк «Жигулевская долина»	Самарская область	0,367	0,418	0,784
Технопарк в сфере высоких технологий Свердловской области «Университетский»	Свердловская область	0,000	0,000	0,000
Технопарк высоких технологий	ХМАО – Югра	0,174	0,663	0,837

Примечание: ХМАО – Югра – Ханты-Мансийский автономный округ – Югра

Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

Таблица 3

Результаты оценки субиндекса № 3 «Внутренняя экосистема технопарков в сфере высоких технологий»

Table 3. Results of the assessment of sub-index no. 3 “Internal ecosystem of technology parks in the field of high technologies”

Наименование технопарка / Показатель	Субъект РФ	S3.1	S3.2	S3.3	Σ S3
Технопарк в сфере высоких технологий «Физтехпарк»	Москва	0,163	1,050	0,000	0,303
Технопарк высоких технологий «Рамеев»	Пензенская область	1,302	1,050	0,000	0,588
Научно-технологический парк Новосибирского Академгородка	Новосибирская область	1,302	1,517	0,000	0,705
Технопарк в сфере высоких технологий «Анкудиновка»	Нижегородская область	0,651	1,050	2,231	0,983
Технопарк «Фотоника»	Москва	0,326	0,350	0,000	0,169
Кузбасский технопарк	Кемеровская область	1,140	0,933	2,610	1,171

Наименование технопарка / Показатель	Субъект РФ	S3.1	S3.2	S3.3	Σ S3
Технопарк «Morion Digital»	Пермский край	1,302	1,167	2,136	1,151
Технопарк «Мордовия»	Республика Мордовия	1,140	0,700	2,847	1,172
Инновационно-производственный технопарк «Идея»	Республика Татарстан	1,628	0,467	1,424	0,880
«ИТ-парк» имени Башира Рамеева	Республика Татарстан	0,488	0,117	0,000	0,151
Технопарк «Жигулевская долина»	Самарская область	1,302	1,633	2,753	1,422
Технопарк в сфере высоких технологий Свердловской области «Университетский»	Свердловская область	1,302	1,167	0,000	0,617
Технопарк высоких технологий	ХМАО – Югра	0,488	0,817	0,000	0,326

Примечание: ХМАО – Югра – Ханты-Мансийский автономный округ – Югра

Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

Таблица 4

Результаты оценки субиндекса № 4 «Информационная открытость технопарков в сфере высоких технологий»

Table 4. Results of the assessment of sub-index no. 4 “Information openness of technology parks in the field of high technologies”

Наименование технопарка / Показатель	Субъект РФ	S4.1	S4.2	S4.3	Σ S4
Технопарк в сфере высоких технологий «Физтехпарк»	Москва	1,069	0	1,625	0,898
Технопарк высоких технологий «Рамеев»	Пензенская область	1,088	1	0,542	0,877
Научно-технологический парк Новосибирского Академгородка	Новосибирская область	1,341	0	1,083	0,808
Технопарк в сфере высоких технологий «Анкудиновка»	Нижегородская область	0,952	0	1,625	0,859
Технопарк «Фотоника»	Москва	0,000	0	0,000	0,000
Кузбасский технопарк	Кемеровская область	1,205	0	1,083	0,763
Технопарк «Morion Digital»	Пермский край	1,224	0	1,625	0,950
Технопарк «Мордовия»	Республика Мордовия	1,244	0	1,083	0,776
Инновационно-производственный технопарк «Идея»	Республика Татарстан	1,283	1	0,000	0,761
«ИТ-парк» имени Башира Рамеева	Республика Татарстан	0,369	1	1,625	0,998
Технопарк «Жигулевская долина»	Самарская область	1,088	1	0,542	0,877
Технопарк в сфере высоких технологий Свердловской области «Университетский»	Свердловская область	1,088	0	1,083	0,724
Технопарк высоких технологий	ХМАО – Югра	1,049	1	1,083	1,044

Примечание: ХМАО – Югра – Ханты-Мансийский автономный округ – Югра

Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

Результаты расчетов итогового рейтинга технопарков по результатам комплексной оценки деятельности управляющих компаний и ранжирование его в порядке убывания представлены в табл. 5.

По итогам анкетирования были признаны следующие технопарки в сфере высоких технологий:

- технопарк в сфере высоких технологий «Физтехпарк» (Москва);
- технопарк «Morion Digital» (Пермский край);
- технопарк «Жигулевская долина» (Самарская область).

Проведем анализ модели работы технопарков в сфере высоких технологий с точки зрения взаимодействия с резидентами (табл. 6).

Перед тем как давать рекомендации по формированию модели работы технопарков в сфере высоких технологий, необходимо разобраться, в чем заключаются ее особенности и может ли она быть универсальной [Камчатова, Брославская, 2020].

Модель работы технопарка – это описание основных принципов, процессов и структур, которые определяют функционирование технопарка. Эта модель включает организацию пространства,

процессы управления и поддержки инноваций, взаимодействие с участниками инновационной экосистемы, а также механизмы коммерциализации и передачи технологий. Модель работы технопарка

направлена на создание благоприятной инновационной среды, стимулирующей развитие и рост компаний-резидентов.

Таблица 5

Рейтинг технопарков по результатам комплексной оценки деятельности управляющих компаний

Table 5. Rating of technology parks based on the results of a comprehensive assessment of management companies' activities

Наименование технопарка / Показатель	Субъект РФ	S1	S2	S3	S4	Σ S
Технопарк в сфере высоких технологий «Физтехпарк»	Москва	1,741	2,000	0,303	0,898	4,942
Технопарк «Morion Digital»	Пермский край	1,031	1,042	1,151	0,950	4,174
Технопарк «Жигулевская долина»	Самарская обл.	0,809	0,784	1,422	0,877	3,892
Технопарк высоких технологий	ХМАО – Югра	0,909	0,837	0,862	1,207	3,815
Технопарк высоких технологий «Рамеев»	Пензенская область	1,115	1,087	0,588	0,877	3,667
Технопарк «Мордовия»	Республика Мордовия	1,033	0,494	1,172	0,776	3,474
Технопарк в сфере высоких технологий «Анкудиновка»	Нижегородская область	0,773	0,845	0,983	0,859	3,460
Кузбасский технопарк	Кемеровская область	0,595	0,779	1,171	0,763	3,308
Инновационно-производственный технопарк «Идея»	Республика Татарстан	0,840	0,593	0,880	0,953	3,265
«ИТ-парк» имени Башира Рамеева	Республика Татарстан	0,840	0,581	0,151	0,998	2,571
Научно-технологический парк Новосибирского Академгородка	Новосибирская область	0,837	0,162	0,705	0,808	2,512
Технопарк в сфере высоких технологий Свердловской области «Университетский»	Свердловская область	0,736	0,000	0,617	0,996	2,349
Технопарк «Фотоника»	Москва	1,741	0,107	0,169	0,000	2,017

Примечание: ХМАО – Югра – Ханты-Мансийский автономный округ – Югра

Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

Таблица 6

Анализ работы моделей технопарков в сфере высоких технологий с точки зрения взаимодействия с резидентами

Table 6. Analysis of technology park models' work in the field of high technologies from the point of view of interaction with residents

Показатель / Наименование технопарка	Технопарк в сфере высоких технологий «Физтехпарк»	Технопарк «Morion Digital»	Технопарк «Жигулевская долина»
Предоставление инфраструктуры и услуг резидентам	Инфраструктура: резидентам доступны современные офисные, складские помещения, конгресс-центр под проведение мероприятий, переговорные, парковочные места для сотрудников резидентов	Инфраструктура: резидентам доступны современные офисные помещения, конгресс-центр под проведение мероприятий, переговорные, парковочные места для сотрудников резидентов	Инфраструктура: резидентам доступны современные производственные, офисные, лабораторные помещения, конгресс-центр под проведение мероприятий, переговорные, парковочные места для сотрудников резидентов
	Услуги: <ul style="list-style-type: none"> • предоставление в аренду помещений; • услуга built-to-suit; • услуги по охране периметра объекта технопарка; • услуги связи; • сервисные услуги 	Услуги: <ul style="list-style-type: none"> • предоставление в аренду помещений; • услуга built-to-suit; • услуги по охране периметра объекта технопарка; • услуги связи; • сервисные услуги; • бизнес-экскурсии, организация мероприятий 	Услуги: <ul style="list-style-type: none"> • предоставление в аренду помещений; • услуга built-to-suit; • услуги по охране периметра объекта технопарка; • услуги связи; • сервисные услуги; • уборка территории; • услуги маркетинговых сервисов; • образовательные услуги

Показатель / Наименование технопарка	Технопарк в сфере высоких технологий «Физтехпарк»	Технопарк «Morion Digital»	Технопарк «Жигулевская долина»
Поддержка и содействие резидентам	На сайте технопарка размещена информация о компаниях-резидентах (о деятельности, проектах, контактная информация). Резидентам предусмотрены налоговые льготы (статус резидента технопарка Москвы)	На сайте технопарка размещена информация о компаниях-резидентах (о деятельности, проектах, контактная информация). Также присутствуют вакансии резидентов, «кадровые пятницы», где помогают грамотно составить резюме. Налоговые льготы резидентам за региональное операторство «Сколково»	На сайте технопарка размещена информация о компаниях-резидентах (о деятельности, проектах, контактная информация). Управляющая компания проводит ежегодный отбор компаний резидентов на получение мер поддержки в виде продвижения продукции резидентов. Налоговые льготы резидентам за региональное операторство «Сколково»
Развитие партнерств и сотрудничества	Управляющая компания активно пытается развивать партнерскую сеть, именно поэтому у нее уже есть соглашения с инжиниринговой компанией «Русское техническое общество». Важно отметить, что это пока очень малая сеть партнеров и резидентам приходится самим обращаться в иные компании (лизинг оборудования, финансовые институты)	У компании почти нет партнеров, так как она пытается максимально оказать поддержку резидентам своими силами	Партнерами «Жигулевской долины» являются представители региональной инфраструктурной поддержки (Фонд «Агентство по привлечению инвестиций Самарской области», Агентство экономического развития Тольятти, Торгово-промышленная палата Тольятти), ведущие вузы и научно-исследовательские центры (Самарский государственный экономический университет, Поволжский Государственный Университет Телекоммуникаций и Информатики, региональная общественная организация «Академия Телекоммуникаций и Информатики», Университет ИТМО), финансовые структуры (государственное унитарное предприятие Самарской области «Гарантийный фонд поддержки предпринимательства Самарской области»)
Мониторинг и оценка резидентов	Управляющая компания постоянно мониторит работу резидентов. Получение статуса резидента – это не просто подписать договор аренды помещений, но целая процедура отбора специальной комиссией. Лишение статуса резидента возможно только в случае низких показателей эффективности на протяжении нескольких отчетных периодов	Управляющая компания раз в год запрашивает итоги работы резидентов для анализа собственной эффективности работы технопарка. Поскольку технопарк является частным, лишиться статуса резидента за низкий показатель эффективности работы нельзя	Управляющая компания постоянно мониторит работу резидентов. Получение статуса резидента – это не просто подписать договор аренды помещений, но целая процедура отбора специальной комиссией. В рамках отбора готовится пакет документов, где прописаны по годам показатели эффективности резидентов. В случае невыполнения/нарушения показателей эффективности возможно прекращение статуса резидента технопарка

Источник² / Source²

В России можно выделить несколько моделей создания и функционирования технопарков, которые сложились еще до вступления новых федеральных требований:

- инфраструктурная модель – модель, где целью технопарка является создание инфраструктуры под конкретные инвестиционные проекты с определенными параметрами;
- кооперационная модель – модель технопарка, где инфраструктура развивается для создания всех условий между участниками кооперации;
- девелоперская модель – модель технопарка, где есть готовая инфраструктура для создания и развития компаний.

В рамках настоящего исследования будут даны рекомендации на основе информации, представленной Ассоциацией кластеров, технопарков и ОЭЗ России для инфраструктурной модели работы, в связи с тем, что наибольший интерес к ней проявляют частные компании³. Крупные корпорации и холдинги заинтересованы в создании собственной инфраструктурной площадки для реализации своих проектов. В рамках одной из ключевых рекомендаций по реализации технопарка по инфраструктурной модели следует учитывать несколько стадий и определенных элементов, входящих в них, в рамках которых должны выполняться определенные задачи и мероприятия (рис. 2).

² Ассоциация кластеров, технопарков и ОЭЗ России. Рейтинг технопарков. Режим доступа: <https://akitrf.ru/technoparks/rejting/> (дата обращения: 14.03.2024).

³ Там же.

Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

Рис. 2. Элементы инфраструктурной модели деятельности технопарков в сфере высоких технологий

Fig. 2. Elements of the infrastructure model for technology parks' activities in the field of high technologies

Рассмотрим более подробно каждый из элементов представленной модели.

Первая стадия – прединвестиционная, в рамках которой необходимо:

- заключить соглашения о намерениях с будущим резидентом технопарка;
- оценить потребности потенциальных резидентов в обеспечении коммунальной, транспортной и технологической инфраструктурой, а также объектами недвижимости;
- оценить текущий уровень износа инфраструктуры площадки и потребности в реконструкции – при необходимости;
- провести юридический и инфраструктурный аудит о планируемой территории технопарка с описанием;
- разработать концепцию технопарка;
- провести переговоры с кредитными учреждениями для привлечения банковского или частного финансирования на создание технопарка;
- разработать проектно-сметную документацию на создание инфраструктуры;
- разработать бизнес-план, финансовую модель и мастер-план технопарка;
- подготовить и подать документы в Министерство промышленности и торговли РФ для включения в реестр технопарков в сфере высоких технологий;
- подать заявку на конкурсный отбор по мерам господдержки парков.

Вторая стадия – инвестиционная, в рамках которой проводятся следующие мероприятия:

- освободить территории для мероприятий создания (реконструкции/модернизации) объектов инфраструктуры нового технопарка;

- подготовка и ввод в эксплуатацию (реконструкция, модернизация) инженерных сетей, а также подписание договоров с сетевыми компаниями и поставщиками ресурсов для работы технопарка;
- получить акты ввода в эксплуатацию объектов инфраструктуры технопарка;
- закупить необходимое оборудование, в том числе коллективного использования;
- организация (реконструкция, модернизация) транспортной инфраструктуры;
- подписать договор о предоставлении субсидий.

Третья – эксплуатационная – стадия включает:

- запуск реализации инвестиционных проектов резидентов либо подписание соглашений о намерениях по размещению на территории парка;
- привлечение на территорию технопарка сервисных компаний, институтов развития и иных организаций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / CONCLUSION

Важной ключевой особенностью инфраструктурной модели является соответствие федеральным требованиям. Как правило, бизнес реализует инвестиционный проект под себя, опираясь больше на собственные или заемные средства. В дальнейшем на каком-то этапе развития ведется поиск иных источников финансирования, в том числе государственные субсидии и гранты. Только в этот период бизнес начинает изучать нормативную правовую базу, особенно требования к таким объектам. В связи с этим многие технопарки в сфере высоких технологий, которые были созданы по инвестиционной модели в последние пять лет, не соответствуют той идеологии и тем требованиям, что прописаны в постановлении Правительства РФ №1381⁴. Следовательно, инвестиционные проекты были разработаны с учетом федеральных требований и стандартов, чтобы обеспечить их успешную реализацию и достижение поставленных целей. Если проекты не соответствуют требованиям, необходимо внести изменения и доработки.

Технопарки в сфере высоких технологий играют ключевую роль в развитии экономики России. Они способствуют развитию инноваций, новых технологий и высокотехнологичных производств и наукоемкого бизнеса. Важно, чтобы развитие таких технопарков было оптимально организовано с учетом современных требований и мер регулирования.

⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 25 августа 2023 г. № 1381. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202308300018> (дата обращения: 14.03.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гришин В.Н., Гуреев П.М., Дуненкова Е.Н. и др. Развитие инновационного потенциала промышленности в условиях обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации. М.: Русайнс; 2023. 178 с.

Громова Е.А. Технопарки в сфере высоких технологий: анализ новелл законодательства. *Lex Russica* (Русский закон). 2023;9(202):110–120. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.202.9.110-120>

Дегтярева В.В., Серегин М.С. Технопарки в сфере высоких технологий – новое цифровое развитие инфраструктуры. *Modern Economy Success*. 2023;2:190–196.

Евлоева М.М. Эффективность организации технопарка в сфере высоких технологий в Республике Ингушетия. Научные исследования и разработки. *Экономика*. 2017;3:46–50.

Камчатова Е.Ю., Брославская К.В. Исследование мер поддержки высокотехнологических проектов в рамках реализации стратегии инновационного развития Российской Федерации. *Путеводитель предпринимателя*. 2020;4:163–173. <https://doi.org/10.24182/2073-9885-2020-13-4-163-173>

Кулаков К.Ю., Верстина Н.Г., Мещерякова Т.С. Инновационная инфраструктура и инновационный климат: экосистема инновационного развития. *E-Management*. 2022;5(1):32–42. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2022-5-1-32-42>

Носонов А.М. Технопарки России: особенности развития, территориальная дифференциация и эффективность. *Географическая среда и живые системы*. 2020;4:70–86. <https://doi.org/10.18384/2712-7621-2020-4-70-86>

Тарасова В.Н., Ляпина С.Ю., Дегтярева В.В. Специалисты по инновациям как аналитики цифровой трансформации (на примере развития транспортных систем будущего). *Инновации*. 2019;12(254):11–21.

Хаханов С.Н. Методы управления современными технопарками в сфере высоких технологий с учетом опыта развития технопарка «Сколково». В кн.: Научный форум: экономика и менеджмент: материалы XXVI Международной научно-практической конференции, Москва, 15 апреля 2019 г. М.: Международный центр науки и образования; 2019. С. 39–48.

Chen X., He Q., Zhang Xinyue, Cao T., Liu Y. What motivates stakeholders to engage in collaborative innovation in the infrastructure megaprojects? *Journal of Civil Engineering and Management*. 2021;27(8):579–594. <https://doi.org/10.3846/jcem.2021.15612>

Kniazevych A., Olikhovskiy V., Olikhovska M. Clustering of the economy as a means of developing an innovation infrastructure. *Baltic Journal of Economic Studies*. 2021;7(3):134–139. <https://doi.org/10.30525/2256-0742/2021-7-3-134-139>

Kurniawati M.A. ICT infrastructure, innovation development and economic growth: a comparative evidence between two decades in OECD countries. *International Journal of Social Economics*. 2020;48(1):141–158. <https://doi.org/10.1108/ijse-05-2020-0321>

Mosurovic-Ruzjic M., Semencenko D., Kutlaca D. Innovation infrastructure for technology transfer and diffusion in Serbia. *Marketing*. 2015;46(1):36–46. <https://doi.org/10.5937/markt1501036M>

REFERENCES

Chen X., He Q., Zhang Xinyue, Cao T., Liu Y. What motivates stakeholders to engage in collaborative innovation in the infrastructure megaprojects? *Journal of Civil Engineering and Management*. 2021;27(8):579–594. <https://doi.org/10.3846/jcem.2021.15612>

Degtyareva V.V., Seregin M.S. Technoparks in the field of high technologies – new digital infrastructure development. *Modern Economy Success*. 2023;2:190–196. (In Russian).

Evloeva M.M. Effectiveness of the technopark organization in the field of high technologies in the Republic of Ingushetia. *Scientific Research and Development. Economics*. 2017;3:46–50. (In Russian).

Grishin, V.N., Gureev, P.M., Dunenkova, E.N. Industry innovative potential development in the conditions of ensuring the technological sovereignty of the Russian Federation. Moscow: Rusains; 2023. 178 p. (In Russian).

Gromova E.A. Technology Parks in High Tech Sphere: New Legislation Analysis. *Lex Russica*. 2023;9(202):110–120. (In Russian). <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.202.9.110-120>

Kamchatova E. Yu., Broslavskaya K.V. Analysis of institutions for support of high-tech projects in the framework of the implementation of the Strategy for Innovative development of the Russian Federation. *Entrepreneur's Guide*. 2020;4:163–173. (In Russian). <https://doi.org/10.24182/2073-9885-2020-13-4-163-173>

Khakhanov S.N. Methods of management technology parks in the sphere of high technologies based on the experience of development of technopark “Skolkovo”. In: *Scientific forum: Economics and Management: Proceedings of the XXVI International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 15, 2019*. Moscow: International Center for Science and Education; 2019. Pp. 39–48. (In Russian).

Kniazevych A., Olikhovskiy V., Olikhovska M. Clustering of the economy as a means of developing an innovation infrastructure. *Baltic Journal of Economic Studies*. 2021;7(3):134–139. <https://doi.org/10.30525/2256-0742/2021-7-3-134-139>

Kulakov K. Yu., Verstina N.G., Meshcheryakova T.S. Innovation infrastructure and innovation climate: innovation development ecosystem. *E-Management*. 2022;5(1):32–42. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2022-5-1-32-42>

Kurniawati M.A. ICT infrastructure, innovation development and economic growth: a comparative evidence between two decades in OECD countries. *International Journal of Social Economics*. 2020;48(1):141–158. <https://doi.org/10.1108/ijse-05-2020-0321>

Mosurovic-Ruzjic M., Semencenko D., Kutlaca D. Innovation infrastructure for technology transfer and diffusion in Serbia. *Marketing*. 2015;46(1):36–46. <https://doi.org/10.5937/markt1501036M>

Nosonov A.M. Technoparks of Russia: features of development, territorial differentiation and efficiency. *Geographical Environment and Living Systems*. 2020;4:70–86. (In Russian). <https://doi.org/10.18384/2712-7621-2020-4-70-86>

Sun R., Liu Y., Zhao J. Innovation Network Reconfiguration Makes Infrastructure Megaprojects More Resilient. *Computational Intelligence and Neuroscience*. 2022;2022:1–16. <https://doi.org/10.1155/2022/1727030>

Sun R., Liu Y., Zhao J. Innovation Network Reconfiguration Makes Infrastructure Megaprojects More Resilient. *Computational Intelligence and Neuroscience*. 2022;2022:1–16. <https://doi.org/10.1155/2022/1727030>

Wang C. et al. Synergistic development in the Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area: Index measurement and systematic evaluation based on industry-innovation-infrastructure-institution perspectives. *Journal of Cleaner Production*. 2024;434:140093. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2023.140093>

Zhang R., Xiaolong X., Zhang Y. The cascade effect of collaborative innovation in infrastructure project networks. *Journal of Civil Engineering and Management*. 2021;27(3):175–187. <https://doi.org/10.3846/jcem.2021.14525>

Tarasova V.N., Lyapina S.Yu., Degtyareva V.V. Specialists in innovation as analytics of digital transformation (example of the development of future transport systems). *Innovatsii*. 2019;12(254):11–21. (In Russian).

Wang C. et al. Synergistic development in the Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area: Index measurement and systematic evaluation based on industry-innovation-infrastructure-institution perspectives. *Journal of Cleaner Production*. 2024;434:140093. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2023.140093>

Zhang R., Xiaolong X., Zhang Y. The cascade effect of collaborative innovation in infrastructure project networks. *Journal of Civil Engineering and Management*. 2021;27(3):175–187. <https://doi.org/10.3846/jcem.2021.14525>

Стратегии Китая и Индии в Индо-Тихоокеанском регионе

Карсанова Елена Созрикеевна

Д-р полит. наук, проф. каф. политологии

ORCID: 0000-0002-3000-8009, e-mail: eskarsanova@fa.ru

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 125993, Ленинградский пр-кт, 49, г. Москва, Россия

Аннотация

В статье исследуются и оцениваются стратегические инициативы Китая и Индии в Индо-Тихоокеанском регионе, выявляются новые геополитические проблемы и стратегические дилеммы, обсуждаются возникающие возможности и варианты решения развивающихся угроз и вызовов. Особое внимание уделено политике Китая, чей геополитический интерес вращается вокруг трех морских зон – Южно-Китайского моря, Индийского и Тихого океанов. Китай в целом добивается успеха в достижении своих региональных целей, но именно из-за этого он сталкивается с растущими для себя проблемами: оборонительные меры безопасности истолковываются государствами региона как наступательные, что на практике конвертируется в довольно хрупкий «баланс угроз». Индия сосредоточилась на защите своей территории с помощью сильной сети союзников, которая представляет преимущество для страны как в коммерческом, так и в военном отношении, а также важнейший элемент сдерживания китайского влияния в регионе. При этом Индия не стремится стать балансирующей силой в Индо-Тихоокеанском регионе, но использует текущую напряженность между Соединенными Штатами Америки и Китаем как реальный шанс противостоять китайской экспансии. Устойчивая тенденция наращивания военной мощи (в том числе на спорных территориях), уплотнение инфраструктурной сети, формирование «специальных стратегических и глобальных партнерств», по мнению автора, указывают на рост стратегической конкуренции и повышают вероятность обострения конфронтации в ближайшие десятилетия.

Ключевые слова: Индо-Тихоокеанский регион, Азиатско-Тихоокеанский регион, Южно-Китайское море, геополитические интересы, Китай, Индия, региональная безопасность, «Один пояс и один путь», «баланс угроз»

Для цитирования: Карсанова Е.С. Стратегии Китая и Индии в Индо-Тихоокеанском регионе // Управление. 2024. Т. 12. № 2. С. 74–81. DOI: 10.26425/2309-3633-2024-12-2-74-81

Strategies of China and India in the Indo-Pacific region

Elena S. Karsanova

Dr. Sci. (Polit.), Prof. at the Political Science Department

ORCID: 0000-0002-3000-8009, e-mail: eskarsanova@fa.ru

Financial University under the Government of the Russian Federation, 49 Leningradsky prospekt, Moscow 125993, Russia

Abstract

The article explores and assesses the strategic initiatives of China and India in the Indo-Pacific region, identifies new geopolitical problems and strategic dilemmas, and discusses emerging opportunities and options to address evolving threats and challenges. Special attention has been paid to the policies of China, whose geopolitical interest revolves around three maritime zones such as the South China Sea, the Indian Ocean and the Pacific Ocean. China has been generally successful in achieving its regional objectives, but it is precisely because of this that it faces growing challenges for itself since defensive security measures are interpreted by regional states as offensive, which in practice converts into a rather fragile “balance of threats.” India has focused on defending its territory with a strong network of allies, which represents an advantage for the country both commercially and militarily, as well as a crucial element in containing Chinese influence in the region. That said, India is not seeking to become a balancing force in the Indo-Pacific region, but is using the current tensions between the United States and China as a real chance to counter Chinese expansion. In the author’s opinion, the steady trend of military buildup (including in disputed territories), infrastructure network densification, and “special strategic and global partnerships” formation point to the strategic competition growth and increase the likelihood of confrontation escalation in the coming decades.

Keywords: Indo-Pacific region, Asian-Pacific area, South China Sea, geopolitical interests, China, India, regional security, Asia-Pacific policy, Belt and Road Initiative, “balance of threats”

For citation: Karsanova E.S. (2024). Strategies of China and India in the Indo-Pacific region. *Upravlenie / Management (Russia)*, 12 (2), pp. 74–81. DOI: 10.26425/2309-3633-2024-12-2-74-81

Введение / Introduction

В Индийском океане расположены одни из самых быстрорастущих экономик мира, и он соединяет их как с Атлантическим океаном, так и с Азиатско-Тихоокеанским регионом. Под пристальным международным вниманием находятся стратегические морские торговые пути, соединяющие Ближний Восток, Африку и Восточную Азию с Европой и Соединенными Штатами Америки (далее – США), по которым проходит большая часть мировой морской торговли нефтью и почти треть общего объема мировой торговли.

Обновленный взгляд на это пространство появился благодаря современным событиям, а именно подъему Китая, появлению Индии и Японии в качестве «средних держав» и расширяющемуся присутствию США в регионе. Активное присутствие Китая в Южно-Китайском море, Индийском и Тихом океанах не может не беспокоить Индию. Будучи одной из крупнейших развивающихся экономик мира и второй по величине военных расходов в Индо-Тихоокеанском регионе, Индия оказалась привлекательным противовесом для усилий США по противодействию подъему Китая. В этом контексте Китай, США и Индия являются тремя наиболее важными стратегическими игроками в регионе.

Формат статьи ограничивается измерением соперничества Китая и Индии в формировании архитектуры безопасности Индо-Тихоокеанского региона.

Концепция Индо-Тихоокеанского региона / Indo-Pacific region concept

Меняющаяся международная динамика и новые ориентации в области безопасности привели к переосмыслению геополитического определения региона. Индо-Тихоокеанская стратегия была впервые официально объявлена президентом США Дональдом Трампом во время его поездки в Азию в ноябре 2017 г. Это относительно новая морская стратегия, разрабатываемая и реализуемая четырьмя странами: США, Японией, Австралией и Индией. Она состоит из двух ключевых элементов, которые в основном относятся к экономической интеграции и оборонному сотрудничеству со странами Индо-Тихоокеанского региона. Стратегия направлена на реализацию масштабных альтернативных планов с достаточными финансовыми обязательствами перед странами региона и, соответственно, на консолидацию и расширение сети партнерства США, поддержание ее гегемонии в регионе, а также подрыв отношений Китая с государствами Индийского и Тихого океанов.

Акцент на соперничестве великих держав в Индо-Тихоокеанском дискурсе все больше вытесняет первоначальный подтекст концепции Азиатско-Тихоокеанского региона – более широкого панрегионального сотрудничества. В этом смысле термин несет в себе значительный потенциал для региональных и глобальных конфликтов. Хотя Индо-Тихоокеанский регион частично совпадает с концепцией Азиатско-Тихоокеанского региона, эти две смысловые конструкции не идентичны по своему политическому значению. Термин «Азиатско-Тихоокеанский регион» представляет пространство, в котором экономическое процветание и гарантии безопасности неразрывно связаны, «Индо-Тихоокеанский регион», напротив, – концептуальную дихотомизацию взаимосвязи между экономикой и безопасностью. Независимо от адекватности сравнения одна из ключевых причин популярности идеи Индо-Тихоокеанского региона заключается в широкомасштабной наступательной стратегии и политики Китая в Индийском и Тихом океанах.

Стратегия Китая в Индо-Тихоокеанском регионе / China's strategy in the Indo-Pacific region

Теория политического реализма Джона Миршаймера предполагает, что могущественные государства пытаются установить «гегемонию в своем регионе и не допускать доминирования других великих держав в их регионах... Китай действует в соответствии с логикой реализма. Он хочет быть самой мощной державой в своем регионе, а в итоге и в мире», а подъем Китая в Индо-Тихоокеанском регионе аналогичен доминированию Америки в Западном полушарии [Миршаймер, 2022, с. 167].

Миршаймер прав в своем прогнозе – Китай полностью доминирует в Южно-Китайском море, его влияние в Индийском океане растет, а благодаря инициативе «Один пояс и один путь» (от англ. Belt and Road Initiative, BRI) он уверенно движется к тому, чтобы стать доминирующей державой в Индо-Тихоокеанском регионе.

Посредством инициативы BRI Китай сможет построить политические и экономические отношения с почти 60 странами на четырех континентах. Таким образом, реалистичный взгляд на формирующуюся геополитику в Индо-Тихоокеанском регионе предполагает острую конкуренцию в области безопасности со значительным потенциалом военных конфликтов.

Основанная на реалистической теории баланса сил, теория «баланса угроз» Стивена Уолта говорит о том, что угроза безопасности страны заставляет

правительство либо устанавливать каналы сотрудничества с потенциальным соперником, либо создавать противодействующие межгосударственные альянсы. Поведение таких альянсов диктуется масштабами угроз, рассматриваемых с точки зрения «совокупной [экономической] мощи, наступательных [военных] возможностей, [предполагаемых] наступательных намерений и географической близости» [Walt, 1987, p. 22].

Самое большое преимущество Китая в регионе заключается в его близости к Индийскому океану и его контроле над большей частью береговой линии Восточно-Китайского моря, а также частью береговой линии Южно-Китайского моря. Территориальная близость является важнейшим преимуществом для обеспечения быстрого развертывания сил и, соответственно, может привести к более высоким показателям успеха в операциях. Китай впервые заявил о своей заинтересованности в развитии потенциала для действий в иностранных водах еще в 2008 г., выпустив официальный оборонный документ.

Заметным событием, иллюстрирующим напористость Китая, является создание в 2017 г. военноморского логистического центра в Джибути. Пекин обосновал необходимость этого объекта тем, что он будет проводить миротворческие операции и сосредоточится на защите зарубежных граждан. Однако стоит отметить, что это также обеспечивает Китаю усиление военного присутствия в Индийском океане. В своей «Белой книге» 2019 г. Китай отметил, что «заморские интересы являются важнейшей частью национальных интересов Китая», военноморские силы Китая «ускоряют переход своих задач от обороны в ближнем море до задач по охране в дальнем море», подтверждая тем самым завышенные ожидания [García-Sanz, 2020]. Надежды Китая на создание «морской мощи» направлены на создание потоков энергетической безопасности в Индийском океане, поддержку инициативы Шелкового пути и получение контроля над своими (спорными) претензиями на территории Восточного и Южно-Китайского морей¹.

Китай тщательно разрабатывает стратегический план, который наилучшим образом защитит его интересы, если США, Индия и другие страны-единомышленники решат противодействовать, например, в случае вторжения китайской армии на Тайвань. Он также проецирует свою мощь в Индийском океане с целью обеспечить безопасность Малаккского

пролива, который имеет решающее значение для его экономики, и противостоит Индии, с которой у него есть территориальные споры и чей морской периметр близок. Иными словами, мы видим присутствие на суше и на море страны, которая оспаривает роль Индии как региональной державы в этой среде и с которой существуют серьезные противоречия. Это создает дилемму безопасности для Индии, которая требует расширения рамок конфликта и поиска союзников, что противоречит ее историческому характеру как «неприсоединившейся» страны.

Китай претендует на суверенитет над разбросанными островами, скалами, атоллами и рифами в районе Парасель и Спратли. Это приводит к морским и территориальным спорам с Брунеем, Малайзией, Индонезией и прежде всего с Филиппинами и Вьетнамом. Остров Хайнань, расположенный в верхней части Южно-Китайского моря, дает Китаю важную геополитическую опору и преимущества для проецирования военной силы. База подводных лодок в Юйлине обеспечивает мгновенное развертывание китайских сил в Южно-Китайском море, а затем в западной части Тихого океана или в Индийском океане. Остров Вуди, один из Парасельских островов, продолжает строиться как центр проецирования мощи военно-морских и военно-воздушных сил Китая дальше в Южно-Китайское море, и в мае 2018 г. на него приземлились современные бомбардировщики H-6K [Jochheim, 2023].

На данный момент Китаем создано несколько искусственных военных баз в Южно-Китайском море, предназначенных для расширения наступательного потенциала Пекина за пределами его континентальных берегов. Благодаря этим военным базам государство сможет лучше контролировать Малаккский пролив, через который проходит 80 % китайского импорта нефти, и не допустить возможности блокировки этого стратегического морского пути США.

В целом Индо-Тихоокеанская стратегия Пекина основана на сочетании экономических, дипломатических и военных факторов как на международном, так и на региональном уровнях. Стратегия Китая названа «стратегией жемчужной нити», которая на практике представляет серию торговых портов и коммуникационных объектов вдоль своих стратегических морских линий связи, берущих начало из богатой ресурсами Африки и Ближнего Востока [Jochheim, 2023]. Китай в состоянии расширить свое военноморское присутствие за счет гражданской морской инфраструктуры двойного назначения.

Именно этой цели он достиг с помощью BRI, представляющий серию целенаправленных инвестиций в порты Индийского океана, которые можно

¹ Zongyi L. India's Political Goals Hinder Cooperation with China on 'Belt, Road'. Режим доступа: <https://paddy1234.blogspot.com/2016/07/indias-political-goals-hinder.html> (дата обращения: 04.03.2024).

было бы использовать в качестве военно-морских баз. К зарубежным опорным пунктам Китая относятся: Порт Кьяукпью, Мьянма, Порт Гвадар, Пакистан, Порт Хамбантога, Шри-Ланка, Военно-морская база Реам, Камбоджа, Порт Лаем Чабанг, Таиланд, Порт Дар-эс-Салам, Танзания, логистический комплекс в Джибути (эта база обеспечивает непосредственную близость к Баб-эль-Мандебскому проливу, который является точкой входа в Суэцкий канал и, следовательно, на нефтяные рынки Европы и Северной Америки, а также точкой доступа для африканской и азиатской нефти) [Jochheim, 2023]. Эти базы могут быть использованы для окружения соседних стран и обеспечения большей близости Пекина к стратегическим местам в Индо-Тихоокеанском регионе. Китай также увеличил количество своих надводных боевых сил, в том числе количество подводных лодок, действующих в Индийском океане с 2013 г. [Jochheim, 2023].

Пекин активно ищет глубоководные порты, чтобы иметь возможность швартовать большие тяжелые суда (например, военные корабли), размещать персонал и хранить оборудование. Этот тип коммерческих предприятий затем может быть использован как для коммерческих, так и для военных целей, и Китай удобно расположил их вдоль своего Морского Шелкового пути. Тем не менее китайские чиновники последовательно отрицают двойное использование проектов BRI, поскольку инфраструктура скрыта в коммерческой среде. Потенциально Китай сможет использовать экономическое принуждение в своих интересах, заставляя соседние страны поддерживать или по крайней мере принимать его политику в отношении Тайваня. Он также может использовать свою экономическую мощь, чтобы заставить страны признать его территориальные претензии в Южно-Китайском море. Аналогичным образом стратегическое расположение порта Гвадар в Пакистане в зависимости от его способности принимать надводные боевые силы Народно-освободительной армии Китая может защитить интересы Пекина в Ормузском проливе. Китай строит авиабазы и портовые сооружения на островах Спратли на Суби-Рифе, Мисчиф-Рифе и Файери-Кросс, добавляя взлетно-посадочные полосы, ангары, хранилища оружия и резервуары для хранения топлива [Brewster, 2006].

Пекин сделал значительные инвестиции в ряде стран и также намерен использовать их в военных целях. Вопрос о том, в какой степени этого можно достичь, является спорным: некоторые эксперты утверждают, что военный потенциал, к которому стремится Китай, не будет получен за счет коммер-

ческих инвестиций [Jochheim, 2023]. Многие из портов и инвестиций в инфраструктуру, которые он построил в рамках BRI, не могут поддерживать надводные боевые силы и не принесут большой пользы в потенциальном военном конфликте. Некоторые из перечисленных портов также расположены вблизи очень сложной топографии (например, Гималаи) и/или вблизи нестабильных регионов, что может сделать их уязвимыми для потенциального нападения в случае конфликта.

Пропагандируя озабоченность торговой безопасностью, Китай умело использует свои коммерческие интересы в регионе Индийского океана, чтобы узаконить свое непропорционально расширяющееся военное присутствие в регионе. Энергичная политика Китая в Индо-Тихоокеанском регионе, отсутствие прозрачности в инициативе BRI не могут не беспокоить Индию, которая уже осознает, что она не в состоянии противостоять агрессивным инициативам Китая по мягкой силе и ей придется приложить значительные политико-дипломатические усилия, чтобы противостоять китайскому влиянию. Усиление присутствия Китая в Индо-Тихоокеанском регионе усложняет расчеты безопасности Индии, что заставляет ее пересмотреть свои риски и оценки безопасности.

Стратегия Индии в Индо-Тихоокеанском регионе / India's strategy in the Indo-Pacific region

Политика «неприсоединения», проводимая на протяжении большей части XX в., привела к тому, что Индия уступила региональное влияние и рассматривалась как не более чем второстепенный игрок в геополитике Индо-Тихоокеанского региона. Интерес Индии к региону восходит к началу 1990-х гг., когда тогдашний премьер-министр Индии П.В. Нарасимха Рао запустил политику «Взгляд на Восток», направленную на расширение экономического взаимодействия со странами к востоку от Индии [Brewster, 2006].

Однако масштаб реализации политики «Взгляд на Восток» был настолько незначительным, что он не повлиял на заметный региональный вес Индии. В нынешнем десятилетии политическое руководство Индии пожелало признать, что стране пришло время действовать в качестве региональной державы, и согласилось на более энергичные меры в Индо-Тихоокеанском регионе. Индия стала проявлять дипломатическую активность в северной части Индийского океана и в Африке. Одной из главных мер по улучшению своего имиджа в Индо-Тихоокеанском регионе стало усиление ее активности

на Востоке: она активизировала взаимодействие с Вьетнамом, Индонезией и Филиппинами, публично поддержала Вьетнам и Филиппины в их спорах с Китаем. В марте 2015 г. премьер-министр Нарендра Моди в рамках одной поездки посетил Сейше-лы, Маврикий и Шри-Ланку, заверив эти страны в способности Индии быть поставщиком сетевой безопасности в этом океаническом пространстве, что означает резкую переориентацию индийского стратегического мышления.

Материковая часть Индии, а также ее многочислен-ные острова, включая Андаманские и Нико-барские, обеспечивают ей огромное географическое присутствие в Индийском океане и, следовательно, позволяют проецировать значительное влияние в регионе. Однако политические и территориальные споры с соседними странами, в первую очередь Пакистаном и Китаем, сохраняются.

Китайско-индийские отношения исторически были напряженными из-за нерешенных погранич-ных споров. В последние годы на фоне политического сближения Китая с Пакистаном, о чем свидетель-ствует китайско-пакистанский экономический ко-ридор, который не лишен военно-стратегического значения, китайско-индийские отношения ухуд-шились. Являясь ключевым звеном в BRI, коридор, включающий транспортные (железнодорожные, автомобильные), энергетические и инфраструктур-ные проекты, нарушает территориальную целостность Индии. Этот сюжет демонстрирует двойные стан-дарты Китая в отношении территориального суве-ренитета, поскольку, с одной стороны, Пекин вы-ступает против международного финансирования проектов в Аруначал-Прадеше на том основании, что это спорная территория, а с другой – не видит возражений в проведении китайско-пакистанского экономического коридора через оккупированный Пакистаном Кашмир.

Особую обеспокоенность у Индии вызывают тесные отношения Китая с Мальдивами, Шри-Ланкой, Маврикием и Сейшельскими островами. Премьер-министр Индии Нарендра Моди сделал рассмотрение новой динамики безопасности в регионе ключевой частью своей политической повестки. Индия разработала свою собственную «стратегию бриллиантового ожерелья» в ответ на китайскую стратегию «жемчужной нити». Она направлена на установление прочного военно-морского сотру-дничества между основными державами в Индийском океане. В соответствии со Стратегией и для проти-водействия захвату Китаем узкого прохода в Мо-замбикском проливе, Индия в 2015 г. подписала соглашение с Сейшельскими островами, позволяющее

использовать остров Успения в военных целях. В 2015 г. Индия также достигла соглашения с вла-стями Маврикия, предоставляющего индийским силам доступ к объектам в Агалеге с предвари-тельным уведомлением и разрешение на строительство взлетно-посадочной полосы и причала [Brewster, 2006]. Нарастание морских перевозок Индии соответствует ее обновленной перспективе стать более влиятельным игроком в регионе. Индия все чаще обнаруживает свои стремления к проециро-ванию силы в глубь и за пределы региона Индий-ского океана. Стратегическое мышление, которое ограничивалось операциями по «защите прибреж-ного моря», сегодня уступило место увеличению военно-морского присутствия страны в Индо-Тихоокеанском регионе.

Дели вполне обоснованно рассматривает расту-щее китайское присутствие в Индийском океане как угрозу, требующую ответного реагирования, поскольку коммерческие интересы Индии в Тихом и Индийском океанах могут быть ограничены ге-гомнистским Китаем. Изменение политических взглядов Индии, предполагающее более активную роль в региональной геополитике, сделало ее более заметной в индо-тихоокеанских дискурсах². Актив-ность Индии по усилению своего влияния в Индо-Тихоокеанском регионе проявляется в поддержке многочисленных инициатив по наращиванию во-енного потенциала в регионе Индийского океана. Она все чаще демонстрирует растущую готовность взять на себя роль гаранта безопасности, чего от нее ожидают многие прибрежные страны региона, и стре-мится к тому, чтобы ее считали доминирующим игроком в установлении меняющегося баланса сил и на других театрах военных действий в Индо-Тихоокеанском регионе. Движущей силой такой смены ролей стала политика Н. Моди «Действуй на Востоке», которая активизировала взаимодействие со странами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, а также Австралией, странами Океании, Ре-спубликой Корея и Японией³.

Таким образом, ослабив свою жесткую позицию неприсоединения, современная Индия стала откры-та для развития стратегических отношений с регио-нальными державами, такими как Япония, Австралия и США. Четырехсторонний диалог по безопасности (QUAD) имеет важное значение: у союзников перед

² Deshpande P.P. India's Indo-Pacific strategy to counter China. Режим доступа: <https://timesofindia.indiatimes.com/blogs/truth-lies-and-politics/indias-indo-pacific-strategy-to-counter-china/> (дата обращения: 04.03.2024).

³ Дипломатический словарь. Режим доступа: <http://diplomaticdictionary.com/dictionary> (дата обращения: 04.03.2024).

лицом общих угроз сформировалось новое коллективное видение, которое заключается в противодействии региональному влиянию Китая и несогласии с любым односторонним изменением статус-кво. По сути, Индия сосредоточилась на защите своей территории с помощью плотной сети союзников, которые могут одновременно выступать в качестве сдерживающего фактора для Китая.

Однако нынешнее правительство изменило стратегическое мышление Индии, и одной из самых больших проблем стал растущий разрыв в потенциале между ее вооруженными силами. Хотя это еще не является источником серьезной обеспокоенности, быстрые темпы, с которыми Китай наращивает свой морской флот, в отличие от запоздалого и трудоемкого аналогичного процесса в Индии расширяющийся разрыв в возможностях могут стать критическими проблемами в будущем. Проблематичным является и то, что все соседи (кроме Бутана) присоединились к инициативе BRI⁴. Если Индия продолжит дистанцироваться от проектов экономического сотрудничества с участием Китая и стран Южной Азии, участники, являющиеся ее соседями, будут отдаляться от нее, что не в ее интересах.

Заключение / Conclusion

Баланс сил в Индо-Тихоокеанском регионе изменился в результате подъема Китая за последние два десятилетия. Хотя этот сдвиг наиболее очевиден в Южно-Китайском море, Китай стремится распространить данное преимущество на весь Индо-Тихоокеанский регион. Однако отсутствие прозрачности китайских проектов и инициатив подпитывает широко распространенное мнение о том, что Китай имеет в том числе наступательные намерения.

Указанная проблема особенно остро воспринимается среди непосредственных соседей Китая, где его географическая близость вызывает общее беспокойство. Это было хорошо проиллюстрировано весной 2019 г. в Южно-Китайском море, когда давление Китая на филиппинские владения Пагаса/Титу в Парасельских островах привело к обратным результатам: Манила склонилась к более тесному сотрудничеству в сфере безопасности с США, и сегодня является источником сдерживания со стороны заинтересованных держав Индо-Тихоокеанского региона. Очевидно, что чем дальше Китай продвигается через Индо-Тихоокеанский регион, тем с большими уравновешивающими геоэкономическими

и геополитическими контрответами со стороны соседних держав Индо-Тихоокеанского региона он сталкивается. Кроме того, распространение соперничества Китая и Индии за морскую территорию явно затрагивает интересы государств региона, а также интересы США и других держав, имеющих собственные геополитические интересы.

Возможная трансформация внешней политики Индии от старых представлений о неприсоединении и стратегической автономии до нового акцента на развитие стратегического партнерства с США, Японией и другими странами может способствовать возрастанию роли Индии как крупной державы в Южной Азии и Индо-Тихоокеанском регионе. Эта эволюция потенциально может трансформировать прошлые политические ориентиры на новые и даже склонить Индию к более агрессивным стратегическим действиям. Китай в свою очередь будет стремиться сузить стратегическое пространство Индии, проникая в соседние с ней страны. Если Индия, отказавшись от роли регионального балансира, не сможет противостоять этому проникновению, она не сможет сместить меняющийся баланс сил в Индо-Тихоокеанском регионе и свести на нет стратегические достижения Китая. Однако у Китая нет надежных союзников, в то время как другие державы в регионе, такие как США и Индия, создали множество партнерств в сфере региональной безопасности и поэтому могут рассчитывать на других поставщиков услуг безопасности, которые также извлекают выгоду из стратегической близости к Южно-Китайскому морю и двум океанам.

⁴ Minwang L. Belt and Road: India's Dilemma. Режим доступа: <http://chinaindiadialogue.com/belt-and-road-indias-dilemma> (дата обращения: 04.03.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Мишаймер Д. Неизбежное соперничество. Россия в глобальной политике. 2022;1(20):166–181. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-1-166-181>

Brewster D. Indo-Pacific Maritime Security: Challenges and Cooperation, India and the India Pacific Balance. National Security College Australian National University; 2016.

García-Sanz D. China: Grand Strategy and Seapower in the Xi Jinping Era. URVIO. Latin American Journal of Security Studies. 2020;27:57–72.

Jochheim U., Lobo R.B. European Parliamentary Research Service PE 751.398. European Parliamentary Research Service; 2023. 12 p.

Walt S. The Origin of Alliances. Ithaca: Cornell University Press, 1987. 321 p.

REFERENCES

Brewster D. Indo-Pacific Maritime Security: Challenges and Cooperation, India and the India Pacific Balance. National Security College Australian National University; 2016.

García-Sanz D. China: Grand Strategy and Seapower in the Xi Jinping Era. URVIO. Latin American Journal of Security Studies. 2020;27:57–72.

Jochheim U., Lobo R.B. European Parliamentary Research Service PE 751.398. European Parliamentary Research Service; 2023. 12 p.

Mirshaimer D. Inevitable Rivalry. Russia in Global Affairs. 2022;1(20):166–181. (In Russian). <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-1-166-181>

Walt S. The Origin of Alliances. Ithaca: Cornell University Press, 1987. 321 p.

Роль трудовых мигрантов из Центральной Азии в социально-экономическом развитии России в условиях новых глобальных вызовов

Рахмонов Абубакр Хасанович

Канд. экон. наук, ст. науч. сотр.

ORCID: 0000-0001-9924-5857, e-mail: abubak.93@mail.ru

Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук, 119333, Фотиевой ул., 6к1, г. Москва, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются история миграции между странами Центральной Азии (далее – ЦА) и Россией, факторы и масштабы эмиграции в Россию на фоне санкций со стороны Европейского союза и Соединенных Штатов Америки, вклад мигрантов в экономическое и демографическое развитие государства. Миграционные процессы из Центральной Азии в Россию имеют давнюю историю, берущую начало еще с советских времен. После распада Советского Союза миграция приобрела невообразимые масштабы и стала одним из важнейших факторов, влияющих на экономическую и политическую жизнь как в Центральной Азии, так и в России. Трудовая миграция началась в конце 1990-х гг. и достигла своего пика в 2014 г. В период нахождения в России мигранты сталкивались с различными кризисами. Они всегда играли значительную роль в социально-экономическом развитии страны. Хотя миграция всегда имела как положительные, так и отрицательные последствия для принимающих стран, с экономической точки зрения она оказывает скорее положительное влияние на экономику. После февраля 2022 г. западные страны ввели новые экономические и политические санкции в отношении России, которые повлияли на положение и ориентацию трудовых мигрантов из стран Центральной Азии. Некоторые мигранты начали искать другие каналы эмиграции, в то время как большинство по-прежнему ориентированы на Россию. По сравнению с предыдущими кризисами в настоящее время на фоне новых санкций роль трудовых мигрантов в экономическом и демографическом развитии России возросла.

Ключевые слова: трудовые мигранты, санкции, страны Центральной Азии, Россия, социально-демографическое развитие, экономическое развитие, эмиграция, СССР, страны Запада

Для цитирования: Рахмонов А.Х. Роль трудовых мигрантов из Центральной Азии в социально-экономическом развитии России в условиях новых глобальных вызовов//Управление. 2024. Т. 12. № 2. С. 82–90. DOI: 10.26425/2309-3633-2024-12-2-82-90

Received: 19.03.2024

Revised: 22.05.2024

Accepted: 29.05.2024

Role of labor migrants from Central Asia in the socio-economic development of Russia in the context of new global challenges

Abubakr Kh. Rakhmonov

Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher

ORCID: 0000-0001-9924-5857, e-mail: abubak.93@mail.ru

Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, 6k1,
Fotievoi ul., Moscow 119333, Russia

Abstract

The article studies history of migration among the countries of Central Asia and Russia, the factors and scale of emigration to Russia against the background of sanctions from the European Union and the USA, and migrants' contribution to the economic and demographic development of the state. Migration processes from Central Asia to Russia have a long history dating back to Soviet times. After the collapse of the Soviet Union, migration took on unimaginable proportions and became one of the most important factors affecting economic and political life in both Central Asia and Russia. Labor migration began in the late 1990s and peaked in 2014. During their stay in Russia, migrants faced various crises. They have always played a significant role in the socio-economic development of the country. Although migration has always had both positive and negative consequences for the host countries, from an economic point of view it has rather a positive impact on the host countries' economies. After February 2022 Western countries have imposed new economic and political sanctions against Russia, which have affected the situation and orientation of migrant workers from Central Asian countries. Some migrants have started to look for other emigration channels, while the majority are still focused on Russia. Compared with previous crises, the migrant workers' role in Russia's economic and demographic development has increased now against the background of new sanctions.

Keywords: labor migrants, sanctions, Central Asian countries, Russia, socio-demographic development, economic development, emigration, USSR, Western countries

For citation: Rakhmonov A.Kh. (2024) "Role of labor migrants from Central Asia in the socio-economic development of Russia in the context of new global challenges". *Upravlenie / Management (Russia)*, 12 (2), pp. 82–90. DOI: 10.26425/2309-3633-2024-12-2-82-90

Введение / Introduction

Миграционные движения между Российской Федерацией (далее – РФ, Россия) и Центральной Азией (далее – ЦА) не являются новым процессом, тем не менее новые волны миграции наблюдаются после распада Советского Союза как следствие экономических потрясений, а также политической нестабильности [Rahmonova-Schwarz, 2010]. За последние три десятилетия Россия превратилась в важную целевую страну: в течение 1990-х гг. в Россию переселялись в основном этнические русские из республик ЦА. В 2000-х гг. все больше мигрантов из Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана последовали за ними в крупные российские города в поисках работы и, соответственно, обеспечения средств к существованию своих семей [Rahmonova-Schwarz, 2010].

Среди стран ЦА Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан являются странами-донорами трудовых мигрантов, в то время как Казахстан выступает страной-реципиентом. Следовательно, основное внимание в исследовании было уделено Кыргызстану, Таджикистану и Узбекистану [Muhre, 2014].

На фоне экономических и политических санкций против России со стороны европейских стран и Соединенных Штатов Америки (далее – США) миграцию можно рассматривать как основные источники развития демографии России, а также укрепления экономики и рынка труда. Новые санкции сильно повлияли на масштабы и приток мигрантов из стран ЦА в Россию. Такие факторы, как снижение курса рубля (на 12 % в 2023 г. по сравнению с 2021 г.), удорожание трудовых патентов (на 29 % в 2024 г. по сравнению с 2021 г.), уход иностранных компаний из России, открытие новых каналов эмиграции, в первую очередь в Великобританию и Южную Корею, повлияли на ориентацию части мигрантов из ЦА в Россию [Ryazantsev, Rakhmonov, 2023]^{1,2,3}.

Большая часть мигрантов из стран ЦА все еще сосредоточены на Россию по таким причинам, как экономическая стабильность России на фоне новых санкций, растущий дефицит рабочей силы на российском рынке труда, отсутствие безвизовых режимов между странами ЦА и Россией, экономическая зависимость некоторых стран ЦА, а также

заинтересованность России в привлечении и сохранении мигрантов, поскольку мигранты являются главным инструментом сохранения курса российской политики России в странах ЦА [Rakhmonov, 2023; Дробот, 2016].

Цель статьи – выявить влияние новых санкций на масштабы мигрантов из стран ЦА в России, а также определить вклад трудовых мигрантов в экономическое и демографическое развитие страны.

История миграции между странами ЦА и Россией / History of migration among Central Asian countries and Russia

С конца XIX в. примерно до 1970-х гг. Центральная Азия была регионом приема мигрантов, которые принадлежали к самым разным категориям: переселенцы в поисках работы, депортированные лица, а также беженцы и военнопленные Первой и Второй мировых войн. На протяжении целого столетия доля мигрантов и лиц иммигрантского происхождения в регионе росла и составляла более половины населения, особенно в некоторых городах. Однако уже в 1970-х гг. миграционный поток иссяк, и эмиграция из Центральной Азии превысила иммиграцию. Для этого был целый ряд причин, в первую очередь демографический дисбаланс: в то время как в России темпы роста и без того преимущественно урбанизированного населения снижались, в Центральной Азии, где преобладало сельское население, они продолжали расти [Ramet, 1978]. Миграция также была связана с началом активной «национализации» центральноазиатских элит, которые все больше беспокоились о своем статусе и усиливали свое присутствие на всех уровнях управления и экономики. Это вызвало у русскоязычной части населения ощущение, что они являются вытесненным меньшинством.

В 1980-е гг., то есть еще в советское время, начали стимулировать переселение в противоположном направлении: из перенаселенной Центральной Азии в Россию, где депопуляция и нехватка рабочей силы уже стали серьезной проблемой. Переселение происходило организованным путем, например, путем регулярного набора рабочей силы – так называемых трудовых батальонов армии, которые в действительности занимались строительством гражданских объектов в России. Наконец, начали планировать и даже реализовывать проект, имевший целью массовое и постоянное переселение целых семей из Средней Азии в сельские районы Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Однако эти планы были остановлены распадом Советского Союза [Ball, Demko, 1978].

¹ Курсы долларов ЦБ РФ в 2021. Режим доступа: <https://myfin.by/currency/cb-rf-archive/usd/2021> (дата обращения: 15.03.2024).

² Курсы долларов ЦБ РФ в 2023. Режим доступа: <https://myfin.by/currency/cb-rf-archive/usd/2023> (дата обращения: 15.03.2024).

³ Министерство внутренних дел. Статистические сведения по миграционной ситуации. Режим доступа: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya> (дата обращения: 15.03.2024).

Постсоветский миграционный обмен между Россией и странами ЦА после 1991 г. можно условно разделить на два этапа: 1990-е гг. и 2000-е гг.

Новые независимые республики объявили себя национальными государствами. Страны ЦА более или менее активно начали политику этнизации всех слоев общества в пользу «титальной нации». Следствием этого стала массовая миграция тех, кто стал меньшинством, в страны, которые они считали «своими»: русские, татары, северокавказцы и другие мигрировали в РФ, украинцы и крымские татары – в Украину, немцы – в Германию, евреи – в Израиль и т.д. [Yazdani, 2021].

Дополнительными факторами «толчка» стали тяжелый экономический кризис, охвативший все постсоветские страны, и политическая нестабильность, особенно в Таджикистане, где в 1992–1997 гг. шла гражданская война [Yazdani, 2021].

В конце 1990-х гг. – начале XXI в. произошли кардинальные изменения в основных тенденциях миграции из Центральной Азии в Россию. Хотя отток тех слоев населения, которые хотели вернуться на свою историческую родину, продолжался, наряду с этим возникла новая, быстрорастущая миграция, основной целью которой был трудовой доход. Первые трудовые мигранты прибыли в Россию вместе с основной волной репатриантов. Однако со временем трудовая миграция приобрела собственный импульс [Ryazantsev, Bogdanov, 2017].

Быстрое восстановление экономики России после кризиса 1998 г. в сочетании с продолжающимся сокращением численности населения привело к тому, что примерно к 2005 г. на российском рынке труда возник дефицит рабочей силы, чему способствовали безвизовый режим и культурные связи, которые привлекли мигрантов из бывших советских республик, которые в свою очередь имели избыток рабочей силы при продолжающемся росте населения, но снижении экономических показателей [Abashin, 2014].

В 2015 г. начался новый этап эмиграции из стран ЦА в Россию. Законодательство, регулирующее легальное пребывание мигрантов без российского гражданства, изменилось (легализация включает право на трудовую деятельность): появились безвизовый режим на ограниченный период, возможность получения патента на работу, а также разрешения на временное проживание и права на проживание. Для граждан Узбекистана и Таджикистана покупка патента на работу стала предварительным условием для законного проживания на срок более трех месяцев. Граждане Кыргызстана, являющегося членом Евразийского экономического союза с 2015 г., обязаны регистриро-

ваться только по месту жительства и заключать трудовой договор [Gurieva, 2019].

Факторы и масштабы эмиграции трудовых мигрантов из стран ЦА в Россию на фоне санкций со стороны стран Европейского союза и США / Factors and scale of labor migrants emigration from Central Asia to Russia against the background of sanctions by the European Union and the United States of America

На протяжении всего своего пребывания в России мигранты из стран ЦА сталкивались с различными кризисами, и каждый из них по-разному влиял на масштабы и приток мигрантов. Новые санкции западных стран в отношении России в связи с украинским конфликтом сильно повлияли на положение трудовых мигрантов из стран ЦА. Однако главным фактором, способствующим продолжению эмиграции на фоне санкций стран Европейского союза и США, остается экономическая стабилизация и растущий дефицит рабочей силы на российском рынке труда из-за неблагоприятного демографического развития [Rakhmonov, 2022]. По данным Международного валютного фонда, в 2023 г. валовой внутренний продукт РФ на душу населения составлял около 13 тыс. долл. США⁴. В странах ЦА в 2023 г. он составил: в Кыргызстане – 1,9 тыс. долл. США, в Таджикистане – 1,36 тыс. долл. США, в Узбекистане – 2,5 тыс. долл. США^{5,6,7}.

Другим фактором продолжения эмиграции является распространение русского языка в странах ЦА. За исключением Узбекистана, русский является официальным языком во всех странах региона [Летняков, 2015].

По авторским расчетам, основную долю мигрантов в России составляют мигранты из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. По данным Министерства внутренних дел РФ (далее – МВД РФ), за 2019–2022 гг. свыше 61 % от общего числа мигрантов в России приходилось на долю мигрантов из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана.

⁴ Оценен рост ВВП России в 2023 году. Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2023/12/30/otsenen-rost-vvp-rossii-v-2023-godu/> (дата обращения: 15.03.2024).

⁵ В 2023 году рост ВВП на душу населения в Киргизии составит 19 %. Режим доступа: <https://clck.ru/3Ayfh4> (дата обращения: 15.03.2024).

⁶ Экономика Таджикистана. Онлайн-статистика. Режим доступа: <https://take-profit.org/statistics/countries/tajikistan/> (дата обращения: 15.03.2024).

⁷ Сорочин Е. ВВП Узбекистана за 2023 год достиг 1,07 квадриллиона сумов. Режим доступа: <https://clck.ru/3Auyfw> (дата обращения: 15.03.2024).

Масштабы эмиграции из стран ЦА в Россию за 2019 г. – вторую половину 2023 гг.

Table 1. The scale of emigration from Central Asian countries to Russia for 2019 – second half 2023

Год	Кыргызстан, млн чел.	Таджикистан, млн чел.	Узбекистан, млн чел.
2019	1,06	2,75	4,81
2020	0,74	1,93	3,46
2021	1,06	3,08	4,96
2022	1,18	4,45	6,35
Вторая половина 2023	0,47	1,28	1,89

Источник⁸ / Source⁸

Согласно МВД РФ, за 2019 г. – вторую половину 2023 г. число мигрантов из стран ЦА в среднем составило более 8,5 млн чел. (табл. 1). Наибольшее число мигрантов было из Узбекистана (51 %), Таджикистана (около 32 %) и Кыргызстана (около 18 %).

После начала проведения специальной военной операции на Украине страны Запада ввели новые экономические санкции в отношении России [Timofeev, 2022]. Уход иностранных компаний, снижение курса рубля по отношению к национальным валютам стран ЦА привели к тому, что некоторые мигранты начали переориентироваться на другие каналы эмиграции [Rakhmonov, 2023]. По данным МВД РФ, численность мигрантов из стран ЦА в Россию сократилась за 6 месяцев 2023 г. на 2,14 млн чел. по сравнению со второй половиной 2022 г. (рис. 1). Больше всего сократилась численность мигрантов

из Узбекистана (– 1,22 млн чел.), Таджикистана (– 0,88 млн чел.) и Кыргызстана (– 0,05 млн чел.).

Факторами, повлиявшими на спад в численности мигрантов из стран ЦА в Россию, стали экономические санкции со стороны стран Запада, а также новые каналы эмиграции из стран ЦА в Великобританию и Южную Корею¹⁰. Великобритания после Брексита начала активно привлекать трудовых мигрантов для сезонной миграции на свой рынок труда. Если раньше в Великобританию в основном переезжали высококвалифицированные мигранты, то после потери рабочих рук из стран Восточной Европы государство начало привлекать и низкоквалифицированных мигрантов¹¹. Таким образом, что Великобритания начала активно конкурировать с Россией за трудовых мигрантов из стран ЦА.

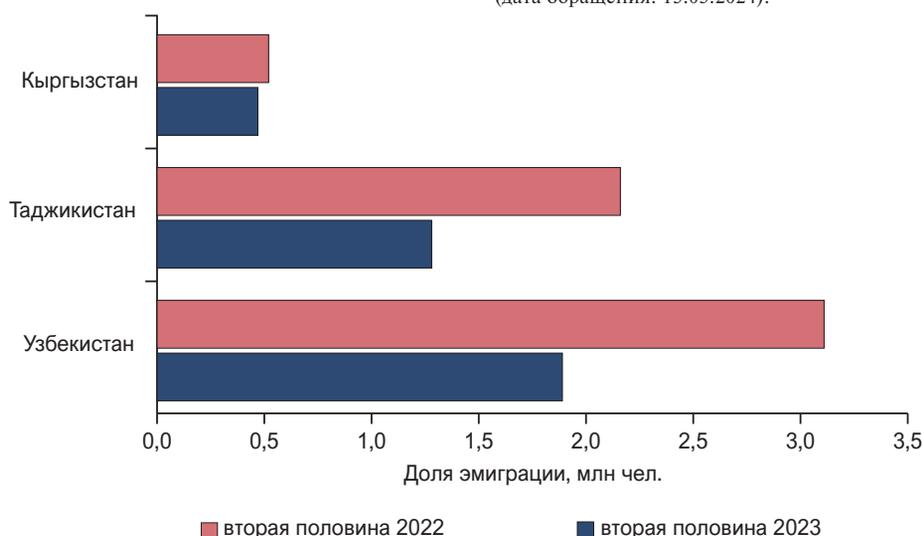
⁹ Там же.¹⁰ Таджикиских мигрантов ждут в Британии и Южной Корее. Режим доступа: <https://islamnews.ru/2023/3/2/tadzhikskikh-migrantov-zhdut-v-britanii-i-yuzhnoy-koree> (дата обращения: 15.03.2024).¹¹ Лиллис Дж. Трудовые мигранты из Центральной Азии едут в Великобританию. Режим доступа: <https://russian.eurasianet.org/трудовые-мигранты-из-центральной-азии-едут-в-великобританию> (дата обращения: 15.03.2024).⁸ Министерство внутренних дел. Статистические сведения по миграционной ситуации. Режим доступа: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya> (дата обращения: 15.03.2024).Источник⁹ / Source⁹

Рис. 1. Масштабы эмиграции из стран ЦА в Россию во второй половине 2022–2023 гг.

Fig. 1. Scale of emigration from Central Asian countries to Russia in second half 2022–2023

Вклад мигрантов из стран ЦА в экономику России в условиях экономических санкций / Contribution of Central Asian migrants to the Russian economy in the context of economic sanctions

С экономической точки зрения миграция оказывает скорее положительное влияние на экономику принимающих стран, чем негативное. Трудовые мигранты из стран ЦА, помимо вклада в экономику своих республик, также играют роль в развитии российской экономики [Rakhmonov, 2021].

В период экономических санкций со стороны стран Запада в отношении России вклад трудовых мигрантов играет немалое значение в поддержке экономики России [Филиппова, 2022]. Так, в конце 2022 г. вклад трудовых мигрантов в бюджет Москвы составил 32 млрд руб. в виде налогов¹². По словам министра Правительства Москвы, руководителя Департамента экономической политики и развития Марии Багреевой, «сегодня трудовые мигранты работают в таких важных для столицы отраслях, как строительство, жилищно-коммунальное хозяйство, торговля, транспорт, доставка, занимая позиции, на которые чаще всего неохотно идут работать москвичи. Кроме того, иностранные граждане вносят значительный вклад в экономику города. За 2015–2022 гг. объем поступлений в бюджет Москвы в виде платежей за трудовой патент составил около 145 млрд руб., или около 2 % поступлений налога

¹² Проценко Л. Мария Багреева: Мигранты заплатили за патенты в бюджет Москвы в 2022 году почти 32 миллиарда рублей. Режим доступа: <https://rg.ru/2023/01/27/reg-cfo/mariia-bagreeva-migranty-zaplatili-za-patenty-v-byudzh-et-moskvy-v-2022-godu-pochti-32-milliarda-rublej.html> (дата обращения: 15.03.2024).

на доходы физических лиц – одного из трех ключевых налогов, формирующих бюджет города»¹³.

Помимо налогов, другой вклад, который трудовые мигранты вносят в экономику России, – это вклад от трудовых патентов (табл. 2). Среди стран ЦА патенты приобретают только граждане Таджикистана и Узбекистана. Граждане Казахстана и Кыргызстана как государства-члены Евразийского экономического союза освобождены от патентов в рамках соглашения между странами-членами [Померлян, 2022].

Стоимость патентов для трудовых мигрантов в России растет с каждым годом. Средняя стоимость патентов в регионах, где работают трудовые мигранты из Таджикистана и Узбекистана, в 2021 г. составила 4,993 тыс. руб. (67,66 долл. США), в 2022 г. – 5,439 тыс. руб. (80,48 долл. США), в 2023 г. – 6,363 тыс. руб. (77,41 долл. США) (табл. 2)^{15,16,17}.

За 2021 г. – вторую половину 2023 г. граждане Таджикистана и Узбекистана приобрели около 11 млн патентов, а вклад от патентов за тот же период составил около 60,8 млрд руб., или 820,79 млн долл. США.

¹³ В 2022 году иностранные граждане перечислили в бюджет Москвы почти 32 миллиарда рублей в виде налогов. Режим доступа: <https://www.mos.ru/news/item/119194073/> (дата обращения: 15.03.2024).

¹⁴ Министерство внутренних дел. Статистические сведения по миграционной ситуации. Режим доступа: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya> (дата обращения: 15.03.2024).

¹⁵ Курсы долларов ЦБ РФ в 2021. Режим доступа: <https://myfin.by/currency/cb-rf-archive/usd/2021> (дата обращения: 15.03.2024).

¹⁶ Курсы долларов ЦБ РФ в 2022. Режим доступа: <https://myfin.by/currency/cb-rf-archive/usd/2022> (дата обращения: 15.03.2024).

¹⁷ Курсы долларов ЦБ РФ в 2023. Режим доступа: <https://myfin.by/currency/cb-rf-archive/usd/2023> (дата обращения: 15.03.2024).

Таблица 2

Вклад трудовых мигрантов из Узбекистана и Таджикистана за счет трудовых патентов в экономику России за 2021 г. – вторую половину 2023 г.

Table 2. Contribution of labor migrants from Uzbekistan and Tajikistan due to labor patents to the Russian economy for 2021 – second half 2023

Год	Статистика патентов, млн шт.		Средняя стоимость патентов по регионам РФ		Вклад мигрантов в экономику РФ	
	Таджикистан	Узбекистан	руб.	долл. США	млрд руб.	млн долл. США
2021	1,43	2,47	4 993	67,66	19 467,57	263,82
2022	1,45	2,35	5 439	80,48	20 678,5	305,99
Вторая половина 2023	1,13	2,11	6 363	77,41	20 630,87	250,98
Итого	4,02	6,93	–	–	60 776,93	820,79

Источник¹⁴ / Source¹⁴

Натурализация мигрантов из стран ЦА как вклад в развитие демографии РФ / Naturalization of migrants from Central Asia as a contribution to demography development in Russia

По оценкам экспертов, население РФ с 2012 г. может сократиться с 142 до 100 млн чел. к 2050 г.¹⁸. Россия переживает демографический кризис, который достигает масштабов, угрожающих экономическому развитию страны и развитию политической безопасности. В связи с этим миграцию все чаще рассматривают как важнейший инструмент в борьбе с сокращением населения и растущей нехваткой квалифицированных кадров.

Численность получивших гражданство РФ из стран ЦА каждый год растет. По данным МВД РФ, за 2019 г. – вторую половину 2023 г. около 857,5 тыс. мигрантов из центральноазиатских республик получили гражданство РФ. Свыше половины от общего количества приходится на долю мигрантов из Таджикистана (51 %), Казахстана (23,3 %), Узбекистана (12,9 %) и Кыргызстана (8,7 %) (табл. 3).

¹⁸ Johann C. Demographie in der Krise: Russlands Migrationsdebatte. Режим доступа: https://www.kas.de/c/document_library/get_file?uuid=1e8518c6-e54a-74e8-6dfa-9ec320424570&groupId=252038 (дата обращения: 15.03.2024).

¹⁹ Министерство внутренних дел. Статистические сведения по миграционной ситуации. Режим доступа: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya> (дата обращения: 15.03.2024).

По сравнению с Кыргызстаном, Узбекистаном и Таджикистаном из Казахстана больше всего подают документы на получение гражданства РФ этнические русские, проживающие в Казахстане.

После распада Советского Союза в России начался демографический кризис [Мурадова, 2011]. Согласно демографическому ежегоднику России, население РФ сократилось на 5,7 млн чел. с 1995 г. по 2011 г. и на 2,1 млн чел. с 1995 г. по сравнению с 2023 г. Снижение численности населения России видится в низкой уровне рождаемости. Так, в 1990 г. на 1 тыс. жителей приходилось 13,4 рождений, в 2011 г. коэффициент рождаемости составил 11,05 рождений на 1 тыс. жителей²⁰. Соответственно, в период демографического кризиса миграцию можно рассмотреть как один из ключевых инструментов развития демографии.

За счет мигрантов из стран ЦА за 2020 г. – вторую половину 2023 г. численность населения России увеличилась на 857,5 тыс. чел. и сократилась всего на 1 %. Без учета мигрантов население России могло бы сократиться на 1,53 % (табл. 4).

²⁰ Федеральная служба государственной статистики. Демографический ежегодник России – 2023. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Demogr_ejegod_2023.pdf (дата обращения: 15.03.2024).

²¹ Министерство внутренних дел. Статистические сведения по миграционной ситуации. Режим доступа: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya> (дата обращения: 15.03.2024).

Таблица 3

Статистика мигрантов из стран ЦА, получивших гражданство РФ, за 2019 г. – вторую половину 2023 г.

Table 3. Statistics on migrants from Central Asian countries who obtained Russian citizenship in 2019 – second half 2023

Год	Казахстан, тыс. чел.	Кыргызстан, тыс. чел.	Таджикистан, тыс. чел.	Узбекистан, тыс. чел.
2019	50,5	9,4	44,7	19,4
2020	43,4	11,9	63,4	23,1
2021	49,9	19,2	103,7	31,9
2022	42,0	23,5	173,6	27,2
Вторая половина 2023	13,9	10,5	87,0	9,3
Итого	199,6	74,5	472,4	110,9

Источник¹⁹ / Source¹⁹

Таблица 4

Динамика изменения населения России с/без учетом мигрантов из стран ЦА за 2020 г. – вторую половину 2023 г.

Table 4. Dynamics of change in the population of Russia with/without migrants from Central Asia in 2020 – second half 2023

Год	Численность населения РФ, млн чел.	Численность населения РФ без учета мигрантов, млн чел.	Динамика изменения населения РФ	
			С учетом мигрантов, %	Без учета мигрантов, %
2020	148,0	147,7	0,08 %	– 0,02 %
2021	147,5	147,8	– 0,34 %	– 0,48 %
2022	147,0	147,3	– 0,32 %	– 0,50 %
Вторая половина 2023	146,3	146,7	– 0,45 %	– 0,53 %

Источник²¹ / Source²¹

В 2020 г. благодаря потоку мигрантов из стран ЦА население России увеличилось на 0,08 %. Без учета мигрантов оно могло бы сократиться на 0,02 %. Таким образом, роль мигрантов из стран ЦА в развитии демографии России большая.

Выводы / Results

Основными факторами, способствующими продолжению эмиграции из стран ЦА на фоне санкций со стороны стран Европейского союза и США в отношении России, являются по-прежнему экономическая стабилизация и растущий дефицит рабочей силы на российском рынке труда из-за неблагоприятного демографического развития.

По авторским расчетам, основную долю мигрантов в России составляют мигранты из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана, что свыше 61 % от общего числа мигрантов.

Новые экономические и политические санкции против России повлияли на масштабы и приток мигрантов из стран ЦА. По данным МВД РФ, число мигрантов за 6 месяцев 2023 г. сократилось на 2,14 млн чел. по сравнению со второй половиной 2022 г. Среди стран ЦА больше всего сократилось число мигрантов из Узбекистана (– 1,22 млн человек), Таджикистана (– 0,88 млн чел.) и Кыргызстан (– 0,05 млн чел.).

В период санкций вклад трудовых мигрантов сыграл значительную роль в поддержке российской экономики. Так, на конец 2022 г. вклад трудовых мигрантов в бюджет Москвы составил 32 млрд руб. налогов. Помимо налогов, в 2021 г. – второй половине 2023 г. трудовые мигранты из Узбекистана и Таджикистана внесли в российскую экономику около 60,8 млрд руб., или 820,79 долл. США за счет трудовых патентов.

Трудовые мигранты из Центральной Азии также внесли значительный вклад в демографическое развитие России. За счет мигрантов за период с 2020 г. по вторую половину 2023 г. население России увеличилось на 857,5 тыс. чел. и сократилось всего на 1 %. Без учета мигрантов из стран ЦА население России могло сократиться на 1,53 %. Кроме того, в 2020 г. благодаря мигрантам население страны увеличилось на 0,08 %, а без учета мигрантов могло бы сократиться на 0,02 %.

Заключение / Conclusion

Первичный экономический характер миграции обуславливает ее структурные особенности. Мигрируют в основном жители сельских районов и небольших городов, а также низкоквалифицированные рабочие, то есть люди, которые испытывают трудности с получением хорошо оплачиваемой работы дома.

Новый экономический спад в России из-за украинского кризиса повлиял на численность и приток мигрантов из стран ЦА [Belikov, 2023]. Так, за 6 месяцев 2023 г. численность мигрантов уменьшилась на 37 % по сравнению со второй половиной 2022 г.

Помимо украинского кризиса, за всю миграционную историю между Центральной Азией и Россией было также три массовых возвращения мигрантов из России в страны ЦА. Первое произошло в 2009 г. и было связано с двумя экономическими кризисами в России. Количество узбекских и таджикских мигрантов сократилось тогда примерно на 20–25 %, но уже в 2010 г. тенденция снова изменилась.

Второй этап был в период с 2014 г. по 2016 г., и он привел к потере рабочих мест и падению курса рубля по отношению к долл. США, основной валюте денежных переводов мигрантов, почти на 200 %. Параллельно с сокращением доходов из-за кризиса выросли сборы за легализацию проживания и оплату труда. Кроме того, в 2013 г. были ужесточены практика депортации иностранцев за мелкие правонарушения и введен запрет на повторный въезд. Всего в 2013–2016 гг. более 1,8 млн иностранным гражданам запрещен въезд, почти 400 тыс. из них были высланы или депортированы ранее. Эти события привели к тому, что в 2016 г. число трудовых мигрантов из Центральной Азии сократилось до 3,4 млн чел., то есть на 21 %.

Третий этап был в 2019 г., в период распространения COVID-19. Число мигрантов из стран ЦА в России сократилось на 2,5 млн чел. в 2020 г., или на 29,3 % по сравнению с 2019 г.

Как показывает настоящее исследование, на фоне экономических и политических санкций против России трудовые мигранты внесли значительный вклад в экономическое и демографическое развитие России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Летняков Д.Э. Роль русского языка в постсоветской Центральной Азии. Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2015;4(79):100–115.

Померлян Е.А. Торговые соглашения Евразийского экономического союза: текущий статус и перспективы. Вестник НГУЭУ. 2022;3:154–168. <https://doi.org/10.34020/2073-6495-2022-3-154-168>

REFERENCES

Abashin S. Migration from Central Asia to Russia in the New Model of World Order. *Russian Politics and Law*. 2014;52:8–23. <https://doi.org/10.2753/RUP1061-1940520601>

Ball B., Demko G. Internal Migration in the Soviet Union. *Economic Geography*. 1978;2(54):95–114.

Belikov E.O. Economic sanctions and their dual impact on Russia's economy. *Innovation and investment*. 2023;3:2–31.

- Мурадова И.* Проблемы развития трудовых ресурсов в контексте демографического кризиса. Социология власти. 2011;4:99–106.
- Дробот Е.В.* Особенности внешнеэкономической деятельности Российской Федерации в условиях санкционной политики. Российское предпринимательство. 2016;16(17):1879–1902. <https://doi.org/10.18334/rp.17.16.36478>
- Филитнова И.А.* Роль и влияние санкций на российскую экономику в 2022 году. Основы экономики, управления и права. 2022;4(35):33–35. https://doi.org/10.51608/23058641_2022_4_33
- Abashin S.* Migration from Central Asia to Russia in the New Model of World Order. Russian Politics and Law. 2014;52:8–23. <https://doi.org/10.2753/RUP1061-1940520601>
- Ball B., Demko G.* Internal Migration in the Soviet Union. Economic Geography. 1978;2(54):95–114.
- Belikov E.O.* Economic sanctions and their dual impact on Russia's economy. Innovation and investment. 2023;3:2–31.
- Gurieva S.* Socio-psychological characteristics of Russian labour migrants from Central Asia. Scientific almanac of the Black Sea countries. 2019;4(20):50–55. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2019-20-4-50-54>
- Myhre M.* Labour migration from Central Asia to Russia – State Management of Migration. Oslo: Norwegian Institute for Urban and Regional Research; 2014. 143 p.
- Rahmonova-Schwarz D.* Migrations during the Soviet Period and in the Early Years of USSR's Dissolution: A Focus on Central Asia. Migrations en Asie centrale et au Caucase. 2010;3(26):9–30.
- Rakhmonov A.Kh.* Emigration from Tajikistan to the Baltic States: trends and prospects of development. Upravlenie/Management (Russia). 2021;1(9):16–26. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2021-9-1-16-26>
- Rakhmonov A.Kh.* Forced emigration from Russia 2022: Russian IT-specialists' potential for Central Asian CIS member countries. Vestnik universiteta. 2023;(7):162–170. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-7-162-170>
- Rakhmonov A.Kh.* New sanctions of the European Union and United States against Russia and their impact on Tajikistan's socio-economic development. Upravlenie/Management (Russia). 2022;4(10):121–131. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2022-10-4-121-131>
- Rakhmonov A.Kh.* Reasons for choosing Russia as the main direction of labor migration from Tajikistan in the context of COVID-19 pandemic and sanctions. Upravlenie/Management (Russia). 2023;2(11):114–123. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-2-114-123>
- Ramet P.* Migration and nationality policy in Soviet Central Asia. Humboldt Journal of Social Relations. 1978;1(6):79–101.
- Ryazantsev S.V., Rakhmonov A.Kh.* Emigration from Tajikistan to NAFTA countries: trends and development prospects. Bulletin of TSULBP. Series of Social Sciences. 2023;2(95):51–63. <https://doi.org/10.24412/2411-1945-2023-2-51-63>
- Ryazantsev S., Bogdanov I., Dobrokhleb V., Lukyanets A.* Migration from central Asian countries to Russia and Kazakhstan in the context of integration processes in the Eurasian economic union format. Central Asia and the Caucasus. 2017;1(18):39–49.
- Timofeev I.N.* Sanctions on Russia: A New Chapter. Russia in Global Affairs. 2022;4(20):103–119.
- Yazdani E.* Foreign Relations in Central Asia: a comparison between the Soviet and PostSoviet Era. Comparative Politics Russia. 2021;4:56–67. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2021-10040>
- Drobot E.V.* The peculiarities of international economic activities of the Russian Federation in the conditions of sanctions policy. Russian Journal of Entrepreneurship. 2016;16(17):1879–1902. (In Russian). <https://doi.org/10.18334/rp.17.16.36478>
- Filippova I.A.* The role and the impact of sanctions on the Russian economy in 2022. Economy, Governance and Law Basis. 2022;4(35):33–35. (In Russian). https://doi.org/10.51608/23058641_2022_4_33
- Gurieva S.* Socio-psychological characteristics of Russian labour migrants from Central Asia. Scientific almanac of the Black Sea countries. 2019;4(20):50–55. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2019-20-4-50-54>
- Letnyakov D.E.* The role of the Russian language in post-Soviet Central Asia. Politeia Journal. 2015;4(79):100–115. (In Russian).
- Muradova I.* Problems of human recourses development under the demographical crisis. Sociology of Power. 2011;4:99–106. (In Russian).
- Myhre M.* Labour migration from Central Asia to Russia – State Management of Migration. Oslo: Norwegian Institute for Urban and Regional Research; 2014. 143 p.
- Pomerlyan E.A.* Trade agreements of the Eurasian Economic Union: current state and prospects. Vestnik NSUEM. 2022;3:154–168. (In Russian). <https://doi.org/10.34020/2073-6495-2022-3-154-168>
- Rahmonova-Schwarz D.* Migrations during the Soviet Period and in the Early Years of USSR's Dissolution: A Focus on Central Asia. Migrations en Asie centrale et au Caucase. 2010;3(26):9–30.
- Rakhmonov A.Kh.* Emigration from Tajikistan to the Baltic States: trends and prospects of development. Upravlenie/Management (Russia). 2021;1(9):16–26. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2021-9-1-16-26>
- Rakhmonov A.Kh.* Forced emigration from Russia 2022: Russian IT-specialists' potential for Central Asian CIS member countries. Vestnik universiteta. 2023;(7):162–170. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-7-162-170>
- Rakhmonov A.Kh.* New sanctions of the European Union and United States against Russia and their impact on Tajikistan's socio-economic development. Upravlenie/Management (Russia). 2022;4(10):121–131. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2022-10-4-121-131>
- Rakhmonov A.Kh.* Reasons for choosing Russia as the main direction of labor migration from Tajikistan in the context of COVID-19 pandemic and sanctions. Upravlenie/Management (Russia). 2023;2(11):114–123. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-2-114-123>
- Ramet P.* Migration and nationality policy in Soviet Central Asia. Humboldt Journal of Social Relations. 1978;1(6):79–101.
- Ryazantsev S.V., Rakhmonov A.Kh.* Emigration from Tajikistan to NAFTA countries: trends and development prospects. Bulletin of TSULBP. Series of Social Sciences. 2023;2(95):51–63. <https://doi.org/10.24412/2411-1945-2023-2-51-63>
- Ryazantsev S., Bogdanov I., Dobrokhleb V., Lukyanets A.* Migration from central Asian countries to Russia and Kazakhstan in the context of integration processes in the Eurasian economic union format. Central Asia and the Caucasus. 2017;1(18):39–49.
- Timofeev I.N.* Sanctions on Russia: A New Chapter. Russia in Global Affairs. 2022;4(20):103–119.
- Yazdani E.* Foreign Relations in Central Asia: a comparison between the Soviet and PostSoviet Era. Comparative Politics Russia. 2021;4:56–67. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2021-10040>

О некоторых актуальных аспектах и новых подходах к научному осмыслению национальных особенностей становления и эволюции российской государственности

Омельченко Николай Александрович¹

Д-р ист. наук, зав. каф. государственного управления и политических технологий

ORCID: 0000-0002-5872-6432, e-mail: nik_omelchenko@mail.ru

Растимешина Татьяна Владимировна²

Д-р полит. наук, зав. каф. политологии и прикладной политической работы

ORCID: 0009-0003-9186-2393, e-mail: rast-v2012@yandex.ru

Синчук Юрий Владимирович^{3,4}

Д-р полит. наук, проф. каф. международных отношений и внешней политики России³,
проф. каф. теории организации управления⁴

ORCID: 0000-0002-4075-3344, e-mail: sinchukjv@mail.ru

¹Государственный университет управления, 109542, Рязанский пр-т, 99, г. Москва, Россия

²Российский государственный социальный университет, 129226, Вильгельма Пика ул., 4с1, г. Москва, Россия

³Московский государственный лингвистический университет, 119034, Остоженка ул. 38, г. Москва, Россия

⁴Гжельский государственный университет, 140155, Электроизолятор пос., 67, Россия

Аннотация

Объектом предлагаемой научной статьи является процесс становления и исторической трансформации российской государственности. Предмет исследования – анализ существующих в отечественной научной и общественной мысли (дореволюционной и современной) различных подходов к трактовке национальных особенностей зарождения и эволюции основ российской государственности. Авторами статьи акцентируется внимание на ряде фундаментальных проблем развития российской государственности, требующих сегодня творческого осмысления научным сообществом. Обосновано положение о непреходящем значении выводов отечественных исследователей и мыслителей об уникальности процесса зарождения основ российской государственности в Древнерусском государстве, принципиально отличавшегося от аналогичных процессов в западных государствах, специфике политического строя Московского царства, заключавшейся в соборном устройстве государства и получившей идейное обоснование в доктрине «самодержавной соборности». Особое внимание уделено выводам, связанным с оценкой значения длительного сосуществования в Русском государстве двух параллельных начал: монархической вертикали власти и богатой вековой традиции, компенсировавшей относительную слабость монархии в техническом и политическом смыслах. Впервые подробно исследован вопрос о том, какое место в трансформации российской государственности занимало Смутное время начала XVII в. Обращается внимание на выводы дореволюционных ученых и мыслителей об определяющей роли Смутного времени, которую оно сыграло в формировании в русском обществе новых отношений к государству и государственной власти, в том числе в контексте современных трактовок. Указано на определяющую роль в годы Смуты земских органов, местных миров в сохранении и возрождении рушившегося государства. Сделан вывод о схожести русской системы власти с византийской моделью, традиционно отличавшейся сочетанием жесткой монархической вертикали и горизонтали развитого самоуправления. Подчеркнута роль объединяющей общество государственной идеи в сохранении стабильности и устойчивости любого государства.

Ключевые слова: национальная государственность, вековые традиции, социальная организация восточных славян, территориальная община, земское самоуправление, Московская «соборная монархия», «ресурсное государство», олигархические тенденции, Смутное время

Для цитирования: Омельченко Н.А., Растимешина Т.В., Синчук Ю.В. О некоторых актуальных аспектах и новых подходах к научному осмыслению национальных особенностей становления и эволюции российской государственности//Управление. 2024. Т. 12. № 2. С. 91–98. DOI: 10.26425/2309-3633-2024-12-2-91-98

© Омельченко Н.А., Растимешина Т.В., Синчук Ю.В., 2024.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная
<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

On some current aspects and new approaches to scientific understanding of the national characteristics of Russian statehood formation and evolution

Nikolai A. Omelchenko¹

Dr. Sci. (Hist.), Head of the Public Administration and Political Technologies Department

ORCID: , e-mail: nik_omelchenko@mail.ru

Tatiana V. Rastimeshina²

Dr. Sci. (Polit.), Head of the Political Science and Applied Political Work Department

ORCID: 0009-0003-9186-2393, e-mail: rast-v2012@yandex.ru

Yuri V. Sinchuk^{3,4}

Dr. Sci. (Polit.), Prof. at the International Relations and Foreign Policy Department³,

Prof. at the Theory of Management Organization Department⁴

ORCID: 0000-0002-4075-3344, e-mail: sinchukjv@mail.ru

¹State University of Management, 99, Ryazansky prospekt, Moscow 109542, Russia

²Russian State Social University, 4b1, Wilhelm Pieck ul., Moscow 129226, Russia

³Moscow State Linguistic University, 38, Ostozhenka ul., Moscow 119034, Russia

⁴Gzheh State University, Elektroizolyator pos., 67, 140155, Russia

Abstract

The object of the study is the process of Russian statehood formation and historical transformation. The subject of the study is the analysis of existing in the Russian scientific and public thought (pre-revolutionary and modern) different approaches to the interpretation of national features of Russian statehood foundations origin and evolution. The authors emphasize a number of fundamental problems of Russian statehood development, which today require creative comprehension by scientific community. The article substantiates the position on the enduring significance of domestic researchers' and thinkers' conclusions about the uniqueness of the process of Russian statehood foundations origin in the Old Russian state, which was fundamentally different from similar processes in Western states, the Tsardom of Muscovy political system specificity, which consisted in the cathedral structure of the state and received ideological justification in the "autocratic sobornost" doctrine. Special attention has been paid to the conclusions related to assessing significance of the long coexistence in the Russian state of two parallel beginnings such as the monarchical vertical of power and the rich veche tradition, which compensated for the relative weakness of the monarchy in technical and political sense. For the first time the issue of what place in Russian statehood transformation was occupied by the Time of Troubles of the early 17th century has been investigated in detail. Attention has been drawn to the conclusions of pre-revolutionary scientists and thinkers about the determining role of the Time of Troubles, which it played in the new attitudes' formation to the state and state power in Russian society, including in the context of modern interpretations. The determining role of zemstvo bodies in the years of the Time of Troubles in the collapsing state preservation and revival has been pointed out. The conclusion has been made about the similarity of the Russian system of power with the Byzantine model, traditionally characterized by a combination of a rigid monarchical vertical and horizontal of developed self-government. The role of the state idea uniting society in preserving stability and sustainability of any state has been emphasized.

Keywords: national statehood, veche traditions, Eastern Slavs' social organization, territorial community, zemstvo self-government, Moscow "cathedral monarchy", "resource state", oligarchic tendencies, Time of Troubles

For citation: Omelchenko N.A., Rastimeshina T.V., Sinchuk Yu.V. (2024). On some current aspects and new approaches to scientific understanding of the national characteristics of Russian statehood formation and evolution. *Upravlenie / Management (Russia)*, 12 (2), pp. 91–98. DOI: 10.26425/2309-3633-2024-12-2-91-98

Введение / Introduction

Авторы настоящего исследования поставили своей основной целью в концептуальном контексте раскрыть, научно осмыслить и актуализировать существующие в отечественной научной и философской мысли подходы и оценки национальных особенностей формирования российской государственности в ее исторической ретроспективе.

По мнению авторов, проблематизирование и актуализация научного осмысления процесса становления и эволюции российской государственности является сегодня насущной и очевидной необходимостью. В научном сообществе постепенно преобладают долгое время господствовавшие упрощенные, часто идеологически ангажированные оценки прошлого и настоящего исторического развития России. Происходит отказ от привычного противопоставления западных обществ, основу развития которых составляла, по общему мнению, установка на так называемые демократические ценности, азиатским, традиционным обществам, для которых по преимуществу были характерны, как принято считать, автократические и деспотические модели государственного устройства.

Главным аргументом против такого упрощения, как считают авторы, является правильное понимание «авторитарной» сущности любого государства, в том числе самого демократического, если не забывать об основной функции государства, которая изначально заключалась в необходимости применения легитимного принуждения в целях обеспечения безопасности граждан и самосохранения. Разница может состоять только том, в какой степени развиты в той или иной стране автономные по отношению к государственным институтам общественные структуры и насколько значима самостоятельность населения, что позволяет ограничивать авторитарные начала государства.

О месте и значении государственного начала в политическом развитии России и характере отношения русского народа к государству и государственной власти / On state principle place and significance in political development of Russia and the nature of the Russian people's attitude to the state and state power

С учетом сказанного выше выделим ряд актуальных проблем развития российской государственности, требующих сегодня творческого осмысления научным сообществом. По крайней мере два основных вопроса нуждаются в критическом переосмыслении отечественной наукой — это роль государства

в историческом развитии России и характер отношения русского народа к государственной власти и ее представителям. На наш взгляд, в критическом пересмотре нуждаются преимущественно отрицательные оценки места и значения государства в политическом развитии России, присущие многим современным публикациям, что во многом объясняется преобладавшими антиэтатистскими и анти-тоталитарными нарративами в общественном сознании и установках политического класса в постсоветский период.

Между тем о важности государственного начала в контексте национальных особенностей общественно-политического развития России говорили многие русские ученые и мыслители задолго до крушения исторической государственности в 1917 г. Об этом не раз писал Н.А. Бердяев, называвший «большой загадкой» российской государственности бросающееся в глаза противоречие между «безгосударственными», по утверждению славянофилов, народными массами России и их ролью в создании огромного русского государства [Бердяев, 1990]. Мыслитель считал важным не забывать об особом государственном инстинкте русских людей, веками строивших и укреплявших «могущественнейшее в мире государство», что позволяет считать его одним из самых государственных народов в мире.

Исключительному значению для России сильной государственной власти посвятил свою знаменитую «Записку о древней и новой России» Н.М. Карамзин, видевший главную опасность для русского общества в ослаблении государственного порядка, как правило, всегда приводившего к всевластию олигархии, подрывавшего основы государства и означавшего в действительности произвол и «безвластие», что опаснее «самого злейшего правителя», поскольку подвергало опасности «всех граждан» [Карамзин, 1991]. Приведенное замечание выдающегося русского историографа можно экстраполировать не только на дореволюционную историю России, изобиловавшую яркими примерами противодействия русского общества олигархическим тенденциям, нашедшим выражение в стремлении русской аристократии ограничить власть монархов, а на самом деле означавшие ослабление властных prerogatives центральной власти в стране (это могло быть связано с так называемыми «кондициями», составленными Верховным тайным советом в виде ограничительных пунктов для призванной на русский престол Анны Иоанновны или с либеральными веяниями в царствование Александра I). Именно в опасности утраты государственности в России в бушующем вихре революционных событий 1917 г.

современные авторы видят один из основных факторов прихода к власти большевистской партии, сумевшей возродить порядок в рушившемся государстве, точно так же, как развал Советского Союза в начале 1990-х гг. означал нечто большее, чем банальное крушение «советского тоталитарного режима».

Полезными могут также оказаться наблюдения видного религиозного философа и историка, оригинального русского мыслителя Г.П. Федотова, уделявшего серьезное внимание осмыслению специфики древнего периода становления отечественной государственности. Подвергая резкой критике идеализированную трактовку того времени, чем часто грешила славянофильская доктрина русского исторического процесса, мыслитель старался привлечь внимание как к достоинствам древней русской истории, связанным с развитием «вечевой демократии» в Древней Руси, так и к слабым сторонам древнерусской государственности. К числу последних ученый относил наряду с отсутствием единства общества слабость государства. Именно в неразвитости государственного начала, по мнению Федотова, заключалось «большое «несчастье» Древней Руси [Федотов, 1992].

Эта мысль подтверждается научными изысканиями многих отечественных исследователей, видевших главную особенность исторического развития восточно-славянских народов в особой территориальной общине, общественные связи и отношения в которой принципиально отличались от кровнородственной общины, преобладавшей в западноевропейских и восточных странах. По мнению исследователя Древней Руси А.Г. Кузьмина, если кровнородственная община изначально предполагала иерархическое построение внутренних связей и отношений, основанное на беспрекословном подчинении младших членов семьи старшим, то в основе территориальной общины восточных славян лежали самоуправленческие начала, не предполагавшие жесткой иерархии. Такая социальная организация делала общину открытой и с самого начала обусловила демократический характер общественного устройства и «высокую способность славян легко ассимилировать другие народы и ассимилироваться самим [Кузьмин, 2005]. Именно эти преимущества общественного устройства восточных славян мы находим также в сочинениях известного мыслителя и теоретика русского анархизма М.А. Бакунина, посвятившего большинство своих основополагающих трудов идеальному общественному устройству в России.

Однако наряду с указанными явными преимуществами описанная выше модель общественного устройства восточнославянского общества имела свои

недостатки. Именно свойственная восточным славянам территориальная община, не предполагавшая наличия вертикальных структур, не позволила, как считал Кузьмин, вовремя «достроить» государственность славян, вынужденных призвать для организации общества внешнюю власть («призвание варягов»).

Представляется важной необходимостью научной корректировки ставшей уже хрестоматийной характеристики Московского царства как «служилого государства», основанного, как принято считать, на бесцеремонном государственном вмешательстве в частную жизнь русских сословий. Даже соглашаясь с такой оценкой московской монархии, которую разные авторы сегодня характеризуют как «земско-служилое», «земско-самодержавное», «военно-служилое» государство, следует учитывать условия, предопределившие особенности процесса формирования Московского государства, «служилый» характер которого был той неизбежной ценой, которую Россия вынуждена была заплатить, чтобы, борясь с внешними угрозами, не только сохранить на многие века статус суверенного государства, но и превратить Московское царство в одну из великих мировых держав [Алексеев, 2001; Кривошеев, 2015; Дворниченко, 1995].

На наш взгляд, не лишен основания вывод современных авторов, считающих, что в мировой истории лишь Россия (так же, как и Великобритания) может «похвастаться пятью столетиями непрерывной суверенной истории», жизнестойкость которой была заложена первыми государями Московского государства [Омельченко, 2018]. В связи с этим заслуживает внимания мнение ученых о «ресурсном» характере Московского государства, который в условиях ограниченности материальных и людских ресурсов на постоянно расширявшемся пространстве запустил процесс формирования так называемой мобилизационно-распределительной модели управления обществом, позволявшей государям мобилизовать и распределять имевшиеся ресурсы для устойчивого развития страны и общества. Значимым представляется также вывод современных ученых о соборном устройстве Московской Руси, получившего идейное обоснование в доктрине «самодержавной соборности».

Такова, на наш взгляд, основная проблема, связанная с осмыслением места и роли государства и власти в историческом развитии России и необходимостью творческого к ней отношения. Не меньший исследовательский интерес представляет особое, не свойственное западному человеку отношение русских людей к государственной власти и власть предержащим, в котором, по мнению ученых и ряда

русских мыслителей, преобладали по большей части личностные, интимно-эмоциональные, а не рациональные мотивы. Ставшая уже хрестоматийной, прошедшая через века формула «царь хороший, бояре плохие» как нельзя лучше характеризует это отношение русского человека к верховной власти. Персонафикация власти, нашедшая свое воплощение в устоявшейся привычке русских людей отдавать предпочтение не государственным институтам, а личности верховного правителя в государстве, — это тот отечественный нарратив, который продолжает жить в массовом сознании, превратившись в один из традиционных основополагающих архетипов русской политической культуры.

Смутное время начала XVII в. и его роль в трансформации основ и принципов российской государственности / Time of Troubles at the beginning of the 17th century and its role in Russian statehood foundations and principles transformation

Как мы указывали выше, ошибкой является попытка представить русский народ пассивным наблюдателем и послушным орудием в руках власть предержащих, если учесть не вызывающие сомнения у большинства исследователей русской истории богатые общинные традиции земского самоуправления в общественно-политическом развитии России.

Наглядным подтверждением сказанного могут служить события Смутного времени в начале XVII в. в России, которые, по нашему мнению, также нуждаются сегодня в новом прочтении. Историческая трагедия Смуты в Русском государстве, оставившая и по своим причинам, и по своим последствиям глубокий след в сознании русского народа, представляет важнейшую веху исторической памяти россиян [Шалик, 2004]. В глазах современников события Смуты являлись годами лихолетья и эпохой «бесцарствия», «великим московским разорением». Большинство отечественных историков и современных авторов считают Смутное время начала XVII в. первым в русской политической истории глубоким государственным кризисом и первым опытом гражданской войны в России, поставившими страну перед реальной опасностью утраты национальной государственности и потери национальной независимости. Вместе с тем именно события Смуты положили начало многим новым явлениям в государственной и общественной жизни русского общества, в конечном счете обеспечившим возрождение русской государственности и государственного порядка.

Дело не только в том, что русский народ в духе привычного для массового сознания россиян представления о божественном (сакральном) происхождении царской власти, не подвергавшегося в течение длительного времени какой-либо существенной трансформации, естественным образом оказался на стороне тех здоровых общественных сил, которые поддержали начавшийся в трагические для страны дни процесс восстановления основ исторической государственности. Нельзя считать определяющими в ситуации выхода из Смуты те изменения, которые происходили при всем их значении в социальной структуре русского общества и которые привели к серьезному усилению положения средних слоев русского общества (в первую очередь служилого дворянства) и их роли в государственном управлении. Речь также не идет о значении факта экономического упадка и падения авторитета русской аристократии в лице московского боярства, судьбу которого, по наблюдению С.Ф. Платонова, можно было сравнить с судьбой английской знати, значительная часть которой погибла в династической войне Алой и Белой Роз во второй половине XV в.

Более важным, с нашей точки зрения, являлось то, что бесконечная смена правительств в Московском государстве и прямое предательство русского боярства, усугублявшееся иностранным вмешательством во внутренние дела России, оказали глубокое влияние на самосознание русского народа, формируя многие новые явления в общественно-политическом развитии, рождая в народном сознании «новые чувства и понятия».

Можно согласиться с мнением отечественных исследователей, согласно которому именно событиями Смуты стоит объяснять начало утверждения в сознании русского народа несвойственных ранее представлений о государстве, которое теперь прямо связывалось с понятиями «земского дела», «общей пользы». Определенные «подвижки» наблюдались в мировоззрении российской политической элиты, в частности в поведении представителей призванной «землю» (Земским собором) к власти новой династии Романовых, вынужденной постепенно отказываться от старых методов властвования и управления обществом, ставя в основу своих отношений с населением общественные интересы, приоритет общей «земской» пользы и тем самым превращаясь во власть, по словам С.Ф. Платонова, «вполне государственного характера». Несмотря на то что возникшие в условиях Смутного времени новые, не характерные для прежней эпохи оценки и представления о государстве и его взаимоотношениях с «миром» не могли моментально

изменить привычных политических представлений и порядков, в перспективе они «отзывались во всем строе жизни XVII в. и сообщали ей очень отличный от старых порядков колорит» [Платонов, 1900].

Как отмечается в современных публикациях, во многом этот перелом в народном и элитном сознании не только стал определяющим в выходе страны из Смуты, но и позволил провести некую аналогию с устойчивостью византийской модели власти, традиционно отличавшейся сочетанием жесткой монархической вертикали и горизонтали развитого самоуправления [Омельченко, 2023]. Можно согласиться с мнением славянофилов, искавших и находивших одну из главных причин преодоления Смуты в России в крепком земском устройстве русского общества, сумевшем не только сохранить в 1612–1613 гг., но и поднять из руин развалившееся государство.

О роли объединяющей общество идеи (идеала) в истории государств и народов / On the role of the idea (ideal) uniting society in the history of states and people

Стоит обратить внимание на важную в контексте исследуемой нами темы проблему, связанную с особой ролью государственных идеалов и идейно-политических установок, объединявших русское общество в процессе становления и развития российской государственности. Интерес в данном смысле могут представлять размышления основателей и теоретиков евразийства, доказывавших, что на жизненный цикл всех государств и народов определяющее влияние оказывает господствующая в том или ином обществе объединяющая его идея. Так, могущество Древнего Рима в определяющей мере было обязано утверждению в обществе идеи имперского величия, а монархическими чувствами и идеями, укорененными в массовом сознании, объяснялась устойчивость монархических форм правления. В период Московского царства роль объединяющей идеи принадлежала известной идеологеме «Москва — третий Рим», а в более позднюю эпоху — «уваровской» формуле «Самодержавие, православие, народность». В свою очередь историческое поражение монархии в 1917 г. объяснялось тем, что царизм к моменту революции не мог уже опираться на объединяющую общество государственную идею. В то же время политическим оппонентам русской монархии — Ленину и большевикам — удалось оказаться у власти и сохранить ее в своих руках благодаря тому, что они смогли разглядеть суть и смысл глубинных настроений и чувств народных масс.

К похожим выводам приходил и упоминаемый нами русский религиозный философ и один из крупных мыслителей русского послеоктябрьского зарубежья Г.П. Федотов, считавший, что империя строилась и держалась благодаря наличию в исторической эволюции России двух часто независимых друг от друга сил. С одной стороны, жизнеспособность русской государственности в течение многих веков обеспечивалась «неисчерпаемой выносливостью и верностью» русского народа, а с другой — поддерживалась военным мужеством и государственным сознанием дворянского сословия. Сложность, однако, заключалась в том, что между русским шляхетством, как принято было именовать русское дворянство со времен Петра Великого, и остальной частью народа лежала глубокая пропасть культурного отчуждения, обнаружившегося и усилившегося под воздействием петровской реформации, когда народ «стал смотреть на господ как на вероотступников и полунемцев» [Федотов, 1993].

Удивительной, как писал известный русский философ С.Л. Франк, была не шаткость государственности, основанной на таком обществе, а, напротив, ее устойчивость с учетом глубокой отчужденности между верхами и низами российского общества. Единственным объяснением этого феномена являлось то, что подлинным фундаментом государственности в России «была ее политическая форма — монархия. Глубоко в недрах исторической почвы, в народном сознании и народной вере долгое время была непосредственно укрепленна только верховная власть — власть царя. Все же остальное — сословные отношения, местное самоуправление, суд, администрация, вся утонченная культура образованных классов — все это в том или ином отношении держалось лишь косвенно, силою царской власти и не имело непосредственных корней в народном сознании» [Франк, 1923].

Уникальность ситуации заключалась также в том, что изначально отношение русского дворянства и народных масс к монархии как к национальной форме русской государственности и пониманию места и роли русских государей в политической системе российской империи было принципиально различным. По сравнению с монархизмом русских дворян, основу которого, по замечанию Г.П. Федотова, составляли заложенные Петром I и Екатериной Великой рыцарская верность государю и верность присяге, русский народ относился к царям религиозно, как к помазанникам божьим [Федотов, 1993].

С одной стороны, подобная политико-культурная обстановка ставила петербургских монархов в исключительно выгодные условия: апеллируя к мо-

нархическим чувствам народных масс, цари могли подавлять дворянскую фронду и наоборот, укрепляя тем самым свою абсолютную власть. С другой стороны, сформировавшееся в течении веков различное отношение народных масс и дворянства к идее царской власти и ее носителям с самого начала таило в себе серьезный конфликтный потенциал, грозивший при известных условиях привести к крушению самого государственного здания в России, как рушились все империи, основанные на сосуществовании непримиримых внутренних противоречий [Федотов, 1993].

Заключение / Conclusion

Приведенный в аналитической части предлагаемой вниманию читателей статьи материал подводит нас к выводу о безусловной важности и актуальности творческого освоения с позиций современных реалий богатейшего наследия отечественной философской и научной мысли, так или иначе связанного с осмыслением процессов зарождения и исторической трансформации базовых составляющих российской государственности, ее сущностных и стадийных характеристик на различных этапах истории. Авторы ставили целью выявление основополагающих актуальных проблем развития российской государственности, в том числе находившихся в центре научных и философских дискуссий ключевых вопросов взаимодействия общества и государства, социальной роли и национальных особенностей функционирования государственной власти. Обоснование важности этих проблем являлось основной задачей проведенного исследования.

Уровень фундаментальности поставленной авторами статьи проблемы определяется выходом на проблематику содержательной эволюции государственных и общественных идеалов в России в исторической ретроспективе, что может составить теоретико-методологическую основу для научного осмысления национальных особенностей политического транзита

российской государственности в условиях современной России. Строго научный, объективный анализ существующих подходов к оценке роли государства в политической истории России позволяет научно переосмыслить представления о соотношении конфликтного и консенсусного потенциала отечественной модели государственного управления, этатистских и демократических начал в политическом развитии российского общества.

Анализ имеющихся теоретических концепций по рассматриваемой проблематике позволяет очертить круг наименее изученных проблем в области научного осмысления российской государственности и обретения ей собственной траектории политико-культурного развития. В исследованиях процессов изучения политико-культурных основ развития современной российской государственности уделяется недостаточное внимание цивилизационным аспектам, особенно проблемам цивилизационного развития. Одной из наиболее значительных проблем научно-прикладного характера представляется социально-философская рефлексия объективации идеи государства и государственных идеалов в реалиях современного российского общества. Глубокое, детальное исследование роли национальной государственной идеи и общественного идеала в системе управления современной России может стать значимым вкладом в разработку отечественной общенациональной идеологии, являющейся сегодня одной из ключевых фундаментальных научных задач.

В целом решение поставленной авторами статьи исследовательской проблемы означает создание научно-методологической основы для обоснования и формулирования оптимальной для современной России национально-государственной идеи, отсутствие которой у политической элиты делает проблематичным проведение эффективных реформ в различных сферах в рамках устойчивого развития страны, общества, граждан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев Ю.Г.* Судебник Ивана III. Традиции и реформа. СПб.: Дмитрий Буланин; 2001. 446 с.
- Бердяев Н.* Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М.: Изд-во МГУ; 1990. 240 с.
- Гапоненко Л.Б.* Конструирование национальной идентичности в контексте политики памяти. Дискурс-Пи. 2020;3(40):40–53. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10303>

REFERENCES

- Alekseev Yu.G.* Sudebnik of Ivan III. Traditions and reform. St. Petersburg: Dmitry Bulanin; 2001. 446 p. (In Russian).
- Berdyayev N.* The Fate of Russia. Experiments on the psychology of war and nationality. Moscow: Moscow State University Publ. House; 1990. 240 p. (In Russian).
- Gaponenko L.B.* The construction of national identity in the context of the politics of memory. Discourse-P. 2020;3(40):40–53. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10303>

- Дворниченко А.Ю.* К проблеме восточнославянского политогенеза. Ранние формы политической организации. От первобытности к государственности. М.: Восточная литература; 1995. 350 с.
- Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука; 1991. 127 с.
- Кривошеев Ю.В.* Русь и монголы: Исследования по истории Северо-Восточной Руси XII–XV вв. 3е изд., испр. и доп. СПб.: Академия исследования культуры; 2015. 452 с.
- Кузьмин А.Г.* Мародеры на дорогах истории. М.: Русская Панорама; 2005. 334 с.
- Омельченко Н.А., Переvezentsev С.В., Веселов А.А. и др.* История России: в 4 т. Т. 1. Генезис и эволюция русской государственности (до конца XVII в.). М.: ИНФРА-М; 2018. 679 с.
- Омельченко Н.А.* Смута в Московском государстве в начале XVII в. и ее влияние на трансформацию основ и принципов российской государственности (политологический аспект). Вестник РУДН. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023;1(10):7–17. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-1-7-17>
- Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории профессора С.Ф. Платонова, доктора русской истории, читанные в 1899–1900 учебн. году в Александровской военно-юридической академии, Императорском С.-Петербургском университете и на Высших женских курсах. СПб.; 1900.
- Федотов Г.П.* Судьба и грехи России: в 2-х т. СПб.: София; 1993.
- Франк С.Л.* Из размышлений о русской революции. Кн. VI–VIII. Русская мысль; 1923.
- Шалак М.Е.* Смутное время в оценках русских современников и историческое сознание российского общества XVII века. Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2004;1:36–40.
- Dvornichenko A. Yu.* To the problem of East Slavic politogenesis. Early forms of political organization. From primitiveness to statehood. Moscow: Oriental Literature; 1995. 350 p. (In Russian).
- Karamzin N.M.* Note on ancient and new Russia in its political and civil relations. Moscow: Nauka; 1991. 127 p. (In Russian).
- Krivosheev Yu.V.* Rus and Mongols: Studies on the History of North-Eastern Russia in 12–15th centuries. 3rd edition, revised and enlarged. St. Petersburg: Academy of Culture Research; 2015. 452 p. (In Russian).
- Kuzmin A.G.* Marauders on the roads of history. Moscow: Russkaya Panorama; 2005. 334 p. (In Russian).
- Omelchenko N.A., Perevezentsev S.V., Veselov A.A. et al.* History of Russia: in 4 vol. Vol. 1. Genesis and evolution of Russian statehood (up to the end of the 17th century). Moscow: INFRA-M; 2018. 679 p. (In Russian).
- Omelchenko N.A.* The Turmoil in the Moscow State at the Beginning of the XVII Century and Its Influence on the Transformation of the Foundations and Principles of Russian Statehood (Political Science Aspect). RUDN Journal. Series: State and Municipal Management. 2023;1(10):7–17. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-1-7-17>
- Platonov S.F.* Lectures on Russian History by Professor S.F. Platonov, Dr. of Russian History, read in 1899–1900 academic year at the Alexander Military Law Academy, the Imperial St. Petersburg University and at the Higher Women’s Courses. St. Petersburg; 1900. (In Russian).
- Fedotov G.P.* Fate and Sins of Russia: in 2 vol. St. Petersburg: Sofia; 1993. (In Russian).
- Frank S.L.* From Reflections on the Russian Revolution. Books VI–VIII. Russkaya mysl; 1923. (In Russian).
- Shalak M.E.* The Time of Troubles in the assessments of Russian contemporaries and historical consciousness of Russian society in the 17th century. Bulletin of Higher Education Institutes. North Caucasus Region. Social Sciences. 2004;1:36–40. (In Russian).

Влияние цифровизации на формирование современного молодежного политического лидерства

Судоргин Олег Анатольевич

Д-р полит. наук, проф. каф. государственного управления и политических технологий
ORCID: 0000-0001-7670-7238, e-mail: oa_sudorgin@guu.ru

Агафонов Алексей Васильевич

Ассист. каф. управления в международном бизнесе и индустрии туризма
ORCID: 0009-0007-9266-999X, e-mail: agafonov.aleksey@mail.ru

Государственный университет управления, 109542, Рязанский пр-т, 99, г. Москва, Россия

Аннотация

Политическая активность молодежи является важнейшим аспектом современного общества. Цифровизация открывает в этом плане огромные коммуникативные и мобилизационные возможности, преобразуя политическое участие молодежи в цифровой формат с непредсказуемыми последствиями. В статье проанализировано влияние цифровизации как сложного многоступенчатого процесса в современном мире на формирование молодежного политического лидерства. Исследованы суть и этапы цифровизации, последствия воздействия цифровых технологий на общество, политические процессы и молодежную среду. Выявлено трансформационное воздействие на социализацию, коммуникативную культуру и самосознание молодежи как фундаментальной основы для формирования наиболее активной ее части – молодежных политических лидеров. Авторы рассматривают, как использование цифровых средств коммуникации, социальных сетей, цифровых экосистем способствует активизации молодежного участия в политической жизни, ускоряет процесс формирования молодежных политических лидеров, обеспечивая их «продвижение» в онлайн-пространстве и мобилизацию сторонников. Рассмотрены вызовы и угрозы цифровизации, с которыми сталкиваются молодежь и молодые политические лидеры. Авторы пришли к выводу о том, что цифровизация на современном этапе является важнейшим условием привлечения и формирования молодежного политического лидерства, но этот аспект требует дальнейшего изучения и поддержки на уровне государственной политики.

Ключевые слова: молодежь, молодежный политический лидер, цифровизация, цифровое общество, политика, молодежная политика, социальные сети, блог

Для цитирования: Судоргин О.А., Агафонов А.В. Влияние цифровизации на формирование современного молодежного политического лидерства//Управление. 2024. Т. 12. № 2. С. 99–108. DOI: 10.26425/2309-3633-2024-12-2-99-108

The impact of digitalization on forming modern youth political leadership

Oleg A. Sudorgin

Dr. Sci. (Polit.), Prof. at the Public Administration and Political Technologies Department

ORCID: 0000-0001-7670-7238, e-mail: oa_sudorgin@guu.ru

Alexey V. Agafonov

Assistant at the Management in International Business and Tourism Industry Department

ORCID: 0009-0007-9266-999X, e-mail: agafonov.aleksey@mail.ru

State University of Management, 99, Ryazansky prospekt, Moscow 109542, Russia

Abstract

Youth political engagement is a crucial aspect of modern society. In this regard, digitalization opens huge communicative and mobilization opportunities by transforming young people's political participation into a digital format with unpredictable consequences. The article analyzes digitalization impact as a complex multi-stage process in modern world on forming youth political leadership. The essence and stages of digitalization, the consequences of digital technologies impact on society, political processes, and youth environment have been studied. The transformational impact on socialization, communicative culture and self-consciousness of youth as a fundamental basis for forming its most active part – youth political leaders – has been revealed. The authors consider how the use of digital means of communication, social networks, and digital ecosystems contributes to the activation of youth participation in political life, accelerates the process of forming youth political leaders, providing their “promotion” in the online space and supporters mobilization. Challenges and threats of digitalization faced by youth and young political leaders have been considered. The authors concluded that digitalization at the present stage is the most important condition for attracting and forming youth political leadership, but this aspect requires further study and support at the public policy level.

Keywords: youth, youth political leader, digitalization, digital society, politics, youth policy, social networks, blog

For citation: Sudorgin O.A., Agafonov A.V. (2024). The impact of digitalization on forming modern youth political leadership. *Upravlenie / Management (Russia)*, 12 (2), pp. 99–108. DOI: 10.26425/2309-3633-2024-12-2-99-108

Введение / Introduction

На современный этап развития общества огромное влияние оказывает цифровая среда. Цифровизация, понимаемая как процесс перехода от аналоговой информации к цифровой форме ее кодирования, порождает новые процессы в политике, особенно в политическом участии, лидерстве, создает новые возможности для интенсификации процессов формирования политического, в частности молодежного, лидерства, формирует новые возможности не только становления, но и реализации этого лидерства. В настоящее время эти процессы изучаются, но остаются недостаточно осмысленными, понятыми и, соответственно, исследованными.

Цифровизация породила новую цифровую среду, которая является динамичной, всепроникающей и имеет новые возможности в политике в целом и в политическом лидерстве в частности. Каждый молодой человек, имея смартфон или компьютер, получает возможность не только присоединиться к социальным сетям, но и становиться активным их участником, что требует от политических организаций разработки и внедрения новых форм работы с молодежью.

Она опосредует политическую социализацию молодежи, от которой зависит устойчивость политической системы. По данным Федеральной службы государственной статистики, в 2023 г. молодежь (люди от 14 до 35 лет) в Российской Федерации (далее – РФ, Россия) составила 37,9 млн чел.¹. Молодежь является стратегическим демографическим ресурсом государства и одновременно выступает как главный инициатор социально-политических изменений.

Эти обстоятельства сформировали потребность в исследовании влияния цифровизации на формирование современного молодежного политического лидерства.

Понятия «цифровизация», «цифровая социализация» и «молодежное политическое лидерство» / “Digitalization”, “digital socialization”, and “youth political leadership” concepts

Термин «цифровизация» ввел в научный оборот в 1995 г. Н. Негропонте [Negroponte, 1995]. С тех пор прошло почти 30 лет, и исследователи создали множество концепций «цифровизации», в мето-

логическом плане соотнесли с исследованием этапов развития общества [Вольфсон, 2017].

В современном научном поле понятие «цифровизация» имеет две главные трактовки. Сторонников первого подхода авторы называют атрибутивистами, поскольку они считают, что цифровая информация стала функцией современной жизни. Так, Д.Е. Добринская выделяет четыре элемента технологической инфраструктуры цифрового общества – коммуникационные сети, технологии больших данных, алгоритмы и платформы [Добринская, 2021].

Сторонников второго подхода (более широко трактуемыми цифровизацию) авторы называют функционалистами, считающими, что цифровая информация есть атрибут политики, экономики и т.д. [Федорченко, 2018].

В рамках тематического поля настоящего исследования целесообразно учитывать широкое значение «цифровизации», акцентируя ее влияние на психологические особенности молодых людей, которые прошли социализацию в цифровой среде, включая их мотивационные, когнитивные, коммуникативные, эмоционально-волевые и другие качества, а также ценностные представления и поведенческие паттерны.

Учитывая огромное влияние «цифровой социализации» на молодое поколение, следует определить черты данного феномена [Тишкова, 2023]. Когда исследователи говорят о «цифровой социализации», они имеют в виду погружение «интернет-пользователя» в социокультурную среду локальных сообществ при помощи освоения технологий коммуникации, информационной грамотности, социальных норм, требований и ценностей и информационной (цифровой) культуры» [Тишкова, 2023]. В качестве критерия «цифровой социализации» человека выступают не только активность в интернет-пространстве, информационная грамотность и цифровая культура, но и самоидентификация, реализация личностного потенциала посредством цифровых технологий.

Чтобы выявить влияние цифровизации на молодежное политическое лидерство, необходимо определиться с тем, что понимают современные исследователи под «молодежным политическим лидерством». Это относительно новое междисциплинарное понятие на стыке политологии, социологии и политической психологии. В научной среде нет консенсуса в идентификации молодежных политических лидеров [Селезнева, 2023].

Согласно одной точке зрения, молодежные лидеры – это представители социально-демографической группы, которые начали делать первые шаги в государственном управлении. Однако государственное

¹ Федеральная служба государственной статистики. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (дата обращения: 02.04.2024).

управление не связано с политикой, не является функцией политики — оно реализует лишь политические и государственные решения. Федеральные органы исполнительной власти, например, не являются властными органами. Это органы государства, механизм государства. Кроме того, при таком подходе идет акцент на возраст без учета политического опыта и интересов представляемых политических групп. Формы активности молодежи расширяются до студенческих и волонтерских объединений, молодежных общественных организаций, некоммерческих организаций, вовлеченных в политические процессы и работающие с молодежью и т.д.

В соответствии с другой точкой зрения, молодежные лидеры вышли из «молодежной политики» как сферы их политической социализации. В этом подходе делается акцент на политический опыт, который лидер приобрел в системе молодежной политики [Селезнева, 2023].

Второй подход локализует понятие «молодежное политическое лидерство», помогает выстроить его структуру, определяет влияние государственного управления на институционализацию молодежных политических лидеров через молодежную политику как сложную многомерную систему деятельности государства, формирующую ценности и жизненные стратегии молодых людей. Именно поэтому в настоящем исследовании будем отталкиваться от него.

Влияние цифровизации на молодежное политическое лидерство / Digitalization influence on youth political leadership

Чтобы определить, как влияет цифровизация на молодежное политическое лидерство, надо сначала выявить особенности его влияния на общество и политику.

Цифровизация не проявляется одномоментно — она разворачивается постепенно, и степень ее влияния определяется интенсивностью развития информационных технологий. В связи с этим исследователи выделяют три этапа цифровизации [Сахарова, 2022].

1. Этап появления «специализированных цифровых платформ, которые помогали оптимизировать внутренние процессы», включая развитие электронного документооборота в конце 1990-х гг.

2. Этап глобальной мобилизации (2006–2008 гг.) усовершенствовал возможности мобильной связи и т.п. Это резко повысило количество пользователей и стало прорывом в развитии нового способа коммуникаций. Пользователи получили возможность не только взаимодействовать друг с другом, но и самостоятельно создавать контент, что поменяло

концепцию интернета. Начался стремительный взлет популярности социальных сетей, сайтов видеобмена, вики-проектов, блогосферы.

В отношении второго этапа цифровизации часто применяется термин «цифровая трансформация». Он появился в бизнес-сообществе как обозначение превращения «компьютерного капитала» в главный ресурс развития [Ананьин, 2018].

3. Этап развития искусственного интеллекта. На этом этапе информационные системы Индустрии 4.0 (термин ввел К. Шваб) отличаются отсутствием заметных ограничений [Шваб, 2017]. В отличие от предыдущих они экстремально производительны (extreme productivity), обеспечивают экстремальную автоматизацию (extreme automation) и экстремальную связанность (extreme connectivity) [Деев, 2022].

Процесс цифровизации оказывает непосредственное влияние на общество, которое становится «цифровым». Д. Тапскотт выделяет 12 признаков «цифрового» общества, среди которых ключевыми являются: «ориентация на знания, цифровая форма представления объектов, виртуализация производства, инновационная природа развития, интеграция, конвергенция, динамизм, глобализация» и т.п. [Тапскотт, 1999].

С.Н. Федорченко пришел к выводу о том, что «цифровизация общества и политического режима — два неразрывно связанных процесса», поскольку цифровизация базируется на появлении цифровых платформ как фундаментальной основы создания общих сетевых эффектов [Федорченко, 2021].

По мнению А.Е. Конькова, ключевые интерпретации цифровых сюжетов в политике необходимо структурировать посредством двух политико-цифровых «дискурсов»:

- 1) цифровизация политики как распространение цифровых технологий на политические отношения;
- 2) политика цифровизации как использование политических методов и технологий для управления цифровыми процессами [Коньков, 2020].

Применительно к теме настоящего исследования целесообразно рассмотреть первый аспект — цифровизацию политики во влиянии цифровизации на молодежных политических лидеров.

Важнейшими компонентами цифровизации в политике являются цифровые ритуалы, которые связаны с аватаризацией и интерфейсизацией [Федорченко, 2021]. Аватаризация трактуется как феномен, связанный «с массовым распространением персональных пользовательских аккаунтов, дающих гражданам новое внешнее расширение (в понимании М. Маклюэна) на цифровых платформах для участия в демократических практиках» [Володенков, 2021].

Интерфейсизация выступает тенденцией «регламентации и стандартизации действий индивидов со стороны цифровых корпораций и политических режимов» [Володенков, 2021]. Из цифровых аватаров складываются цифровые аудитории, которые становятся новым типом объекта власти. Цифровизация влечет алгоритмизацию власти: «Власть начинает походить на алгоритм — какие группы контролируют алгоритмы цифровых платформ, те и сосредоточивают в своих руках политическую власть, решая, кому предоставлять, а кому не предоставлять само право на коммуникацию» [Федорченко, 2021].

Концепция цифровых аватаров, которых можно идентифицировать как цифровых двойников человека, выступает новым прочтением теории «внешнего расширения» человека, которую М. Маклюэн озвучил еще в 1964 г. На современном этапе пророческими звучат его идеи о том, что появление нового средства доставки информации меняет людей больше, чем контент этого средства. События последнего времени доказывают гипотезу философа о том, что безграничное развитие информации в условиях «глобальной деревни» (понятие стало метафорическим обозначением общества с распространением интернета) резко увеличивает вовлеченность людей в дела друг друга [Маклюэн, 2003]. Мы видим, например, как массово люди начинают реагировать на трагичные инциденты. Теракт в «Крокс-Сити» 22 марта 2024 г. вызвал эмоциональную волну в первую очередь в цифровом пространстве, на следующий день после трагедии прошли интернет-акции «Свеча памяти», «Журавли», и даже организация мемориалов памяти в городах России получила отражение в сети. Таким образом, цифровые ритуалы резко повысили градус восприятия проблемы и вовлеченность людей.

В изучении интернет-коммуникаций исследователи выделяют два типа вовлечения личности в интернет-политику: цифровое контактирование (онлайн-контактирование) и цифровое участие (онлайн-участие) [Киселев, 2007]. Наиболее активно цифровое участие проявляется в молодежной среде как новая форма выражения молодыми людьми своих позиций, инструмент осуществления коллективной мобилизации и вовлечения в социально-политические процессы [Киняшева, 2023].

Динамичное внедрение в общественно-политические процессы цифровых технологий происходит на фоне «кризиса традиционных политических институтов» [Фролов, 2023]. Создатели цифровых сервисов и платформ прогнозируют посредством цифровизации увеличение вовлеченности людей

в общественно-политические процессы. Расширение сферы деятельности цифровых продуктов и оказываемых услуг формирует цифровые экосистемы как новый феномен цифровой реальности. Понятие «экосистема» в XXI в. переместилось из биологического научного лексикона в экономическую, образовательную, управленческую и другие среды [Фролов, 2023]. На данном этапе мы видим становление государственной экосистемы.

Исследователи только начинают изучение феномена экосистем в контексте политики, акцентируя внимание, во-первых, на понимании взаимодействия структурных компонентов, из которых состоит цифровая экосистема, а во-вторых, на анализе «цифровых экосистем как новых политических акторов, которые стремятся к доминированию в социальной реальности и соперничают в этом с государством» [Фролов, 2023].

Взаимосвязь цифровизации и формирования молодежного политического лидерства / The connection between digitalization and youth political leadership formation

Молодежный политический лидер, являясь представителем молодежи, находится под тем же влиянием, что и другие представители данной социально-демографической группы. Следовательно, сначала необходимо рассмотреть, как цифровизация воздействует на молодежную среду в целом.

Социализация «цифророжденных», как назвал молодых людей А. Кулешов, осуществляется на фоне взрывного роста цифровых технологий и глобальных сетей, что неминуемо опосредует их развитие — физическое, эмоциональное и интеллектуальное, — психологические особенности и мировосприятие². Для молодых людей объективная реальность подменяется цифровой, а живое общение вытесняется цифровыми приложениями [Деревянченко, 2019].

Исследуя особенности восприятия «цифрового» поколения, психологи отмечают изменение сенсорной модальности — восприятия после стимула. Общепринятым является факт, что современные молодые люди значительно меньше читают тексты. «Дети уже не читают, а смотрят», — пишет психолог А. Варга. — «Во время чтения вы должны воображать, то есть представлять все то, о чем читаете. Когда вы смотрите, воображение не нужно. Сигнал идет непосредственно в затылочную кору головного мозга,

² Варга А. «Не будут они читать и заставлять их бессмысленно». Режим доступа: <https://big-i.ru/biznes-i-obshchestvo/fenomeny/a18445/?ysclid=lum5apzj87397130686па>; (дата обращения: 02.04.2024).

это другое восприятие»³. Молодое поколение принадлежит к новой коммуникативной культуре, под которой будем подразумевать «все виды специфических культур, связанных с человеческим взаимодействием» [Дзялошинский, 2021]. Кроме того, особенностью развития молодого поколения является отрицание устаревшего, с их точки зрения, опыта взрослых людей и стремление к переменам.

Современную ситуацию можно соотнести с характеристиками «префигуративной культуры», ориентированной на будущее, где молодежь не только учится у старшего поколения, но и сама создает тренды и обучает старших [Мид, 1998]. Коммуникативный разрыв на фоне префигуральной культуры резко осложняет межпоколенческий диалог, особенно если принять во внимание тот факт, что для поведения молодежи в цифровом обществе характерно не только приспособление к новому социальному пространству или «пространству отношений», но и создание нового цифрового пространства и новых цифровых социальных практик [Лига, Захаров, 2022].

Оценивая влияние цифровизации на молодежь, мы видим неоднозначность исследовательских позиций. С одной стороны, она стимулирует качества: креативность, индивидуальное развитие и культурное своеобразие, новые навыки жизненной и когнитивной ориентировки [Heersmink, 2018]. С другой стороны, есть ряд угроз: «изменения личностной идентичности», появление искажений личности, инфантилизма, возможность для манипуляций сознанием, проблема информационной безопасности, компьютерная зависимость, подмена традиций, ценностей социальной жизни цифровыми ритуалами, уход из реального мира в виртуальное пространство и разрыв социальных связей [Карсавина, 2019; Василенко, 1998].

Примечательно, что отдельные риски были диагностированы еще на рубеже XXI в., но они актуальны и по сей день. На профилактику подобных угроз цифровизации направлена «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года», которая создает условия для формирования и реализации комплекса мер, учитывающих особенности современных детей, социальный и психологический контекст их развития⁴.

³ Варга А. «Не будут они читать и заставлять их бессмысленно». Режим доступа: <https://big-i.ru/biznes-i-obshchestvo/fenomeny/a18445/?ysclid=lum5arpzj87397130686па>: (дата обращения: 02.04.2024).

⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/39133.html/> (дата обращения: 02.04.2024).

Влияя на молодежную среду в целом, цифровизация оказывает непосредственное воздействие и на молодежных политических лидеров как наиболее активных представителей молодежи.

Помимо общих факторов с широким диапазоном действия, можно выделить те, которые наибольшим образом помогают раскрыть или, наоборот, ограничить потенциал молодежного политического лидера. Для этого обратимся к структуре молодежного политического лидерства. Социальный портрет молодежного политического лидера составили В.А. Зорин и Е.П. Очкаляс на основе эмпирического исследования биологических и психологических характеристик современных молодых политических лидеров [Зорин, Очкаляс, 2023]. По результатам политико-психологического анализа молодежный политический лидер современной России – городской житель до 31 года с высшим образованием, гуманитарным или социально-экономическим. С юношеского возраста он нацелен на карьерный рост в общественно-политической сфере, при этом весьма прагматичен в своем продвижении. Эксперты подчеркивают, что «эффективным механизмом достижения личных целей для большинства из них при этом стали молодежные отделения политических партий и участие в лидерских конкурсах» [Зорин, Очкаляс, 2023].

Авторы считают, что в структуре молодежного политического лидерства можно выделить следующие элементы:

1) видение и идеалы – молодежный политический лидер должен иметь «образ будущего», его ценности должны быть конгруэнтны с теми, которые он транслирует, а идеи – глобальными, гуманными и резонирующими;

2) лидерские качества – к лидерским качествам можно отнести инициативность, убежденность и убедительность, преданность, стремление к развитию и др.;

3) образование – у молодежного лидера должна быть ценность образования, стремление учиться на протяжении всей жизни, образовательный кругозор должен простирается в области политики, экономики, социологии и других наук, касающихся общественной деятельности;

4) коммуникативные компетенции – для лидерства необходимо умение общаться, вдохновлять, мотивировать и мобилизовать других людей, умение работать в команде, при этом уметь строить конструктивный диалог и находить компромиссы для достижения общих целей.

5) способность к анализу, принятию решений и ответственность – молодежный политический

лидер должен быть способен анализировать сложные ситуации, принимать обоснованные решения и уметь брать ответственность на себя;

б) самопрезентация и развитие собственного потенциала — важно, чтобы молодежный политический лидер постоянно работал над собой, развивал свои лидерские качества, улучшал коммуникативные навыки и расширял кругозор.

Таким образом, структура элементов молодежного политического лидера включает как личностные качества, так и профессиональные навыки, необходимые для успешного руководства и влияния на общественные процессы.

Цифровизация дает много инструментов для развития молодежного политического лидерства, но есть и ряд потенциально ограничивающих факторов. Начнем с инструментов цифровизации для реализации молодежного политического лидера.

1. На видение и идеалы влияет беспрецедентный информационный поток, переходящий местами в информационный шум. Он позволяет молодежным политическим лидерам знакомиться с «образами будущего» других эпох, культур и государств, соотносить свое видение будущего с другими лидерами. Это требует развития навыков критического мышления. Главную роль в формировании идеалов и ценностей должно играть государство, структурируя информационные потоки.

2. На лидерские качества влияют цифровые экосистемы в социально-политической сфере. На современном этапе как один из механизмов молодежной политики по формированию лидеров выступает «Россия — страна возможностей» [Фролов, 2023]. На данной площадке выстроена система социальных лифтов и каналов мобильности посредством реализации проектов личного, профессионального и карьерного плана. Экосистема представлена проектами «Лидеры России», «Кадровое агентство», «Мастерская управления Сенеж», «ТОПблог», «Моя страна — моя Россия», «Открываем Россию заново», «Российская студенческая весна» и др.⁵ Эти проекты могут стать «точкой входа» для молодежного лидера, началом его самоопределения, а в дальнейшем развить его компетенции как молодежного политического лидера, который прошел становление в программах молодежной политики.

3. Развитию образованности способствуют многочисленные онлайн-курсы и вебинары на Coursera, Udemu, Лекториум, Stepik и др. Эти инструменты помогают изучать политическую теорию, навыки

управления, публичного выступления, а также «распаковки» личности, самопрезентации, то есть необходимые маркетинговые составляющие «продвижения».

4. Самым доступным и распространенным способом развития коммуникаций являются социальные сети. Из официально действующих в РФ социальных сетей наиболее привлекательной для молодежи является «ВКонтакте». Социальные сети помогают создать цифровой образ лидера, обмениваться идеями, собирать и удерживать аудиторию. «ВКонтакте» дает также возможность публиковать посты в тематических сообществах с уже имеющейся аудиторией, где можно набирать себе сторонников, например, сообщество под названием «Лентач». Это особенно актуально на начальных этапах продвижения лидеров в социальных сетях.

Коммуникативными площадками являются и платформы для онлайн-обсуждений — Discord, Slack, Telegram. Мобильные приложения для управления проектами и коммуникации (Trello, Asana, WhatsApp и др.) помогают структурировать задачи, координировать действия и управлять командой.

5. Способность к анализу, принятию решений и ответственность развиваются при помощи политических игр и симуляторов, позволяющих смоделировать политические ситуации и принимать стратегические решения. Данные компетенции тестируются на онлайн-мероприятиях, таких как онлайн-марафоны, онлайн-флешмобы и т.д.

6. Формат блогов является одним из самых распространенных способов самопрезентации молодежных политических лидеров. Блогеры часто набирают популярность на новостных политических сюжетах. Они могут подтолкнуть аудиторию к политическому участию не только в форме комментария в социальной сети — многие блогеры успешно агитировали молодежь на участие в федеральных и других голосованиях. Такая позиция может быть «точкой входа» в офлайн-политическую сферу, например, вступление в политическую партию.

Вместе с тем есть и ряд потенциально ограничивающих факторов.

1. Молодые люди находятся под постоянным воздействием информационных потоков и новостного фона. Негативные новости ими воспринимаются с большим интересом, чем позитивные: «Позитивная новость воспринимается как фрагмент медленного эволюционного развития какой-либо ситуации, а негативная новость — как внезапное, контroversионное обычному течению жизни событие, привлекающее внимание и вызывающее много эмоций» [Елишев, 2015]. Соответственно, набрать «политические баллы» на негативном новостном

⁵ Россия — страна возможностей. Режим доступа: <https://rsv.ru/?usclid=lua8yrmlk9344328863> (дата обращения: 02.04.2024).

контексте для молодежного политического лидера можно гораздо быстрее.

Не случайно в настоящее время социальные сети и мессенджеры, в которых много доступной (часто недостоверной) политической информации, являются основным каналом протестной мобилизации молодежи. Оппозиция наряду с деструктивными политическими силами использует молодежь как «вторичный» малозатратный политический ресурс. При этом «протестная мобилизация» на негативном новостном фоне дает более быстрое, нежели в рамках действующего политического режима, «продвижение» в интернет-пространстве молодого политика. Не задумываясь о разрушительных последствиях такого шага, без глубокой рефлексии социально-политической действительности молодые лидеры попадают в «ловушку псевдомобильности».

2. С.А. Гришаева и П.А. Шамаев считают необходимым учитывать такие «подводные камни», как анонимность и «диктатуру малых меньшинств» [Гришаева, Шамаев, 2022]. Анонимность предполагает возможность несоответствия имени пользователя в интернете и настоящей личности. Как следствие, появляются искусственно создаваемые акторы – боты, имитирующие реальных пользователей. «Диктатура малых меньшинств» наступает под влиянием лидеров общественного мнения, чаще всего блогеров. При этом манера донесения информации часто подменяет ее содержание. Набирая популярность, они способны направлять мнение молодежных политических лидеров при помощи цифровой среды в нужное русло, транслируя определенную точку зрения. Кроме того, возникает соблазн копировать манеру поведения и способ продвижения в интернете известных блогеров.

Заключение / Conclusion

Под воздействием цифровизации меняется природа социальной действительности, происходит ее гибридизация с проникновением онлайн- и офлайн-форматов. Общество становится цифровым, цифровой формат приобретают и политические процессы. Наибольшее воздействие цифровизация оказывает на сознание молодых людей, их восприятие окружающего мира и самоидентификацию. Данный феномен опосредует формирование жизненных планов, действенных стратегий поведения молодежных политических лидеров, которые являются частью молодежной среды.

Цифровизация опосредует формирование молодежных политических лидеров. Они получают практически неограниченный доступ к политической информации и различным точкам зрения.

Цифровые образовательные платформы помогают в развитии критического мышления, повышают управленческие компетенции и навыки работы в команде. Социальные сети помогают продвигать свои взгляды и идеи. Формат блога дает огромные возможности для самопрезентации и привлечения внимания аудитории. Открываются невиданные ранее коммуникативные возможности. Цифровые технологии позволяют молодым политическим лидерам устанавливать прямую связь со своей аудиторией. Через цифровые каналы молодежные политические лидеры могут быстро мобилизовать своих сторонников на онлайн- и офлайн-мероприятия. Цифровые экосистемы выступают лифтами социальной мобильности и могут быть использованы как «точка входа» в политическую сферу.

Наряду с очевидным ускорением и распространением процесса формирования молодежных политических лидеров есть очевидные риски и угрозы. Социальная незрелость молодежных политических лидеров на фоне быстрой иллюзии продвижения на негативном новостном фоне может быть использована в «протестной мобилизации». Недооценка угрозы анонимности в сети, особенно на фоне информационных войн, может привести к коммуникации с ботами, имитирующих реальных пользователей. Создается угроза попасть под манипулятивное воздействие мнимых акторов политических дискуссий. Эта угроза касается и возможности оказаться под влиянием лидеров мнений или ангажированных блогеров. Потенциал молодежных политических лидеров, способных транслировать ценности определенному кругу молодежи, в условиях цифровизации выступает ресурсом, поэтому так важно использовать его именно посредством государственного управления.

Необходимо комплексное исследование влияния цифровых технологий на формирование лидерских качеств у молодежи в условиях цифровой среды, в том числе посредством государственного управления. Это поможет создать благоприятную среду для развития молодежного лидерства и его успешного вовлечения в политический процесс с целью позитивного влияния на будущее общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ананьин В.И., Зимин К.В., Лугачев М.И., Гимранов Р.Д., Скрипкин К.Г. Цифровое предприятие: трансформация в новую реальность. *Бизнес-информатика*. 2018;2(44):45–54. <https://doi.org/10.17323/1998-0663.2018.2.45.54>
- Василенко И.А. Политические процессы на рубеже культур. М.: УРСС; 1998. 219 с.
- Володенков С. В., Федорченко С.Н. Цифровые инфраструктуры гражданско-политического активизма: актуальные вызовы, риски и ограничения. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021;6:97–118. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2014>
- Вольфсон Ю.Р., Вольчина А.Е. Проблема классификации теорий информационного общества. *Russian Journal of Education and Psychology*. 2017;3(8):80–110. <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2017-3-80-110>
- Гришаева С.А., Шамаев П.А. Политическое участие молодежи в цифровой среде. *Цифровая социология*. 2022;1(5):25–35. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2022-5-1-25-35>
- Деев С.А. Четвертая промышленная революция. Молодой ученый. 2022;39(434):37–42.
- Деревянченко А.А., Шалин А.П. Проблемы интернет-безопасности детей и подростков. В кн.: Рязанцев С.В., Ростовская Т.К. (ред.) Молодежь и молодежная политика: новые смыслы и практики. М.: ООО «Экон-Информ»; 2019. С. 141–145.
- Дзялошинский И.М. Коммуникативная культура в цифровой цивилизации. В кн.: Коммуникативная культура: история и современность: материалы XI Международной научно-практической конференции, Новосибирск, 29 октября 2021 г. Новосибирск: ИПЦ НГУ; 2021. С. 9–14.
- Добринская Д.Е. Что такое цифровое общество? *Социология науки и технологий*. 2021;2(12):112–129. <https://doi.org/10.24412/2079-0910-2021-2-112-129>
- Елишев С.О. Молодежь как объект социализации и манипуляций. 2е изд. М.: Канон+, Реабилитация; 2015. 320 с.
- Зорин В. А., Очкаляев Е.П. Молодежные политические лидеры в современной России: биографические и психологические характеристики. *Полилог*. 2023;1(7). <https://doi.org/10.18254/S258770110024946-2>
- Карсавина Н.А. Условия и способы повышения активности молодежи как субъекта инноваций и устойчивого развития регионов. В кн.: Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов: материалы XV Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 9–11 октября 2019 г. СПб: Реноме; 2019. С. 222–229.
- Киняшева Ю.Б., Муращенков С.В. Социально-политические риски гражданского участия российской молодежи в условиях цифровизации общества. *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»*. 2023;3:108–121. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2023-3-108-121>
- Киселев А.А. Интернет: модели и практики политического участия. Краснодар: Оттиск; 2007. 103 с.
- Коньков А.Е. Цифровизация политики vs политика цифровизации. *Вестник Санкт-Петербургского университета*.

REFERENCES

- Ananyin V.I., Zimin K.V., Lugachev M.I., Gimranov R.D., Skripkin K.G. Digital organization: Transformation into the new reality. *Business Informatics*. 2018;2(44):45–54. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1998-0663.2018.2.45.54>
- Derevyanchenko A.A., Shalin A.P. Problems of Internet safety of children and teenagers. In: Ryazantsev S.V., Rostovskaya T.K. (eds.) Youth and youth policy: new meanings and practices. Moscow: Ekon-Inform; 2019. Pp. 141–145. (In Russian).
- Dzyaloshinsky I.M. Communicative culture in digital civilization. In: Communicative culture: History and modernity: Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference, Novosibirsk, October 29, 2021. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ. House; 2021. Pp. 9–14. (In Russian).
- Dobrinkaya D.E. What is the digital society? *Sociology of Science and Technology*. 2021;2(12):112–129. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2079-0910-2021-2-112-129>
- Deev S.A. The Fourth Industrial Revolution. *Molodoi uchenyi*. 2022;39(434):37–42. (In Russian).
- Elishev S.O. Youth as an object of socialization and manipulation. 2nd ed. Moscow: Kanon+, Reabilitatsiya; 2015. 320 p. (In Russian).
- Fedorchenko S.N. Technologies of political regimes legitimization in conditions of digitalization. Diss. ... Dr. Sci. (Polit.): 23.00.02. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; 2021. 564 p. (In Russian).
- Frolov A.A., Sokolov A.V., Egorov D.V. Key Characteristics of Digital Ecosystems in Politics. *Administrative Consulting*. 2023;2:46–55. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2023-2-46-55>
- Frolov A.A., Sokolov A.V., Palagicheva A.V. “Russia – the country of opportunities” as an ecosystem for creating equal starting opportunities for citizens. *Administrative Consulting*. 2023;10:98–112. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2023-10-98-112>
- Grishaeva S.A., Shamaev P.A. Young people’s political participation in the digital environment. *Digital Sociology*. 2022;1(5):25–35. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2022-5-1-25-35>
- Heersmink R. A Virtue Epistemology of the Internet: Search Engines, Intellectual Virtues and Education. *Social Epistemology*. 2018;1(32):1–12.
- Karsavina N.A. Conditions and ways to increase the activity of youth as a subject of innovation and sustainable regional development. In: Sociocultural evolution issues in Russia and its regions: Proceedings of the XV All-Russian Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, October 9–11, 2019. St. Petersburg: Renome; 2019. Pp. 222–229. (In Russian).
- Kinyasheva Yu.B., Murashchenkov S.V. Socio-political risks of civic participation of the Russian youth in the conditions of digitalization of society. *Bulletin RSUH. Series History. Philology. Cultural studies. Oriental Studies*. 2023;3:108–121. (In Russian). <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2023-3-108-121>
- Kiselev A.A. Internet: models and practices of political participation. Krasnodar: Ottisk; 2007. 103 p. (In Russian).
- Konkov A.E. Digital politics vs political digitalization. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*. 2020;1(13):47–68. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.104>

- Международные отношения. 2020;1(13):47–68. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.104>
- Лига М.Б., Захаров М.А.* Молодежь цифрового общества. В кн.: Эффективность реализации государственной молодежной политики: опыт регионов и перспективы развития: материалы VIII Международной научно-практической конференции, Чита, 21 апреля 2022 г. Чита: Забайкальский государственный университет; 2022. С. 23–27.
- Маклюэн Г.М.* Понимание медиа: внешние расширения человека. Пер. с англ. В. Николаева. М.; 2003. 464 с.
- Мид М.* Культура и мир детства. М.: Наука; 1988. 430 с.
- Сахарова С.М., Авдеева И.Л., Парахина Л.В.* Цифровизация публичной политики в системе государственного управления. Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. 2022;1(10):114–125. <https://doi.org/10.34220/2308-8877-2022-10-1-114-125>
- Селезнева А.В., Хаткевич А.А., Баранова Т.В.* Молодежное политическое лидерство в современной России: определение теоретических оснований и концептуальной рамки исследования. ПОЛИТЭКС. 2023;2(19):283–297.
- Танскотт Д.* Электронно-цифровое общество. М.: Рефл-бук; 1999. 714 с.
- Тишкова А.С.* Особенности цифровой социализации современной молодежи: теоретический экскурс. Человеческий капитал. 2023;12(180):212–218. <https://doi.org/10.25629/HC.2023.12.19>
- Федорченко С.Н.* Технологии легитимации политических режимов в условиях цифровизации. Дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. М.: Институт философии РАН; 2021. 564 с.
- Халин В.Г., Чернова Г.В.* Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски. Управленческое консультирование. 2018;10:46–61. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-10-46-63>
- Фролов А.А., Соколов А.В., Егоров Д.В.* Ключевые характеристики цифровых экосистем в политике. Управленческое консультирование. 2023;2:46–55. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2023-2-46-55>
- Фролов А.А., Соколов А.В., Палагичева А.В.* «Россия — страна возможностей» как экосистема создания равных стартовых возможностей для граждан. Управленческое консультирование. 2023;10:98–112. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2023-10-98-112>
- Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М.: Э; 2017. 208 с.
- Heersmink R.* A Virtue Epistemology of the Internet: Search Engines, Intellectual Virtues and Education. Social Epistemology. 2018;1(32):1–12.
- Negroponte N.* Being Digital. New York: Knopf; 1995. 256 p.
- Khalin V.G., Chernova G.V.* Digitalization and Its Impact on the Russian Economy and Society: Advantages, Challenges, Threats and Risks. Administrative Consulting. 2018;10:46–61. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-10-46-63>
- Liga M.B., Zakharov M.A.* Youth of digital society. In: State youth policy implementation effectiveness: Regional experience and prospects for development: Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference, Chita, April 21, 2022. Chita: Transbaikal State University; 2022. Pp. 23–27. (In Russian).
- McLuhan G.M.* Understanding the Media: External Extensions of Man. Trans. from English V. Nikolaev. Moscow; 2003. 464 p. (In Russian).
- Mead M.* Culture and the World of Childhood. Moscow: Nauka; 1988. 430 p. (In Russian).
- Negroponte N.* Being Digital. New York: Knopf; 1995. 256 p.
- Sakharova S.M., Avdeeva I.L., Parakhina L.V.* Digitalization of public policy in public administration. Actual directions of scientific researches of the XXI century: theory and practice. 2022;1(10):114–125. (In Russian). <https://doi.org/10.34220/2308-8877-2022-10-1-114-125>
- Selezneva A.V., Khatkevich A.A., Baranova T.V.* Youth political leadership in modern Russia: determination of the theoretical foundations and conceptual framework of the study. POLITEX. 2023;2(19):283–297. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.209>
- Schwab K.* The Fourth Industrial Revolution. Moscow: E; 2017. 208 p.
- Tapscott D.* Electronic and Digital Society. Moscow: Refl-book; 1999. 714 p. (In Russian).
- Tishkova A.S.* Features of digital socialization of modern youth: theoretical excursion. Human Capital. 2023;12(180):212–218. (In Russian). <https://doi.org/10.25629/HC.2023.12.19>
- Vasilenko I.A.* Political processes at the turn of cultures. Moscow: URSS; 1998. 219 p. (In Russian).
- Volodenkov S. V., Fedorchenko S.N.* Digital Infrastructures of Civic and Political Activism: Current Challenges, Risks and Constraints. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2021;6:97–118. (In Russian). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2014>
- Wolfson Y.R., Volchina A.E.* The difficulty of information society theories classification. Russian Journal of Education and Psychology. 2017;3(8):80–110. (In Russian). <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2017-3-80-110>
- Zorin V. A., Ochkalys E.P.* Youth political leaders in contemporary Russia: biographical and psychological characteristics. Polylogos. 2023;1(7). (In Russian). <https://doi.org/10.18254/S258770110024946-2>